ДЖОН ТЕЙТ ЭПЛБИ

КОРОЛЕВСТВО БЕЗ КОРОЛЯ

АНГЛИЯ ВРЕМЕН РИЧАРДА 1189—1199 ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Король-крестоносец Ричард I был истинным рыцарем, прирожденным полководцем и несравненным воином. С львиной храбростью он боролся за свои владения на континенте, сражался с неверными в бесплодных пустынях Святой земли. Ричард никогда не правил Англией так, как его отец, монарх-реформатор Генрих II, или так, как его брат, сумасбродный король Иоанн. На целое десятилетие Англия стала королевством без короля. Ричард провел в стране всего шесть месяцев, однако за годы его правления было сделано немало в совершенствовании законодательной, административной и финансовой системы. Это стало возможным благодаря ярким личностям, на которых было возложено управление государством. Автор приводит много интересных фактов, а также использует цитаты из воспоминаний свидетелей той далекой эпохи и выдержки из трудов знаменитых хронистов.

- Джон Т. Эплби
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
- notes
  - 1

Джон Т. Эплби
Англия времен Ричарда Львиное Сердце. 1189–1199. Королевство без короля

Памяти Джона Фицджеральда Кеннеди
29 мая 1917–22 ноября 1963

Королем учтивых и императором храбрых
Вы были бы, господин, если бы жили,
Ведь вас прозвали молодым королем
И молодых вы были вождем и отцом.

Бертран де Борн. Я заканчиваю песнь

Выражаю благодарность служащим Библиотеки конгресса за предоставленный ими доступ к материалам, а также за обходительность и помощь.

Особенно хотел бы отметить вклад леди Стентон, любезно согласившейся прочитать мою рукопись, она также исправила немало неточностей и внесла важные изменения, сделавшие мою книгу лучше. За оставшиеся в тексте ошибки я беру ответственность на себя.

Д. Т. Э.

Вашингтон, округ Колумбия

JOHN T. APPLEBY

England without Richard

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2018

I
1189 год

В июле 1189 года Алиенора Аквитанская, королева Англии, пребывала в заточении в Винчестере. За исключением нескольких кратких периодов свободы, полученной по поводу важных церемоний, она оставалась в заключении по воле своего мужа, короля Генриха II, с весны 1173 года. Тогда она, переодевшись в мужское платье, приняла участие в мятеже, поднятом ее сыновьями против власти отца, она же была и вдохновителем восстания.

После смерти Генриха 6 июля 1189 года Ричард, его старший из здравствующих сыновей и безусловный наследник, отправил гонца в Англию с приказами освободить мать из заключения и предоставить ей полномочия отдавать распоряжения по своему велению, которым надлежало быть выполненными в точности, как она желала. Получив свободу, Алиенора стала действовать от имени сына, которого всегда любила больше остальных детей, она собрала двор и двигалась с королевской пышностью из города в город, из замка в замок, поступая так, как того хотела.

Кроме того, по распоряжению Ричарда она разослала во все земли Англии сообщения о том, что заточение пленников окончено, добавив от себя лично, что ограничение свободы отвратительно для человека и освобождение стало для нее истинным воскрешением духа. Это не было актом всеобщего необдуманного освобождения, а лишь желанием отменить несправедливые приказы. Лица, имевшие бенефиции, стали жертвами «Лесной ассизы», кодекса, за соблюдением которого Генрих II следил с особой строгостью. Королева решила, что всех заключенных за неповиновение закону надлежало отпустить на свободу, а приговоры, вынесенные по этому делу, отменить.

На основании статьи 39 Хартии вольностей требовалось также освободить всех помещенных в тюрьму по велению короля или его юстициариев, а не по приговору суда, что косвенно указывало на то, что Генрих и его помощники не только действовали своевольно, но и считали собственное решение равным законному. Надлежало освободить и тех, кто был подвергнут правовой процедуре или осужден по обвинению второго лица, если они смогут найти поручителя, готового гарантировать ими соблюдение установленных требований в дальнейшем.

Нам неизвестно, кто был автором документа, в котором

приводились все жалобы на произвол Генриха II в конце его правления, а также предвосхищалось будущее недовольство баронов деспотичными указами Иоанна. Мы не знаем, был ли он составлен советниками Ричарда в Нормандии и направлен Алиеноре для обнародования в Англии или написан в самой Англии и оглашен благодаря неограниченной власти, которой Ричард наделил свою мать. Так или иначе, авторство его принадлежит человеку хорошо осведомленному о злоупотреблении властью последним королем и одержимому идеей, что все, включая монарха, обязаны следовать закону.

Изложенные положения указа дают понять, что судебный институт времен правления Генриха, даже если не брать в расчет тиранический по своей сути кодекс о лесах, был в высшей степени коррумпированным и предвзятым. Множество людей были брошены в темницу по одному слову короля или его юстициариев и лишены возможности защищать права в суде, но еще больше заключенных оказались в тюрьме по наговору, по обвинению человека, готового, прямо или косвенно, вести войну ради достижения собственной цели, также никому из них не было предоставлено право найти поручителя, готового представлять их интересы в суде в установленное время. В частности, несправедливо были брошены за решетку и те, к кому обращались в надежде добиться собственного помилования мужчины, оговорившие другого по велению королевских приспешников. Согласно приказу им надлежало отречься от своих слов, после чего они могли быть отпущены. Те же, кто оклеветал другого без угрозы советников короля, а по собственной воле, должны были оставаться в заключении до поры, когда на их счет будет вынесено решение.

Уильям Ньюбургский с горечью пишет следующее: «Темницы были переполнены людьми, ожидающими суда или наказания, однако он (Ричард), взойдя на трон, даровал им свободу, возможно желая наказать еще суровее в будущем».

Наконец, Алиенора вынесла решение и повелела: «Каждый, отказавшийся от обвинений, обязан заявить о верности королю Ричарду, правителю Англии, сыну короля Генриха и леди Алиеноры, и ныне, и в будущем, почитать его как властителя судеб всех подданных, повиноваться ему, поддерживать в желании сохранить мир и установить справедливость на землях, ему вверенных».

* * *

Несмотря на то что Алиенора действовала от имени сына, ее нельзя назвать регентом или соправителем. Принятые для правительства инструкции, предписывающие, как поступать в отсутствие короля, по-прежнему соблюдались; верховный юстициарий, Ранульф Гленвилл, назначенный королем Генрихом в 1180 году, оставался на должности и исполнял свои обязанности, хотя уже и от имени Ричарда и, несомненно, по поручению Алиеноры, несмотря на то что это не было обычной процедурой.

Король Ричард же не спешил в Англию возложить на свою голову корону. Впервые со времен Нормандского завоевания старший сын был бесспорным преемником своего отца. Иоанн, младший брат Ричарда и единственный второй претендент на трон, поддержал его во время мятежа против отца в конце правления Генриха и полностью зависел от него.

20 июля в Руане Ричард был возведен в титул герцога Нормандского. Епископы, находившиеся в то время в Нормандии, – Болдуин, архиепископ Кентерберийский, Гуго Авалонский, епископ Линкольна, Гилберт, епископ Рочестерский, Гуго Нормандский, епископ Ковентри, – прибыли в Англию для подготовки к встрече нового короля. Позже пожаловали также Готье, епископ Катанский, архиепископ Руана и два епископа из Нормандии – Генрих из Байё и Иоанн из Эврё.

Герцог Ричард сошел на берег в Портсмуте 13 августа. Рожденный в Англии, он большую часть жизни провел в герцогстве Аквитания и бывал в Англии лишь дважды – на Пасху 1176 года и Рождество 1184 года. Народ в этих землях почти не знал его по личным достижениям, однако был наслышан о деяниях. Жизненный путь Ричарда был непростым. Ему еще не исполнилось пятнадцать, когда он получил титул герцога Аквитанского, почти все время он проводил в седле, борясь с непокорными баронами Аквитании и отражая нападки отца и братьев, желавших отобрать у него герцогство. Таким образом, он получил бесценный опыт на поле боя и был известен в Англии как один из лучших воинов своего времени.

Вдоль всего пути его следования из Портсмута в Винчестер стояли толпы народа, желая хоть мельком увидеть нового правителя, и им удалось разглядеть не только бесстрашного воина. Ричард отличался суровостью натуры, однако любил поэзию и музыку и в душе, несомненно, сам был поэтом. Помимо этого, наследник обладал харизмой, а также внешней привлекательностью, которая не оставалась незамеченной. Ричард, которому на тот момент исполнилось тридцать один год, и он уже вышел из юношеского возраста, был высок и хорошо

сложен, широк в плечах и строен, он имел белоснежную кожу, рыжие с золотым отливом волосы и ясные голубые глаза. В нем горела святая вера крестоносца, впервые он выступил под крестом в ноябре 1187 года и стал первым принцем с той стороны Альп, сделавшим подобный шаг. С той поры Крестовые походы стали главным делом его жизни. Ричард прибыл в Англию не только для коронации, он намеревался найти в новых владениях как можно больше воинов, запасов и, разумеется, денег.

До нас не дошли сведения о том, во что был одет Ричард в момент, когда впервые предстал перед народом, однако, учитывая его страсть к роскоши, можно предположить, что он был облачен так же впечатляюще, как и через пару лет по одному поводу государственной важности. Тот случай стал единственным, когда его одеяние было описано во всех деталях. В мае 1191 года, во время переговоров с императором Кипра Исааком, на нем был великолепный головной убор с вышитыми золотом птицами и зверями, парчовая туника в розовых тонах, нарядный плащ с полумесяцами и переливающимися серебряными лучами, а также сапоги с золотыми шпорами.

Толпа приветствовала Ричарда с неистовой радостью, люди надеялись, что он введет новые законы, отменит прежние несправедливые решения, выступит против притеснений, имевших место последние годы во время правления его отца, и установит на этих землях мир и покой.

«Он сделал больше добра, чем его отец, и смог остановить зло. Он восстановил права тех, кого отец лишил наследства; тем, кого отец держал в кандалах, сын даровал свободу; подвергнутых отцом различного рода наказаниям во имя торжества справедливости сын вернул к нормальной жизни» (из рукописи «*Путешествие короля Ричарда*»).

15 августа Ричард прибыл в Винчестер, где и воссоединился с матерью. Его встречала великолепная процессия духовенства и подданных.

Одним из первых распоряжений, отданных Ричардом по прибытии в Англию, был приказ пересчитать и взвесить все, что хранилось в казне отца. Согласно хроникам Роджера из Хоудена, сумма равнялась 100 000 марок (марка была не монетой, а мерой веса, равной двум третям фунта – 13 шиллингам 4 пенсам). В рукописи «Путешествие короля Ричарда» указывается сумма в 900 000 фунтов, но епископ Стаббс разумно полагал, что была допущена ошибка, и писал о 90 000 фунтов, что больше похоже на правду.

Возможно, Ричарду пришлось заплатить долг чести, значительно уменьшивший его запасы. Во время последней

встречи короля Филиппа II и Генриха II последний обещал выплатить ему 20 000 марок в качестве возмещения потерь в ходе войны, Ричард же, вскоре после смерти отца, согласился добавить еще 4000 марок. В казначейских свитках сохранились упоминания о том, что «25 000 марок были отправлены за море», таким образом, поступок Ричарда можно считать выплатой долга чести.

Младший брат Ричарда, Иоанн, прибывший из порта Барфлёр почти в то же время, когда Ричард высадился в Дувре, присоединился к матери и брату в Винчестере. Еще в Руане Ричард подтвердил, что Иоанн получит подарок отца, намеревавшегося отдать ему графство Мортен в Нормандии, ничем не примечательные земли, приносившее Англии 4000 фунтов годового дохода, а также женить на Изабелле Глостерской. Однако он сделал владения брата в Англии более существенными, присовокупив к обещанному отцом замки и титулы Мальборо, Ладжершалла, земли Пик (Край Вершин) – Центральной и Северной Англии, Болсовер, титулы Певериллов, город Ноттингем, замок и титул в Ланкастере, весь Дербишир, титул Воллингфорда и «еще много и многое, что слишком долго перечислять».

Ричард также позволил Иоанну жениться на дочери и наследнице Уильяма графа Глостерского, сына графа Роберта – бастарда Генриха II. Иоанн и Изабелла были трою родными братом и сестрой, а архиепископ Болдуин запрещал подобные браки. Однако Иоанн, намеревавшийся добиться своего, обратился к папе Клименту III и обвенчался с Изабеллой 29 августа в Мальборо.

Ричард не мог не знать характер брата. Иоанн был коварен, ненадежен, и молодой король знал об этом. Он отвернулся от своего отца, будучи его любимым сыном, и поддержал Ричарда в мятеже, приведшем к смерти Генриха, и совсем не горевал о кончине родителя. Причиной таких поступков видится лишь желание всегда быть на стороне победителя.

Иоанну в те дни было около двадцати одного года. Все его поступки до сего времени не давали повода полагаться на него в будущем. Генрих даровал сыну владение Ирландией в 1177 году и отправил его туда в 1185 году. Поведение Иоанна было более чем отвратительным. Он настроил против себя как местных ирландцев, так и англо-норманнов, обосновавшихся в этих местах, кроме того, показал себя человеком эгоистичным, капризным, алчным, продемонстрировал, что не обладает задатками и навыками как достойного суверена, так и воина. В оправдание Иоанна стоит заметить, что тогда ему было лишь

восемнадцать, впрочем, в его возрасте Ричард уже умело управлял землями и храбро сражался.

У Ричарда было мало поводов питать любовь к брату. Послушавшись совета отца, Иоанн в 1184 году примкнул к войску брата Джеффри, герцога Бретани, вторгся в Пуату, движимый безрассудной идеей отобрать графство у Ричарда. Потерпев поражение, армия вернулась в Бретань. После смерти старшего сына Генриха Молодого в 1183 году Генрих II отказывался признавать Ричарда наследником и часто давал понять, что видит своим преемником именно Иоанна. Ричард же настолько не доверял брату, что даже намеревался отказаться от Крестового похода, который предполагал начать в мае-июне предыдущего года, если Иоанн не пойдет с ним, дабы тот всегда был под присмотром.

Ричард, как известно, всегда с особой щепетильностью относился к выполнению обещанного отцом, знал обо всем, что Генрих пожаловал или что повелел, потому он щедро наградил тех, кто оставался с прежним королем до конца его дней, полных унижения и поражений.[1] У нас нет свидетельств того, что Ричард был привязан к отцу, который часто обижал сына, не желал признавать претендентом на корону, Генрих даже соблазнил женщину, с которой тот был помолвлен. Нет и фактов, говорящих о том, что Ричард раскаивался в том, что восстал против отца, или скорбел после его смерти. По воспоминаниям свидетелей, он весьма равнодушно взглянул в лицо упокоившегося отца, постоял несколько минут и, развернувшись на каблуках, спешно покинул церковь.

Соблюдение Ричардом всех пожеланий и приказов отца было следствием благоразумия и здравомыслия. Генрих II, как ни претил этот факт его сыну, оставался королем Англии до самой последней минуты жизни. Если Ричард и мог добиться повиновения народа, то только после вступления на престол. Чтобы подать пример подчинения монаршей власти и сразу установить правила, он обязан был исполнить последнюю волю отца. То, что он сам восстал когда-то против короля, было лишь мигом из прошлого; кроме того, он считал себя не предателем, а незаслуженно обиженным сыном, желавшим получить принадлежащее ему по праву – место наследника престола, которого Генрих лишил его обманом.

После трусливого бегства Иоанна Ричард повернулся в сторону единоутробного брата, имевшего законное право на благодарность отца и милость самого Ричарда. Джеффри, согласно написанному Уолтером Мэпом, был рожден, вероятно, в 1154 году от распутной женщины, валлийки по имени Икенаи.

Генрих дал ему имя своего отца и вырастил вместе с законными детьми. С раннего возраста его готовили к служению церкви, он обучался в знаменитой школе в Нортгемптоне, считавшейся в тем времена лучшим заведением во всей Англии.

Джеффри стал избранным епископом Линкольна в 1172 году и был отправлен отцом в Тур для завершения обучения. Однако сан не мешал Джеффри быть прекрасным воином, он так отличился в 1173–1174 годах, встав на сторону отца, что Генрих воскликнул: «Мои старшие сыновья бастарды; этот же единственный доказал, что он мой законный сын». Несмотря на то что папа избавил его от препятствий, связанных с незаконным рождением и тем, что он был моложе канонического возраста, Джеффри твердо отказался принять епископское посвящение, закрывавшее для него путь к другим высотам, к которым он стремился. Место в епархии в Линкольне фактически пустовало пятнадцать лет, и в 1181 году папа велел Джеффри сделать выбор – занять его или уйти окончательно. Джеффри, которого больше привлекала жизнь светская, нежели церковная, решил встать в строй и «стать солдатом на службе у короля-отца».

Историк Гиральд Камбрийский, хорошо знавший Джеффри, говорил, что принц всегда «стремился к чему-то более великому, нежели чин епископа». Амбиции его не были безосновательными. Вильгельм Завоеватель был бастардом; Генрих I сделал своего старшего сына-бастарда графом Глостерским и даровал огромные земли на западе страны, а Реджинальду, другому незаконнорожденному сыну, которому его дочь Матильда позже пожаловала титул графа Корнуолла, отдал юго-западные территории. Впрочем, Генрих II не так легко раздавал поместья и титулы, как его дед и мать. Он назначил Джеффри своим канцлером, и тот верно служил королю до последних минут жизни. Сын был одним из немногих, остававшихся с Генрихом до самого конца, и монарх, находясь уже на смертном одре, пообещал наградить его, сделав епископом Винчестера – города в самом богатом графстве Англии – или архиепископом Йорка.

Однако никакие посты уже не привлекали Джеффри. «Он надеялся, что в случае, если с его братом, будущим королем, случится на жизненном пути нечто непредвиденное, он сможет получить либо все королевство, либо большую его часть». Ричард был осведомлен о притязаниях брата. Ему доложили, что однажды Джеффри, будучи в компании самых преданных друзей, поднял золотую чашу, поставил себе на голову и спросил: «Готова ли теперь это голова носить настоящую корону?» Более того, говорили, что у него вошло в привычку время от времени топтать ногами портрет Ричарда и приговаривать: «Вот так следует

относиться к худшему из королей».

Ричард решил помешать планам брата и одновременно выполнить последнюю волю короля. Прежде чем Джеффри успел вернуться в Англию, он велел священнослужителям Йорка незамедлительно выбрать его архиепископом, поскольку этот пост был свободен со времени кончины в 1181 году Роджера Понт-л'Эвека. 10 августа в Йорке Джеффри был избран архиепископом Йоркским.

И сразу же некоторые представители духовенства, в частности Губерт Уолтер, декан Йоркского собора, и Гуго де Пюйсе, епископ Дарэма, выступили против результатов выборов, на которых им, как и многим другим, не было дано права голоса, позже они обратились с жалобой к папе. Протест, хотя и вполне законный, не был бескорыстным. Губерт Уолтер считал себя кандидатом на это пост, а Гуго де Пюйсе прочил на него своего сына Бушара. Королева Алиенора, не питавшая любви к бастардам мужа, и Ранульф Гленвилл, юстициарий и дядя Губерта Уолтер выступили против назначения, но Ричард сделал вид, что не заметил их недовольства.

Медленно двигаясь в сторону Лондона, Ричард узнал, что уэльсцы нападают на пограничные поселения и уже разорили несколько из них. Со свойственной ему стремительностью он порывался немедленно наказать нарушителей, однако Алиенора убедила сына предпринять все необходимые меры после коронации.

Ричард прибыл наконец в Лондон, где его встретила великолепная процессия. В воскресенье 3 сентября 1189 года он был коронован в Вестминстерском аббатстве. Историки того времени описывают церемонию по минутам, что дает основание полагать, что был введен новый порядок; по крайней мере, та же процедура повторялась с неизменной точностью во время всех коронаций после 1189 года.

Процессия духовенства в пурпурных шелковых мантиях и помощников, несущих крест, свечи, кадила с благовониями, прошествовала в покои Ричарда в Вестминстерском дворце и сопроводила его в аббатство. Он ступал по дороге, устланной тканью, отовсюду доносилось «благостное песнопенье». Будущего короля проводили в аббатство клирики, несущие святую воду, распятия, свечи и кадила. Затем вошли представители духовенства рангом выше в строгой очередности: сначала главы приходов, затем аббаты и в конце епископы. Среди них были и четыре барона, держащие в руках золотые канделябры.

Вынесли также королевские коронационные регалии. Годфри де Люси нес королевскую скуфью, Джон Маршал золотые шпоры,

Уильям Маршал, недавно женившийся на наследнице графине Пембрук, золотой скипетр, увенчанный золотым крестом, а Уильям, граф Солсбери, золотой жезл с голубем на вершине. Три графа, Давид Хантингтон, брат короля Шотландии, Иоанн, брат Ричарда, и Роберт, граф Лестерский, несли мечи и золотые ножны. Следом шли шесть графов и бароны, которые несли столик с королевскими инсигниями и облачением, за ними Уильям де Мандевиль, граф Эссекс, с великолепной короной, украшенной большими драгоценными камнями.

Справа от Ричарда шел Гуго, епископом Дарэма, а слева Реджинальд, епископ Бата, четыре барона несли над его головой шелковый полог, отделанный кружевом. Следом шла толпа, состоящая из графов, баронов, рыцарей, за ними же следовали прочие клирики и миряне.

Когда процессия подошла к алтарю, все встали на колено, и Ричард произнес три клятвы перед Евангелием и мощами святых. Он дал обет посвятить дни жизни своей мирному, честному и благоговейному служению Богу, святой церкви и духовенству; творить праведный суд над вверенным ему народом; истреблять дурные законы и извращенные обычаи, если таковые отыщутся, и охранять добрые.

На трон Ричард сел, облаченный в рубаху, открывающую плечи, и панталоны. Его обули в златотканые сандалии. Архиепископ Болдуин вложил в правую руку Ричарда скипетр и в левую жезл с голубем. Затем совершил акт помазания елеем его головы, груди и руки. Поскольку место епископа Лондонского оставалось вакантным после смерти Гилберта Фолиота 18 февраля 1187 года, вместо него выступил Ральф де Дисето, именно он передал архиепископу елей. На Ричарда возложили скуфью, затем облачили в тунику и далматику, вручили меч правосудия, два графа надели золотые шпоры и накинули на плечи мантию.

Затем Ричарда вновь провели к алтарю. Архиепископ привел его к присяге от имени Бога Всемогущего, просил не принимать на себя монарший сан, если не готов исполнить все данные обеты. Ричард ответил, что с милостью Божьей исполнит их. Затем он сам взял с алтаря корону и протянул архиепископу, который возложил ее на голову Ричарда. Архиепископ вложил ему в руки скипетр и жезл, которые держали в это время епископы Дарэма и Бата, и уже король Ричард проследовал к трону, сопровождаемый баронами, несущими канделябры, тремя графами с мечами и епископами Дарэма и Бата с обеих сторон.

Король сидел на троне, пока архиепископ служил воскресную мессу. Корона была столь тяжела, что двум графам пришлось

держать ее над головой суверена. Когда пришло время сделать пожертвования, епископы проводили Ричарда к алтарю, где он передал несколько марок золота.

Месса завершилась, и та же процессия проводила короля Ричарда в его покои, где он смог наконец снять тяжелую корону и праздничную одежду и надеть другую, более удобную и подходящую для предстоящего веселья. Во время пира, описывая который историки употребляли слова «изобилие», «богатство», «разнообразие», «множество», архи епископ, согласно традиции, сидел за одним столом с королем. Графам, баронам и рыцарям были отведены отдельные столы, за которыми они «знатно повеселились». Представление о том, каким было празднество, можно составить по следующим фактам: для пира потребовалось 1770 кувшинов, 900 чаш и 5050 блюд.

Ричард повелел, чтобы на праздник по поводу коронации не допускали иудеев, будь то мужчина или женщина. Пока король веселился в сугубо мужском обществе, несколько богатых евреев попытались проникнуть во дворец. У ворот собралась огромная толпа зевак, и, завидев евреев, люди набросились на них, одних убили, а других избили до полусмерти. В городе начался бунт. Толпы врывались в дома иудеев, убивали, крушили, жгли. Поскольку почти все строения в Лондоне были деревянными, лишь церкви и особняки знати были каменными, огонь распространялся с разрушительной скоростью.

Услышав крики, Ричард отправил главного юстициария Ранульфа Гленвилла усмирить толпу. Ранульф оказался бессилен перед гневом лондонцев, беспорядки переросли в грабежи и разбой, продолжавшиеся всю ночь. То, что вначале было лишь проявлением антисемитизма, превратилось в демонстрацию беззакония.

Евреев привез с собой в Англию Вильгельм Завоеватель, они оставались самым малочисленным меньшинством, избравшим для проживания крупные города. Они не вписывались в феодальную систему, но довольствовались сомнительной привилегией быть под защитой короля. Христиане, разумеется, занимались ростовщичеством, используя различные хитрости, дабы избежать запрета церкви на этот вид деятельности, однако, когда все риски и выгоды были изучены, по большей части заниматься выдачей денег под проценты стали евреи. После смерти еврея-ростовщика король, как единственный господин и защитник иудеев, сам наследовал все деньги и долговые обязательства, являвшиеся доказательством того, что христианин взял у иудея некую сумму, или же велел наследникам скончавшегося еврея заплатить, чтобы получить право стать его

наследниками. Когда в 1186 году умер Аарон Линкольн, богатейший из всех евреев в Англии, Генрих II изъял все хранящиеся у него векселя и вынужден был организовать дополнительный отдел в казначействе, чтобы вести учет, так велика была сумма, которую предстояло по ним получить.

Впрочем, совсем не означает, что все евреи занимались только ростовщичеством, хотя позор, которым их за это покрывали, распространялся без разбора на всю общину. Более того, вспышки антисемитизма были неприятным и нередким явлением во время походов крестоносцев. На волне энтузиазма, который непременно должен был присутствовать в людях в борьбе с врагами Христа, коими являлись, по их определению, сарацины, воины обращали свою ненависть на находящихся рядом иудеев. Жестокие убийства евреев проходили в Руане и в Германии в начале Первого крестового похода.

Узнав о масштабе беспорядков, Ричард пришел в ярость. Его оскорбил не только сам факт нарушения спокойствия в день его коронации, но и то, что были ограблены евреи, находящиеся под его защитой и являющиеся для него потенциальным источником обогащения. Он повелел задержать и наказать преступников, но, как обычно бывает в таких ситуациях, повинна была толпа, в которой было непросто выявить зачинщиков. Повешены были трое: один за то, что обворовал другого христианина, и двое за устроенный пожар, распространившийся на дома христиан. Ричард разослал строжайшие приказы всем шерифам, чтобы предотвратить подобные бунты по всей стране.

5 сентября был днем оммажа на верность, королю присягнули архиепископы, епископы, графы, бароны – все, кто присутствовал на коронации. Затем, по описанию Роджера из Хоудена, «король выставил на продажу все, что только было возможно». Сам Ричард позже писал: «Я бы продал и Лондон, найдись на него покупатель». Ричард пекся только о том, как собрать деньги для похода на Святую землю, и готов был делать это любыми возможными способами. Он мог бы обложить налогом всю страну, но доходность этого предприятия была сомнительной, кроме того, что наиболее важно, это потребовало бы времени. Ричард же хотел иметь все необходимые средства немедленно.

Помимо продажи земель, должностей и, с недавнего времени, привилегий, он нашел еще один способ получения средств. Папа Климент III прислал ему патент, дающий право освобождать от обета идти на Святую землю тех, кого король желал бы оставить в Англии и поручить управление государством в свое отсутствие. В 1188 году Генрих II силой заставил идти в поход под знаком креста многих из тех, кто не испытывал желания, и тех, кто дал

обет, поддавшись минутному душевному подъему, и позже пожалел о содеянном. Теперь эти люди могли выкупить у короля право остаться дома. Ричард таким образом получал «бесценную сумму в помощь» и одновременно имел возможность учредить администрацию, заменявшую королевскую власть.

Король отправился в Геддингтон в Нортгемптоншире, где 15 сентября прошел церковный собор, собравший епископов и баронов в аббатстве Пайпуэлл. Кроме места архиепископа Йорка, которое занял Джеффри, четыре основные должности были вакантны. В первый же день собора Ричард назначил Годфри де Люси, сына одного из самых преданных и верных слуг его монаршего отца Ричарда де Люси, на место в Винчестере, которое было свободно с декабря прошлого года, со дня смерти Ричарда Ильчестерского. Годфри трижды заключал сделку с королем: он выкупил для церкви поместья в Меоне и Уоргрейв за 3000 фунтов, обеспечил права своих наследников за 1000 фунтов, получил место шерифа в Гемпшире и право вести дела в замке Винчестера.

Ричард также проявил милость к тем преданным вассалам, которым благоволил Генрих. Ричард, казначей королевства и архидьякон Илийский, был сыном Найджела, епископа Илийского, служившего казначеем в правление Генриха I и освобожденного от должности Генрихом II вскоре после восшествия на престол, когда он предпринял реорганизацию казначейства. Уйдя в отставку с королевской службы около 1158 года, Найджел выкупил этот пост для сына Ричарда за 400 фунтов. В большей степени Ричард известен как автор «Диалога о Палате шахматной доски», являющегося уникальным источником информации о работе королевской финансовой системы. Король

назначил его епископом Лондона, поскольку это место пустовало с момента кончины весной 1188 года Гилберта Фолиота.

Необходимо отметить, что король не имел права напрямую назначать епископов. Он лишь выражал свою волю главе духовенства, который, разумеется, повиновался, король отдавал епископские земли во временное владение еще перед посвящением, за это будущий епископ приносил феодальную присягу, как все бароны королевства. Таким образом, соблюдалась кажущаяся свобода церкви, которую Ричард поклялся поддерживать.

На следующий день король сделал назначения остальных епископов. Гийома Лоншана (Уильяма Лонгчампа), его канцлера в Аквитании, он назначил епископом Илийским. Прежний епископ Джеффри Ридел, занявший этот пост в 1173 году, встречал Ричарда в Винчестере, но внезапно заболел и 21 августа скончался. Поскольку он не оставил завещания, Ричард получил все его несметные богатства: 3000 марок в золотых монетах, а также «золото, серебро, лошадей, дорогую одежду, зерно и прочие запасы, представлявшие огромную ценность». Ричард сделал Гийома Лоншана не только епископом, но канцлером Англии за 3000 фунтов, несмотря на то что Реджинальд, епископ Бата, посулил ему 4000.

Последнее, что оставалось сделать, – решить проблему, возникшую в Йорке, поскольку и декан Йоркского собора Губерт Уолтер, и епископ Дарэма Гуго выступали против назначения Джеффри архиепископом. Король назначил Губерта Уолтера епископом в Солсбери, на место, пустовавшее с 1184 года, а сына Гуго Бушара казначеем Йорка, эту должность занимал Джеффри до избрания архиепископом. Губерт Уолтер и епископ Гуго де Пюйсе приняли назначение Джеффри, и оно было одобрено участниками собора. Место декана Йоркского собора вместо Губерта Уолтера занял Генри Маршал, брат преданного короне Уильяма Маршала.

После установления королем мира в Йорке Джеффри, вероятно пребывая в отчаянии от близости церемонии посвящения в епископа, что сделало бы неосуществимым его намерение занять высокое положение во власти светской, чего он желал всем сердцем, дал волю скандальному и гневливому нраву, не лучшим образом повлиявшему впоследствии на его карьеру. Уже после избрания архиепископом он позволил себе громкие и неучтивые высказывания в адрес брата, в связи с его решениями в Йорке и другими назначениями, в отношении которых имел права голоса. «Он ругался и кричал, что королевские, пусть и милостивые, указы не должны исполняться лишь по его желанию

и прихоти».

Ричард долго проявлял терпение к самому сложному из своих братьев, но, не выдержав, в порыве гнева лишил того всех земель по обе стороны пролива.

В последний день собора, 17 сентября король обратил внимание на управление государством во время его отсутствия. Ранульф Гленвилл был верховным юстициарием Генриха с 1180 года. Карьера его была долгой и блестящей. Он занимал пост шерифа Йоркшира вплоть до 1170 года, когда все шерифы были временно отстранены от исполнения своих обязанностей, на период проводимого Генрихом II «расследования шерифов». В период обострения отношений с севером в 1173–1174 годах он был главнокомандующим английским войском, одержавшим решающую победу над шотландскими завоевателями в Алнвике. Именно ему сдался в плен шотландский король. Генрих наградил его, вернув должность шерифа Йоркшира, а также сделал верховным юстициарием и часто использовал на дипломатической службе. Гленвилл был самым преданным и доверенным слугой короля, занимал наивысшую должность вице-регента, когда Генрих отправлялся в поход.

Вероятнее всего, между ним и Ричардом были некоторые трения, также доподлинно неизвестно, каковы были отношения между ними после прибытия Ричарда в Англию. По хроникам Ричарда из Девайса, король Ричард бросил его в темницу и потребовал выкупить освобождение за 15 000 фунтов. Как отмечает Ричард из Девайса, то, что Гленвилл смог выплатить такую сумму, еще раз подчеркивает, что он был в милости у короля. В казначейских свитках сохранились факты проступков Ранульфа, есть записи его признания в том, что он и его приближенные получили помимо основной выплаченной суммы еще 1600 фунтов. Помощнику Гленвилла, Рейнеру, служившему его заместителем в Йоркшире и замешанному во всех его темных делах, также пришлось заплатить 1000 марок, чтобы вернуть расположение короля.

Гленвилл не изменил мнения и, как и раньше, был против назначения Джеффри архиепископом Йорка; он также присутствовал на пиршестве по случаю коронации и принимал активное участие в подавлении бунта против евреев, разумеется, он также был на соборе в Пайпуэлле.

Скорее всего, Ричард просто использовал Ранульфа в своих интересах, ему было важно, чтобы в первые недели его правления в стране было спокойно, однако вскоре он ясно дал понять, что дни, когда власть принадлежала Гленвиллу, заканчиваются. Ричард щедро награждал преданных слуг отца, однако пост

главного юстициария был столь важным и ответственным, что на него он мог назначить лишь человека, которому доверял в полной мере. В Аквитании он силой заставлял людей, в верности которых сомневался, дать ему клятву быть рядом в Крестовом походе; таким образом, они всегда были под контролем, вероятно, по той же причине он держал при себе и Ранульфа, который, благодаря богатому военному опыту и способностям в управлении, был бы очень полезен королю в походе на Святую землю.

Уильям Ньюбургский пишет, что Ранульф был уже человеком немолодым, к тому же не одобрял нововведения Ричарда, он подал в отставку, чтобы отправиться в Иерусалим, поскольку принял знак Господень в период правления Генриха II. В хрониках «Деяния Генриха II и деяния короля Ричарда» есть упоминания о том, что Гленвилл, «уставший от прожитых лет и тяжелой службы», молил короля освободить его от похода в Иерусалим.

По собственной ли воле или по решению короля, но Гленвилл оставил пост главного юстициария. В Пайпуэлле Ричард назначил епископа Дарэма Гуго де Пюйсе и Уильяма де Мандевиля, графа Эссекса, графа Омальского исполнять обязанности главного юстициария совместно. Вероятно, в то же самое время Ричард даровал Гуго, епископу Дарэма титул графа Нортамберлендского, получив за это 10 000 фунтов, как пишет Ричард из Девайса, что давало ему полную власть над графством, объединенным с целью упрощения управления, к тому же не контролируемым казначейством. Также за 600 марок король продал Гуго поместье Садбердж. Ричарду все происходящее виделось веселой шуткой. Он восклицал: «Какой я отличный мастер, превратил старого епископа в молодого графа!»

Должность главного юстициария была самой значимой в королевстве. Когда король отсутствовал, он обязан был присутствовать в Королевском суде в Вестминстере и на заседаниях в казначействе. Верховный юстициарий замещал короля, а также возглавлял королевскую курию.

Генрих II провел больше половины времени в свое правление в доменах по ту сторону Ла-Манша и имел возможность оттуда следить за происходящим в Англии, благодаря непрерывному потоку писем с приказами, отправляемыми доверенным лицам, исполнявшим свои обязанности и его волю. Ричард же, как известно, планировал выдающееся предприятие, которое привело бы его на край земли. В связи с этим сообщение с островным королевством осуществлялось бы столь медленно, что переписка становилась почти бессмысленной. Если в стране возникнет кризис, его придется урегулировать людям, находящимся на местах; у них просто не будет времени ждать приказов короля.

Избранные им люди были теми, кто больше всего добился за последние годы. Гуго де Пюйсе, епископ Дарэма был одним из богатейших и самых влиятельных людей на севере. Более чем за тридцать пять лет он установил в своем графстве практически независимую монархию. Разумеется, он был связан с Генрихом, но король, кажется, не стремился к частому общению с епископом. Генрих не посещал Дарэм, а епископ редко покидал графство. Гуго не предпринимал никаких попыток помогать Генриху. Во время нападения короля Шотландии на север в 1173 году епископ Гуго не сделал попыток защитить страну, хотя и не поддержал шотландцев.

В защиту Гуго стоит заметить, что он разумно и эффективно управлял графством, чем заслужил уважение и дружбу многих феодалов-землевладельцев севера. Кроме того, он был джентльменом старых правил, степенный, полный достоинства, обладал хорошими манерами, был почитателем искусства, много строил и славился тем, что любил жизнь. Однако все это, разумеется, не является доказательством того, что он идеально подходил для той должности, которую получил от Ричарда.

Чтобы выплатить требуемые королем суммы, Гуго использовал деньги, предназначавшиеся для Крестового похода. Также он отправил прошение папе, чтобы тот своей властью освободил его от обязанности отправляться в поход. Уильям Ньюбургский осмелился предположить, что епископ был не вполне честен. Гуго следовало написать: «Я потратил все деньги, чтобы купить титул графа, и теперь не могу отправиться в Иерусалим. Умоляю, предоставьте мне повод отказаться». Вместо этого он просил о милости, ссылаясь на свой преклонный возраст.

Уильям де Мандевиль, граф Эссекс, женился на Гевизе Омальской, единственной наследнице графства Омальского в Нормандии, и получил титул и обширные владения. Он был в Крестовом походе с Филиппом, графом Фландрии, когда тот одержал блестящую победу в битве при Рамле в 1177 году. Близкий друг Генриха, Уильям был рядом с ним по ту сторону Ла-Манша в июне 1189 года. Ричард любил Мандевиля и доверял ему, вскоре после назначения графа одним из юстициариев он отправил его с миссией в Нормандию.

Похоже, Ричард не задумывался о том, что ни один из двух мужчин не обладал качествами, необходимыми для управления неспокойным государством в весьма неопределенный по времени период отсутствия короля, впрочем, он не вполне понимал, какой им предстоит объем работы. Скорее всего, наиболее важным фактором для него было почтение, с которым к ним относились, и то, что это были люди чести, что ни у кого не вызывало

сомнений. Честь и доблесть Ричард ценил превыше всего, кроме того, он был прекрасно осведомлен о двуличии и беспринципности в финансовых вопросах подчиненных своего отца.

Ричард назначил Уильяма Маршала и четырех старших судей Королевского суда, Джеффри Фицпетера, Уильяма Брюэра, Роберта Уайтфилда и сына Роберта Ренфри, помощниками двух юстициариев. Подразумевалось, что королева Алиенора, которой он полностью доверял, будет контролировать их и направлять. Джеффри и Уильям Брюэр обязаны были идти с Ричардом в поход, но он освободил их от этого долга за выплаченный откуп, размер которого неизвестен.

Последующие платы откупщиков были произведены во время заседания казначейства на Михайлов день, когда шерифы предоставляли свои отчеты. Из тридцати одного шерифа должности сохранили лишь шесть. Однако даже в их отчетах встречались подтасовки и нарушения. Роберту Деламеру удалось остаться в Оксфордшире, также после выплаты 100 фунтов ему был отдан Беркшир. Генри Корнхиллу удалось удержаться в Суррее, и в обмен на 100 марок он получил Кент. Огер Фицогер был снят с должности в Бакингемшире и Бедфордшире и переведен в Гэмпшир, за что получил сумму в 200 марок и право выдавать замуж дочерей за тех, кого выберет.

Ранульф Гленвилл, бывший верховный юстициарий, был лишен или же отказался добровольно от места шерифа Йоркшира, которое было передано Джону Маршалу, брату Уильяма. Зятя Ранульфа, Ральфа де Ардена, вытеснили из Херефордшира, его должность перешла к Генри Лоншану, брату Гийома Лоншана. Ральф также был изобличен в лишении собственности Франко де Бохуна, силой отобрал у него земли в Суссексе, ему было велено заплатить за помилование короля 1000 марок. Уильям Маршал стал шерифом Глостершира, заплатив 50 марок, а граф Уильям Солсбери стал шерифом Уилтшира, пост стоил ему 60 марок.

Роберт Мармион не только лишился графства Вустершир, но и был оштрафован на 1000 фунтов. Епископ Ковентри Гуго купил шерифство в Уорикшире, Лестершире и Стаффордшире за 200 марок. Ричард Ингэйн, желающий, разумеется, в моменты подобных потрясений сохранить свои владения, обещал 300 марок за должность шерифа в Нортгемптоншире сроком на три года. Самой большой единоразовой выплатой стала предложенная Жераром де Камвиллом сумма в 700 марок за место шерифа Линкольншира и владение замком Линкольн, права на который унаследовала его жена, Никола де ла Хайе.

Все указанные выше суммы взяты из казначейских свитков, в которых, это следует помнить, содержатся лишь финансовые отчеты шерифов. В реестре, безусловно, отражены все получения королем денежных выплат. Если король получал наличные суммы, а Ричард предпочитал именно такие, они непременно заносились в казначейские свитки. «И все пошло у него на продажу, равно должности, владения, графства, виконтства, замки, города, промыслы и иные подобные вещи», огромные суммы были переданы непосредственно королю. Если шериф не мог выплатить взыскиваемую сумму до вступления в должность, она заносилась в реестр и считалась долгом, подлежащим выплате из будущих доходов.

У многих может возникнуть вопрос о разумности предпринятых королем перестановок, в то время как он собирался покинуть государство, однако получение денег от шерифов было на то время вполне законным. Должности приносили немалый доход. Основным годовым доходом короля была прибыль от королевских поместий, владений короля. Шерифы не просто собирали деньги и передавали в казну, они платили ежегодно установленную сумму за «возделывание» земель графства. Это было установлено довольно давно, и сумма была невысока, что позволяло доходу короля оставаться неизменным вне зависимости от урожая, а также гарантировала шерифу удовлетворительную прибыль, поскольку официально им не платили за работу. Цены с того времени, когда был установлен размер выплат, значительно выросли, и король старался компенсировать разницу, введя выплаты за «излишки» и продавая должности, что устраивало его в любом случае, сколько бы он ни получил. Шериф обладал практически неограниченными возможностями для увеличения дохода от поместья, и лишь некоторые из них не позволяли себе ими воспользоваться.

Если кто-то желал заплатить за место шерифа Нортгемптоншира 100 марок, как Ричард Ингэйн, несомненно, он предполагал получить много большую выгоду. Как указывает Ричард из Девайзеса, Ранульф Гленвилл мог заплатить королю 15 000 фунтов, и у него еще оставались средства для похода на Святую землю, это и является доказательством того, что шериф Йоркшира в любом случае ничего не терял, а лишь приобретал, получая должность.

Тем временем Джеффри, брат Ричарда, принялся тщательно изучать положение, в котором оказался из-за своих амбиций и упрямства. Ричард весьма откровенно дал понять, что его претензии на самое высокое место в королевстве напрасны, а лишив его пребенд, получаемых архиепископом Йоркским,

продемонстрировал, что, даже возвысившись на поприще служения церкви, он всегда будет зависеть от расположения и воли брата.

Джеффри, несомненно, рассчитывал на выгоду от доходных статей графства и пребенд, получаемых с должностью архиепископа, так же как и в Линкольне, не принимая при этом правила и ограничения, обязательные в жизни духовного лица. Ричард отлично понял намерения брата и сделал все, чтобы расстроить его планы.

Ричард отправил к Джеффри самых преданных своих рыцарей, отдав приказ капитулу незамедлительно организовать рукоположение брата. Когда тот отказался совершить таинство, которое заставит его навсегда распрощаться с притязаниями на власть, король послал к нему клириков, отдав еще более суровые распоряжения. Ранее, перед вступлением в должность в Линкольне, папа освободил его от препятствий, связанных с незаконным рождением. Джеффри 23 сентября, находясь в своем поместье в Саутуэлле, в присутствии Иоанна, епископа Уитхорна, принял посвящение в сан священника «не желая, и не жалуясь». Когда Ричард узнал, что теперь его брат навсегда отказался от претензий на трон, он воскликнул: «Теперь мы в нем уверены, с этой стороны нам не стоит ожидать волнений и беспокойства».

Джеффри отправился в назначенный ему город в начале октября, где его встретила торжественная процессия священнослужителей и народа. Генри Маршал и Бушар де Пюйсе потребовали восстановления в должностях, однако Джеффри отказал им, сославшись на необходимость вступить в должность и получить одобрение папы. Такой поступок единокровного брата в отношении его ставленников еще больше разозлил Ричарда. Когда Джеффри послал Адама Торновера, одного из каноников капитула Йорка, и еще нескольких человек к папе, чтобы просить паллий архиепископа – символ власти, – Ричард запретил им покидать пределы королевства. Несмотря на Кларендонские конституции, принятые Генрихом II в 1172 году, король настаивал на соблюдении положений, которые считал «традиционными». Одним из таких было существовавшее со времен Вильгельма Завоевателя требование, по которому «епископы, архиепископы и прочие деятели обязаны были испросить разрешение короля в случае необходимости покинуть пределы королевства». Ричард использовал этот прецедент для того, чтобы усилить контроль над Джеффри и его эмиссарами.

Едва ступив на берег Англии, Ричард отправил посланников во все порты Англии, Нормандии и Аквитании с распоряжением конфисковать самые большие и лучшие корабли для его будущего

Крестового похода. Он также отобрал людей для командования своим флотом и распорядился, чтобы каждое судно было загружено оружием и провизией. Запасы были впечатляющими и включали огромное количество бобов, соленой свинины, также были доставлены 10 000 лошадей.

В казначейских свитках в разделе «Учет судов» есть данные о расходах короля на подготовку флота. Он приобрел 33 корабля у союза Пяти портов, заплатив две трети стоимости, остальная часть была покрыта городами; также три судна в Саутгемптоне и столько же в Шорхэме. Полную стоимость 56 фунтов 13 шиллингов и 4 пенса Ричард выплатил Уолтеру, сыну боцмана, которому принадлежал корабль, и 66 фунтов 13 шиллингов 4 пенса за второй, который он передал госпитальерам.

Как только корабли вышли в море, по всей вероятности, Ричард также выплатил жалованье приблизительно 1100 матросам за год вперед, каждый из них получал 2 пенса в день, а рулевой 4 пенса. Команда корабля насчитывала от 25 человек на судне небольшого размера до 61 на личном судне короля «Эснекка». Мною упомянута лишь часть флота, на которую Генри Корнхилл потратил 5,023 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, остальные суда были приобретены в континентальных доменах короля и в Средиземноморье. Когда Ричард отплыл с Сицилии в апреле 1191 года, флот его насчитывал 219 единиц.

Занятый приготовлениями, Ричард, однако, не забыл об оскорблении, нанесенном ему летом валлийцами. Хотя их нападения, скорее всего, не были чем-то большим, чем простое нарушение закона, Ричард собрал «огромную армию», дабы наказать Риса ап Грифида и других правителей Южного Уэльса. В казначейских свитках, однако, нет данных, свидетельствующих о том, что войско было снабжено в большом количестве провиантом и оружием, вероятно, этот небольшой поход был похож скорее на военную вылазку с целью навести порядок.

Ричард поставил во главе армии Иоанна, это еще раз доказывает, что происходившее не было серьезной военной операцией; в противном случае можно было бы с уверенностью сказать, что никакие заботы не смогли бы удержать короля, он взял бы командование на себя и сделал бы то, что умел и любил больше всего в жизни. Иоанн не был отличным воином, но у него были свои интересы в Глостере, и ему требовалось как можно скорее навести порядок на границе.

Сопровождать Иоанна, в котором Ричард уже привык сомневаться, он отправил канцлера Гийома Лоншана, избранного епископом Илийским, человека, заслужившего полное доверие короля.

Валлийцы были удивлены и подавлены, увидев такую направленную против них силу, не сохранилось ни одного упоминания о том, что произошло хотя бы одно сражение. Лорды Южного Уэльса прибыли для встречи с Иоанном в Вустер для заключения мира и поклялись, что набеги не будут иметь место во время Крестового похода короля. Рис ап Грифид, называвший себя принцем Южного Уэльса, отправился под охраной Иоанна в Оксфорд, чтобы лично выразить почтение королю. Однако Ричард, как в прошлом и Генрих, проигнорировал встречу, сославшись на занятость. Рис был оскорблен столь откровенным проявлением неуважения и вернулся в Уэльс, так и не увидев короля.

Ричард использовал эту операцию, которую вряд ли можно назвать войной, как предлог для получения откупа от баронов, не принявших в ней участия, с каждого рыцаря взималось по 10 шиллингов штрафа. Упоминание об этом факте в казначейских свитках является одной из редких записей, когда клерки позволили себе иронию: «Епископ Илийский (Гийом Лоншан) должен 20 фунтов щитового сбора за всех рыцарей, оные были выплачены, а также сделано гораздо больше на службе в той же армии во славу короля. Теперь же, окруженный ангелами и архангелами, он покидает военную службу».

* * *

22 декабря епископы Англии собрались в Вестминстере на посвящение архиепископом Болдуином Годфри де Люси в епископы Винчестера и Губерта Уолтера в епископы Солсбери. По завершении церемонии Гуго Нонант, епископ Ковентри, поднял вопрос, интересовавший всех епископов, а особенно архиепископа. Законы многих кафедр соборов Англии были весьма странными, капитул не состоял, как должно, большей частью из каноников церкви и светских клириков, а в основном из монахов находившегося в ведении церкви монастыря, так было в Кентербери, где кафедральный капитул состоял из монахов монастыря Церкви Христовой, имевших большое влияние на кафедру.

Такое устройство, возможно, работало бы еще многие годы, если бы не два обстоятельства.

Во-первых, архиепископ часто был настолько занят либо делами короля (для епископов в XII веке было необычным считаться верными слугами короля), либо делами епархии, что у него попросту не оставалось времени управлять монастырем.

Во-вторых, проблемой было разделение земель, принадлежащих епископству и монастырю. Сделано это было по той причине, чтобы, пока место епископа свободно, землями владел король, он же получал с них доход, как и в случае с выморочным имуществом и наследством, если на момент смерти владельца наследники не достигли необходимого возраста. Если бы земли епархии и монастыря были объединены, то в отсутствие епископа ими управляли бы монахи, а король был лишен значительных сумм. Часто монарх намеренно затягивал решение вопроса с назначением на должность епископа с целью получить больше, что лишь добавляло трудностей монастырю. Следовало незамедлительно добиться объединения земель, чтобы в отсутствие епископа доходы монастыря не падали.

Какими бы разумными и насущными ни были эти меры, они вели к значительной независимости епископа от капитула, которому оставался бы только дисциплинарный и финансовый контроль. Все же монахи по-прежнему имели право выбирать епископа и часто этим правом пользовались, хотя в большинстве случаев король производил назначение по своей воле. Поскольку капитул состоял в основном из монахов монастыря, епископ также не мог вводить людей, помогавших ему в управлении епархией, в состав капитула.

Папство в то время расширяло сферу своего влияния и занималось развитием канонического права, которое ее и определяло, также и епископы искали способы увеличить свое влияние в епархии, капитуле и соборе. Монастыри, освобожденные от контроля епископа, были для последнего самой острой проблемой, и острота эта была еще тем сильнее, что они желали получить независимость от епископа, в чьей непосредственной власти находились. Случались периоды, когда разногласия между монастырями и епископами становились весьма серьезными.

Ситуация достигла пика, когда архиепископ Болдуин, цистерцианец, богослов, возмущенный непокорностью монахов Церкви Христовой, решил основать коллегиальную церковь севернее Кентербери, которая должна была стать альтернативой Кентерберийской кафедре, и сам решил назначить главу, который бы находился под его контролем и учил бы тем наукам, которыми пренебрегали ленивые монахи, тот же человек мог бы помогать архиепископу в выполнении его обязанностей. Этот поступок Болдуина положил начало самому суровому противостоянию в церковном мире того времени.

Гуго Нонант, епископ Ковентри, сталкивался с теми же проблемами, что и архиепископ, но предлагал применить более

радикальный способ их решения. Нонант происходил из знатной нормандской фамилии, был племянником епископа Арнульфа де Лизьё, друга Генриха II, который поручал ему некоторые дипломатические миссии. Гуго был избран епископом Ковентри в 1186 года и рукоположен 31 января 1188 года. Сложно проследить, как началось противостояние между Гуго и монахами, хронисты того времени яростно защищают обе стороны, поэтому найти беспристрастное суждение не представляется возможным. В записях Джервейса Кентерберийского, монаха, ненавидевшего Гуго, говорится, что он был «избран, а скорее навязан», значит, монахи избрали его не по своей воле, а по приказу короля. Уильям Ньюбургский пишет, что Гуго намеренно разжигал скандал между монахами и архиепископом, чтобы использовать разногласия как предлог для изгнания монахов. Епископу пришлось искать выход из весьма необычной ситуации – ссоры монахов и приора, требующей немедленных и радикальных мер.

Помимо 200 марок, которые епископ Гуго заплатил за пост шерифа Уорикшира и Лестершира, он обещал королю Ричарду еще 300 марок за то, чтобы тот «отдал ему монастырь в Ковентри», долгое время находящийся без контроля, где надеялся заменить монахов светскими клириками. Заручившись дозволением короля, 9 октября 1189 года епископ «согнал монахов, и те, избитые, покалеченные, некоторые даже раненные, скрылись в церкви, другие были брошены в темницу в кандалах, часть бежала, бросив все им принадлежащее. Он проник в самое нутро церкви, уничтожил уставы и прерогативы», – так писал Джервейс.

Гиральд Камбрийский, разделявший взгляды епископа, считает Гуго потерпевшей стороной и заявляет, что монахи сами напали на епископа и клириков с целью изгнать их из церкви. Был ли Гуго зачинщиком или нет, очевидно одно – между епископом и монахами произошел настоящий бой.

Гуго Нонант предстал перед собранием епископов и со свойственным ему красноречием описал жестокость монахов, оскорбления и унижения, с которыми столкнулся. Он демонстрировал синяки и раны на своем теле и телах клириков, заставив священнослужителей прослезиться. В завершение страстной речи Гуго развел руки в стороны, принимая позу Христа, и обратился к епископам с мольбой отомстить не ради него самого или всего духовенства, а ради Бога Всемогущего и святой церкви.

Епископы подхватили падающего Гуго, помогая устоять на ногах. Соблюдая обряд во всех тонкостях, епископы во главе с

архиепископом торжественно отлучили от церкви тех, кто совершил все перечисленные злодеяния, и того, кто их организовал. Гиральд объявил, что в ближайшие три-четыре дня они обсудят сложившуюся ситуацию и пути восстановления порядка. Все вышесказанное и сделанное указывает на то, что духовенство не только сочло Гуго правым, но и поддержало его, поскольку все эти люди не раз сталкивались с подобными проблемами.

Гуго был человеком хитрым и практичным, кроме того, он уже не раз посещал Рим по поручениям короля Генриха и знал, что последнее слово останется за папой, а также то, что путешествие в Рим и дары для папской курии требуют немалых денег. Он предложил начать сбор средств для будущих военных действий. Он заявил, что, если его товарищи по несчастью, тут он назвал поименно епископов, находившихся в подобном положении: Кентербери, Винчестер, Бат, Вустер, Или, Норидж и Дарэм, пожертвуют две тысячи марок, он готов добавить от себя еще тысячу, дабы «освободить себя и бедную церковь Ковентри», по его словам, только так возможно решить вопрос во благо.

Предложение было одобрено всеми епископами. Единственный, кто не был согласен с Гуго, человек, больше всех заинтересованный в наведении порядка, – сам архиепископ. Разумеется, его вето делало исполнение задуманного Гуго невозможным. Болдуин был монахом, цистерцианцем, и не мог дать согласие, несмотря на то что ему, белому монаху, предстояло выступить против черных монахов, бенедиктинцев, как их сейчас называют. Он сказал, что не считает время подходящим для столь радикальных мер против монахов. Гиральд, хорошо его знавший, поскольку был рядом, когда тот проповедовал в 1188 году в Уэльсе необходимость нового Крестового похода, отзывался о нем как о человеке удивительного благочестия и ума, но одновременно лишенном смелости. Однако не стоит забывать, что, возможно, именно эти качества позволили ему найти взаимопонимание с монахами Кентербери.

Несмотря на то что епископы не собрали для Гуго деньги, они передали ему письма, доказывающие их поддержку, которые и были незамедлительно отправлены в Рим. И Гиральд Камбрийский, и Ричард из Девайса были черными монахами, для которых епископ Гуго был воплощением дьявола, но, вероятно, они все же согласились с его участием, учитывая отправленные письма епископов, и тем, что положение требует скорейших мер для наведения порядка.

Король Ричард также желал мира между архиепископом и монахами, поскольку их ссора длилась уже три года. Целью

Болдуина было основать «альтернативную» кафедру в Гэкингтоне за пределами Кентербери и ослабить таким образом влияние монахов на кафедру Кентербери. Монахи заявляли, что он собирается отобрать у них все права и передать их светским каноникам. Они обвиняли его в стремлении лишить их даже права избирать архиепископа; монахи говорили, что архиепископ стремится основать новый кафедральный собор, который отберет у Кентербери статус матери и главы церкви Англии; монахи твердили, что он готовится забрать у них мощи святого Томаса, и жаловались, что архиепископ потратит на свои планы украденные у них деньги. Поскольку Болдуин благоразумно заручился поддержкой короля Ричарда и всех епископов, обещав каждому ценный подарок, монахи пошли дальше и стали кричать, что он решил возвыситься и уже видит себя папой Англии, собирается основать новый кафедральный собор и создать там коллегию кардиналов.

Болдуин не был человеком тонким, впрочем, исполнить столь деликатную миссию вряд ли было возможно, обладай он этим качеством, которое было совершенно бесполезным в общении с монахами. Вскоре терпение архиепископа закончилось, и он стал действовать силой. Когда же монахи отказались ему подчиниться, он закрыл их в монастыре, а некоторых, по записям очевидцев, даже бросил в темницу.

Обе стороны обратились в Рим, и каждая с некоторой разницей во времени получила ответ и одобрение папы. Весной 1189 года Климент III отправил в Англию легата Жана де Ананьи, произведенного в кардиналы папой Адрианом IV в 1158 году. Легат был наделен всеми полномочиями для урегулирования скандала. Кардинал прибыл в Нормандию в мае, однако Генрих II запретил ему пересекать границу Англии. Король не желал, чтобы тот предпринимал какие-то действия в королевстве в его отсутствие.

Кардиналу пришлось остаться в Нормандии, а Генрих в это время перешел к последнему этапу борьбы против короля Франции Филиппа II и еще одного своего врага – сына Ричарда. После кончины Генриха легат обратился к герцогу Ричарду с просьбой дать ему позволение выполнить возложенную миссию и отправиться в Англию, однако Ричард ему отказал. Будущий монарх заявил, что собирается в Англию и не желает, чтобы кардинал присутствовал на его коронации, «дабы впоследствии римская церковь не заявила свои права». В то время папская власть расширяла зоны своего влияния во всех сферах. Ричард боялся, что в случае присутствия кардинала на коронации Рим заявит о своих правах и попытается присвоить себе английскую

корону. Чтобы пресечь эту вероятность, Ричард отправил кардинала за «саладиновой десятиной» в Пуатье и Лимож, так как его больше интересовал сбор средств для Крестового похода. Прибыв в Англию, он приказал монахам Кентербери отправить посланников, наделив их полномочиями действовать от имени всей общины, чтобы те явились к нему на церковный собор. Четырнадцать монахов, среди которых был и ризничий и историк Джервейс, прибыли 8 ноября в Вестминстер и обо всем рассказали королю. Слушание проходило весьма бурно. Монахи не уступали и хотели передать королю все жалобы до последней. Заседание продолжалось весь день. Король несколько раз выходил из себя, слушая монахов, и Гуго Нонант не упускал возможность сказать: «Что я тебе говорил о монахах? Если мой король меня послушает, за два месяца мы избавим соборы Англии от монахов. Мы будем бороться против дьявола!»

На второй день слушаний Ричард заставил монахов исполнить требования восьми епископов, четырех аббатов и приоров ордена каноников-августинцев в Мертоне и Уолтхэме. Архиепископ также заявил, что в решении данного вопроса полагается на короля и его советников. Монахи вернулись в Кентербери, где им предписывалось ждать решения.

Ричард тем временем отправился в Бери-Сент-Эдмундс, в одно из крупнейших аббатств в Англии для церемонии в честь Эдмунда Мученика, короля Восточной Англии, которая должна была пройти 19 ноября. К тому же аббат Эдмундса Самсон недавно очень угодил королю, купив у него поместье Милденхолл за тысячу марок.

Король отправился в паломничество, а тем временем легат Жан де Ананьи 20-го числа высадился в Дувре. С его стороны прибыть в Англии без разрешения короля и очевидно против его воли было верхом неуважения. Королева Алиенора, действовавшая от имени сына, немедленно отдала приказ кардиналу оставаться там, где он есть, а еще лучше возвращаться туда, откуда он прибыл, и ждать дальнейших распоряжений короля, о которых его непременно известят.

Ричард с судьями прибыл в Кентербери 27-го числа того же месяца. Поскольку король планировал вскоре покинуть Англию, он велел всем государственным мужам прибыть на встречу и помочь ему принять необходимые для государства решения, чтобы обеспечить покой и порядок на время Крестового похода. Кроме того, Ричард желал уладить конфликт между архиепископом и монахами без вмешательства легата папы. Он применил свое обаяние, дар убеждения и, наконец, проявил твердость с целью заставить монахов принять компромиссное

решение, подготовленное им с помощью архиепископа Руана и епископов Англии.

Обсуждение длилось два дня. 29-го числа архиепископ Болдуин и монахи договорились по всем пунктам. Архиепископ дал согласие перенести коллегию светских каноников в другое место, снести все постройки в Гэкингтоне, кроме часовни, снять всех приоров, которые были назначены без согласия монахов, и вернуть монастырю средства, отобранные для строительства.

Надо признать, это была очень важная победа монахов, однако возведение часовни в Гэкингтоне, несмотря на то что там служил бы всего один священник и она не была бы приходской церковью, стало подтверждением нежелания архиепископа отказаться от своих планов и стремления добиваться одобрения Ричарда для создания коллегии светских каноников, пусть и не Кентербери.

Добившись заключения мира между архиепископом и монахами, Ричард вызвал легата из Дувра и организовал торжественную встречу. Выказанное уважение не успокоило кардинала, честь которого была задета, он пришел в ярость, узнав, что мировое соглашение было достигнуто без его участия и миссия его провалилась.

Архиепископ зорко следил за Жаном, однако кардиналу удалось поговорить с монахами; они же пытались убедить его в необходимости составить документ, в котором они готовы показать, что вынуждены были принять условия архиепископа Болдуина под воздействием силы и из страха гнева короля, что многое было включено в документ без их согласия, более того, их даже не поставили о нем в известность. Таким образом, кардинал задумал разрушить все, что создал Ричард, несмотря на то что в сделанном не было ничего плохого.

Будучи папским легатом и кардиналом, он обладал огромной властью. К нему обратился принц Иоанн с предложением использовать эту власть в его интересах. В прошлом году в августе он был лишен титула и земель, поскольку женился на своей кузине Изабелле Глостерской без разрешения церкви. Польщенный тем, что брат Ричарда вынужден быть с ним вежливым, что не пожелал сделать король, кардинал немедленно выдал разрешение.

Джеффри также обратился к легату и выразил свое недовольство избранием архиепископом Йоркским. Епископ Гуго Дарэмский и Губерт Уолтер, в прошлом декан Йоркского собора, а ныне епископ Солсбери, заявили, что выборы следует считать недействительными, поскольку проводились они без их присутствия, что не является законным. Действующий декан

собора Генри Маршал оскорбил Джеффри, заявив, что на такую должность не может быть избран убийца, зачатый в грехе и рожденный шлюхой. Однако кардинал Жан данной ему властью легата повелел считать выборы законными.

Тем временем Ричард приказал Джеффри и епископу Гуго Дарэмскому встретить Вильгельма, короля Шотландии, на реке Твид и сопроводить в Кентербери. Вильгельм прибыл, как настоящий король, в обществе Джеффри, Гуго и Джона Маршала, шерифа Йоркшира, а также многих баронов. В Англии он сразу же заключил с Ричардом соглашение, значительно пополнившее казну последнего. Джеффри также получил от Вильгельма гарантии мира и спокойствия на севере, чем вызвал возросшее уважение Ричарда.

В наказание за мятеж и вторжение на север Англии в 1173 и 1174 годах Генрих II потребовал от короля Вильгельма, находящегося в тот момент у него в плену, признать себя вассалом английской короны и передать во владение пять самых важных замков. За сумму в 10 000 марок Ричард освободил его от этой унизительной клятвы и вернул замки. Из всего, сделанного королем Ричардом на тот момент правления, это было самым мудрым и дальновидным решением на благо государства.

Джеффри решил примириться с братом-королем единственным способом, который не мог быть им отвергнут. Он пообещал Ричарду 3000 фунтов «за милость и расположение», и Ричард выдал ему грамоту, утверждающую его в должности архиепископа Йоркского, а также вернул все отобранные в гневе пребенды. Ричард также усмирил оскорблявших Джеффри и заставил их подчиниться своему решению. Джеффри, в свою очередь, согласился с назначением Генри Маршала и Бушара де Пюйсе на пожалованные им должности. Когда все разногласия были улажены, по крайней мере на какое-то время, папе было отправлено письмо, что Джеффри стал архиепископом Йоркским, и легат дал на то благословение.

Ричард также уже принял решение в отношении принца Иоанна. На той же встрече, где был заключен мир с королем Шотландии, он по-королевски наградил своего брата. Помимо уже переданных ему земель, Иоанн получил в дар графства Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет. Отныне эти графства, Ноттингемшир и Дербишир, а также Ланкастер передавались в безраздельное владение принцу, также он освобождался от учета казначейства. Таким образом, принц Иоанн получил возможность практически бесконтрольного управления всем юго-западом Англии и значительной частью земель в центре. Никогда еще со времен Первого крестового похода одному человеку не было

доверено управление столь значительной территорией. Разумеется, подданные и раньше владели большими участками земли, но король всегда следил, чтобы они не объединялись и принадлежали разным людям.

Ни в хрониках, ни в записях короля нет объяснения столь щедрому поступку, это особенно странно, поскольку в тот момент король нуждался в каждом пенни для Крестового похода. Вероятно, Ричард испытывал привязанность с оттенком презрения к брату, хотя это не объясняет его неожиданное желание его наградить. Однако его действия нельзя назвать неосмотрительными. Иоанн мог рассчитывать на владения, во-первых, из-за щепетильного отношения Ричарда к обещаниям, данным отцом, во-вторых, король не хотел выглядеть притеснителем недовольного брата, который может пожелать силой взять то, что ему причитается. Если считать, что Ричард решил таким образом успокоить брата и оградить себя от тревог на время Крестового похода, следует заметить, что король был более чем великодушен.

Возможно, что Ричард просто не вполне осознавал, какой именно суммой он должен располагать. Его часто обвиняли в скупости, поскольку он учитывал каждое пенни, полученное тем или иным способом, однако причиной того была не скупость, а необходимость иметь огромные средства, чтобы покрыть беспрецедентные расходы. Все, что делал Ричард, стоило баснословно дорого. Его коронация была самой блестящей из всех, что видела Англия; дар брату Иоанну превзошел все его мыслимые ожидания; затрачиваемые на подготовку к походу суммы позволяли предположить, что король задумал грандиозное предприятие. Ричард был уверен, что деньги существуют для того, чтобы их тратить; единственный способ узнать, сколько у него было денег, – это проверить, сколько он тратил.

Дары Ричарда матери были не менее щедрыми, чем Иоанну. Королева получила не только вдовью часть наследства, установленную ей Генрихом, Ричард отдал ей все земли, которые Генрих I и король Стефан выделили своим королевам.

Ричард полагал, что уладил все споры, достиг мира, и отправился в Дувр, где занялся приготовления к отъезду в Нормандию. Уильям де Мандевиль, один из юстициариев короля, назначенный регентом на время его отсутствия, внезапно скончался в Жизоре от лихорадки. Его вдову, графиню Гевизу, которую Ричард из Девайса называл «почти мужчиной, имеющей сходство с женщиной лишь анатомически», король отдал в жены своему другу Гильому де Фору. Надо сказать, что графиня проявила характер и воспротивилась решению Ричарда,

отказавшись выходить замуж. Тогда король наложил арест на ее имущество в Йоркшире. Гевиза сдалась и согласилась на брак.

На место де Мандевиля Ричард назначил Гийома Лоншана. Полномочия Гийома были огромны, поскольку король передал ему одну из печатей, добавив, что «это станет подспорьем, чтобы его приказы исполнялись во всем королевстве». Епископу Гуго был вверен Виндзор, но Лоншан получил на попечение лондонский Тауэр, что было намного важнее. За год канцлер потратил на его укрепление и ремонт 1200 фунтов.

Взяв с собой кардинала Жана де Ананьи и Готье де Кутанса, архиепископа Руана, Ричард вышел на корабле из Дувра 11 декабря и вскоре прибыл в порт Кале. Многие свидетели его отъезда говорили, что король уезжал так, будто не собирался возвращаться в Англию.

Уильям Ньюбургский пишет: «Как говорили, он уже был сломленным и вялым из-за преждевременного и чрезмерного злоупотребления оружием, этому он предавался сверх всякого благоразумия, начиная с самой юности. Поэтому и казалось вероятным, что он будет быстро истощен трудами Восточного похода. Другие говорили, что его организм был настолько испорчен и истощен приступами лихорадки, которую он переносил в течение продолжительного времени, что он не сможет долго просуществовать при такой беспорядочной жизни, и особенно находясь в гуще столь великих трудов. Доводом в пользу этой точки зрения явился несколько неподходящий симптом, который проявился у него, вместе с бледностью лица и опухлостью его конечностей. Другие даже говорили, что у него было более сотни кровопусканий, что сказывалось на его дурном настроении».

Многие полагали, что доказательством того, что Ричард не планировал возвращаться в Англию, служат и отданные им приказы, которые за четыре месяца правления почти до неузнаваемости изменили порядок в государстве, установленный еще отцом. Он заставил отойти от дел Ранульфа Гленвилла, тот, возможно, и не был чист на руку, но все же являлся самым благоразумным юстициарием королевства. Ричард освободил от должностей почти всех опытных шерифов и поставил на их места новых, знающих меньше. Всех важных баронов он заставил отправиться с ним в поход на Святую землю, тогда, когда Англия особенно нуждалась в их присутствии. На самую высокую должность в государстве он поставил Гийома Лоншана, плохо разбиравшегося в управлении Англией и не скрывавшего своего презрения к англичанам. Его единокровный брат занял вторую по значимости позицию в церкви по велению Ричарда, несмотря на

протесты самых мудрых и почитаемых епископов. Наделенный властью освободить от обета идти в Крестовый поход любого, Ричард все же настоял, чтобы архиепископ Кентерберийский, единственный, способный поддерживать мир между церковью и государством, был рядом с ним во время похода.

В то время как все были измучены налогами Генриха II, Ричард старался получить от подданных все, что они могли отдать, до последнего пенни. Никто в то время даже не рискнул подсчитать, сколько денег собрал Ричард, но все сходились в том, что это была сумма много большая, чем доставалась кому-либо из его предшественников.

К тому же король даже не был женат. Он начал опасное предприятие, не оставив наследника, за его спиной стоял лишь брат Иоанн, амбициозный, коварный, к тому же получивший безраздельную власть над шестью графствами.

II
1190 год

Поспешные и необдуманные меры, предпринятые Ричардом для организации успешного управления в его отсутствие, привели к возникновению проблем почти сразу, едва ему удалось пересечь Ла-Манш. Утвердив союз Гийома Лоншана и Гуго де Пюйсе, но не определив границы их власти, как и власти других юстициариев, Ричард невольно подготовил почву для раздоров. Генрих II также оставлял государство на двух юстициариев, однако он выбирал людей, обладающих способностями к управлению, и только тех, в эффективности совместной работы которых был уверен.

Ричард же назначил людей, прежде всего, не обладавших достаточным опытом, впрочем, некоторые навыки в администрировании у них все же были, поскольку один был епископом и управлял Дарэмом, второй был канцлером Ричарда в Пуатье. Основное же беспокойство вызывало не то, насколько опытны они в делах государственных, а как слаженно смогут работать вместе. Возможные проблемы, вероятно, совсем не заботили Ричарда, а ему следовало предполагать, что проблемы неизбежны, когда союз состоит из двух людей горделивых, амбициозных и переполняемых чувством собственной значимости.

Распри начались, как только король Ричард покинул Англию. «Они спорили, кто из них главный; угодное одному не устраивало другого». Новости достигли короля в Нормандии. После Сретенья 2 февраля 1190 года король назначил конференцию с канцлером с целью отправить делегацию влиятельных мужей в Англию. Однако в Нормандию прибыла мать Ричарда, Алиенора и привезла с собой вечную невесту Ричарда Алис (Адель) Вексенскую, с которой Ричард был помолвлен двадцать один год. Их величеств сопровождала великолепная свита: два брата короля, Иоанн и Джеффри, архиепископ Болдуин, епископы Дарэма и Или, чьи ссоры были основным поводом встречи, епископ Иоанн Норвичский, Годфри Винчестерский, Реджинальд Батский, Губерт Уолтер из Солсбери и, разумеется, Гуго из Ковентри.

Посовещавшись с прибывшими и теми епископами и баронами, которые уже были при нем, Ричард в начале марта огласил решение, которое изменило положение дел лишь отчасти, не затронув при этом фундамент проблемы. Король назначил Лоншана верховным юстициарием Англии, в то же

время Гуго вменялось нести ответственность за земли от реки Гумбер до границ с Шотландией. На встрече опять не удалось четко ограничить зоны власти каждого юстициария, кроме того, Ричард продемонстрировал свое безразличие к благополучию государства и неспособность составить перечень поручений для двух его доверенных лиц. Управление Аквитанией, что было единственным опытом Ричарда, сводилось в большей степени к постоянным столкновениям с местными баронами, привыкшими к независимости, и от герцога требовалось удержать баланс сил, чтобы соблюсти порядок. В отличие от Генриха Ричард не испытывал интереса к управлению и не стремился решать проблемы. Король был заинтересован, чтобы Англией должным образом управляли в его отсутствие, дабы королевство поставляло ему необходимые средства для продолжения Крестового похода.

После вышеописанных событий два епископа, юстициарии Англии, отправили письмо папе Клименту III с просьбой наделить Гийома Лоншана полномочиями папского легата в Англии, поскольку архиепископ Болдуин, глава духовенства, покинул страну и отправился в поход.

Последующие меры Ричарда позволяют предполагать, что он все же имел определенное представление о том, что происходит в оставленной им Англии и каково истинное лицо его братьев. Он заставил Иоанна и Джеффри поклясться, что те не вернутся домой в ближайшие три года без его дозволения. Впрочем, вскоре он свел к минимуму пользу от совершенного, поскольку освободил Иоанна от обещания и позволил ему отбыть в Англию. Сделал он это по требованию матери, что указывает на различие их взглядов на возможное положение дел, которое вскоре могло сложиться. В случае смерти Ричарда Иоанн был очевидным кандидатом на трон. Второй возможный претендент был еще ребенком – Артур, рожденный 29 марта 1187 года после смерти отца, брата короля Джеффри II, герцога Бретани. Алиенора рассудила, что Иоанну, поскольку он является самым вероятным престолонаследником, лучше оставаться в Англии. Это будет служить гарантией, что, в случае худшего исхода, преемник сразу взойдет на трон, а не вынужден будет вступить в борьбу с врагами Ричарда.

Ричард же, напротив, не доверял амбициям Иоанна и Джеффри и не без оснований боялся, что один из них непременно попытается устроить смуту и украсть у него корону. Разумеется, у каждой версии были свои слабые стороны. Ричард словно решил позволить осуществиться обеим сразу, когда дал разрешение Иоанну вернуться и наслаждаться правлением в самых больших

землях королевства, однако он не признал его своим наследником и приставил к брату вице-регента – не менее жаждавшего власти Гийома Лоншана.

Тем временем архиепископ Джеффри после примирения с братом в Дувре отбыл в Йорк, вероятно вместе с королем Вильгельмом, возвращавшимся в Шотландию. В Йорке ссора Джеффри с деканом собора и казначеем, несмотря на видимое примирение волей короля, вспыхнула с новой силой.

В канун Богоявления, 5 января 1190 года Джеффри объявил о своем желании присутствовать на всенощной в кафедральном соборе. Он вошел в храм с регентом хора Гамо и несколькими клириками и выяснил, что Генри Маршал и Бушар де Пюйсе не стали его дожидаться и велели начинать. Оскорбленный таким непочтением, Джеффри отдал приказ хору начать сначала. Присутствующие в храме предпочли повиноваться новому архиепископу. Казначей Генри Маршал потушил все свечи в храме, и молебен проходил в полной темноте. Архиепископ отчитал казначея и декана и запретил служить в церкви, пока они не вымолят прощения.

На следующий день жители Йорка собрались в кафедральном соборе на праздничную мессу. Архиепископ, декан собора, казначей и все клирики заняли свои места. Архиепископ заявил, что Генри и Бушар должны извиниться за провинность, но те не только не пожелали сделать это, но и разговаривали с Джеффри столь неподобающим образом, что сидящие рядом вынуждены были вмешаться и урезонить их, напомнив о должном уважении к сану. Джеффри вмешался и остановил людей, декан и казначей в ужасе бежали. Архиепископ отлучил непокорную парочку от церкви и известил народ, что служба не состоится.

По приказу Ричарда Джеффри отправился в Нормандию и встретился с королем в Льон-сюр-Мер. Ричард был настроен дружественно и относился к архиепископу с должным уважением. На следующий день он напомнил брату о деньгах, которые тот обещал. Джеффри надеялся собрать необходимую сумму в Англии, однако Гуго де Пюйсе присвоил себе право управлять пребендами архиепископа и отказался передать ему полученный с них доход. Джеффри ничего не оставалось, как признаться королю, что он приехал с пустыми руками. Выражение Ричарда стало хмурым, и он отказался выслушать объяснения и доводы брата.

Король задумался об аннуляции назначения Джеффри. Поскольку легат папы одобрил назначение и сам папа не внял обращениям противников рукоположения архиепископа, Ричарду оставалось только обратиться к Клименту III лично. Он послал

Реджинальда, епископа Бата, и Бушара де Пюйсе в Рим с просьбой к папе аннулировать назначение. 6 января Бушар был отлучен архиепископом от церкви, и в Риме у него была возможность получить прощение папы.

Тем временем Ричард написал указ и разослал всем архиепископам по обе стороны Ла-Манша, приказав ни при каких обстоятельствах не позволять Джеффри исполнять обязанности священника. Наконец Ричарду удалось добиться от брата клятвы, что он не вернется в течение трех лет в Англию без дозволения короля.

Джеффри оставалось лишь молить брата о прощении и возвращении милости, поскольку денег купить расположение у него не было. Ричарда же тем временем убедили отложить выход в поход. Королева Франции Изабелла де Эно скончалась при родах 15 марта, и Ричард договорился о встрече с Филиппом в день летнего солнцестояния. Вероятно, все время, которое Ричард провел в континентальных владениях, Джеффри оставался рядом с королем. Он был с Ричардом в Туре, где тот в конце июня принял из рук архиепископа посох и котомку, непременные принадлежности пилигрима, а потом отправился в Везле, где в начале июля встретился с Филиппом.

Джеффри удалось собрать 800 марок, которые он незамедлительно передал брату, и обещал выплатить оставшуюся часть долга казначею в Англии. Ричард часто менял свое мнение, в связи с чем историки того времени приводят разные данные, поэтому доподлинно неизвестно, правда ли, что на Михайлов день 1190 года Джеффри владел 2000 фунтов, «с помощью которых намеревался вернуть милость короля и получить замок Руж в Анжу».

Джеффри оставался рядом с Ричардом еще два дня, когда армия вышла из Везле, а затем покинул брата, скорее всего вернув себе его милость. Прощаясь, Ричард поцеловал Джеффри и произнес: «Брат, что люблю я, любишь и ты; что я ненавижу, и ты ненавидишь, потому мы должны быть едины сердцем и духом».

Джеффри отправился обратно в Тур, где находился после своего рукоположения в архиепископы Линкольна. Архиепископ Тура Бартоломью был старым другом Джеффри, и он надеялся быть посвященным им. Тем временем из Рима вернулись посланники Джеффри и привезли письмо с согласием папы, датированное 7 марта 1190 года. Однако в связи с запретом Ричарда на посвящение брата на тот момент согласие не имело существенного значения. Джеффри остался в Туре и принялся отправлять одно за другим послания королю с просьбами разрешить посвящение и отменить запрет на выезд, ведь принцу

Иоанну он позволил вернуться в Англию.

Архиепископ Болдуин, в свою очередь, не оставлял попыток избавиться от необходимости идти с Ричардом в Крестовый поход. 31 декабря 1189 года им был посвящен в чин епископа Лондона Ричард Фицнайджел и Гийом Лоншан, епископ Илийский. Он не отказался от создания коллегии светских каноников, лишь думал изменить местоположение. Болдуин потребовал от епископа и монахов Рочестера выделить земли в Ламбе для осуществления своих планов. Все строения в Кентербери были разобраны, за исключением часовни, и все материалы перевезены в Ламбет. Кроме того, он пожелал взять с собой на Святую землю кафедру священника, за которой служил 13 января в Ламбете, чтобы оградить себя от врагов. Дабы держать непокорных монахов Кентербери под контролем, Болдуин назначил приором ненавистного ему Осборна.

19 февраля в Вестминстере архиепископом был созван церковный собор. Посовещавшись с епископами, Болдуин назначил Ричарда, архиепископа Лондона, представлять его интересы, а Гилберта Гленвилла, епископа Рочестера, своим викарием в епархии Кентербери, а также в церквах остальных поместий, принадлежавших архиепископу. Из Лондона Болдуин отправился в Кентербери и там 24 февраля получил посох и котомку пилигрима. 6 марта архиепископ отплыл из Дувра в Нормандию, где и присоединился к королю. Большая часть английского флота Ричарда I отправилась в Марсель, где им предстояло ждать короля, намеревавшегося прибыть туда через несколько месяцев.

Будучи в Руане, Болдуин повелел освободить от должности епископа Ковентри Гуго Нонанта, поскольку тот добился места шерифа Уорикшира, Лестершира и Стаффордшира. Хотя канон XII Третьего Латеранского собора 1179 года запрещает лицам духовным занимать светские посты, к соблюдению его относились весьма халатно, даже епископы служили кастелянами и становились юстициариями, как в случае Гийома Лоншана, канцлера, однако должность шерифа была невозможна для епископа, и Болдуин не мог этого позволить.

Узнав об этом, Гуго обещал оставить пост шерифа через две недели, перед самой Пасхой, и более никогда не претендовать на светскую должность «унижающую честь и достоинство духовного лица». Архиепископ известил своего представителя Ричарда в Лондоне о клятве Гуго и велел строго следить за ее выполнением. Гуго сдержал слово и освободил пост, за который уже сполна заплатил, к Михайлову дню.

После мятежа против евреев в день коронации Ричарда

король издал несколько указов, защищавших их с такой силой, что все боялись помыслить напасть на них, пока король был в Англии. Однако стоило ему отбыть в Нормандию, как вновь стало закипать возмущение.

В то время достаточно крупная община иудеев проживала в Линне – зажиточном портовом городе, куда заходили в основном иностранные торговые суда. Уильям Ньюбургский, горько сожалевший о сложившейся ситуации, все же отмечал, что в случившемся виноваты, прежде всего, сами евреи. В январе 1190 года начались нападки на еврея, обращенного в христианство, с обвинениями в предательстве и лжи. Гонимый бросился искать убежища в церкви, на его крики о помощи откликнулись местные христиане и иностранные торговцы. Начались массовые волнения, однако стоит отметить, что жителей города сдерживали от открытого проявления гнева указы короля, чего нельзя сказать об иноземцах.

В толпе раздавались призывы убивать евреев и жечь их дома. Убит был даже врач-иудей, уважаемый в том числе и христианами, который в день особых злодеяний мятежников пожалел убиенных и выразил уверенность, что за такие поступки убийц неминуемо постигнет кара Божия. Торговцы поспешили загрузить все необходимое на корабли и убраться из города. Местные жители, вспомнив внезапно об указах короля, объявили зачинщиками торговцев.

Настроения людей перебросились из Линна в Норуич, где 6 февраля были убиты несколько евреев. Большая часть общины спряталась в замке и так спаслась от толпы.

Мятеж вспыхнул 7 марта в Стамфорде, где мотивы восставших выражались уже четче. В город в связи с ярмаркой перед началом Великого поста приехало много жителей ближайших селений, а также немало молодых мужчин, собиравшихся присоединиться к Крестовому походу. Когда они увидели, что «враги церкви Христовой живут так благополучно, в то время как они вынуждены собирать деньги на поход по крохам», то принялись грабить, с целью добыть средства на святое дело.

Многие жители и гости города их поддержали. Несколько иудеев были убиты; остальные бросились в замок, поскольку дома их были разграблены. Один из крестоносцев, юноша по имени Джон, поспешил уехать к друзьям в Нордгемптон, рассказал им о мятеже и поделился добычей. Друзья, позарившись на все деньги, убили Джона и вечером вывезли его тело за пределы города. Когда труп обнаружили, не без подсказки местного духовенства, было решено, что это один из убиенных мучеников. Об этом событии незамедлительно доложили епископу Линкольна Гуго, человеку здравомыслящему и в высшей степени благочестивому. Епископ не мешкая прибыл в Нортгемптон, где прочитал язвительную проповедь, отметив недальновидность тех, кто

совершает подобные убийства, и жадность тех, кто их к этому подталкивает, польстившись на деньги, а также обещал отлучить от церкви всех, кто последует за ними.

Пламя мятежа перекинулось на север и дошло до Линкольна, где жил хорошо известный Аарон Линкольнский, богатейший еврей Англии, и один из самых состоятельных людей в стране. Город почти не пострадал от разрушений, что, вероятно, было в большой степени заслугой бдительного епископа Гуго и шерифа Линкольншира Жерара де Камвилла и коменданта замка Линкольн. Предупрежденные о том, что происходит на юге, они при первых же признаках начала беспорядков перевезли свое имущество в замок, а шериф и сотенный бейлиф быстро навели порядок.

Максимальной силы мятеж достиг в Йорке. Еврейская община там была самой богатой, у двух из ее членов, Бенедикта и Джойса, по описанию Уильяма Ньюбургского, дома были похожи на королевские замки. Злость и зависть способствовали объединению двух групп людей с разными интересами – одни были должны евреям, другие собирались в Крестовый поход против них. Во время одной особенно бурной ночи в марте толпа, обезумевшая от пожаров и ярости, напала на дом семьи Бенедикта, сам же он скончался предыдущей осенью, во время бунта в вечер коронации Ричарда. Ворвавшиеся убили вдову Бенедикта, его детей и всех, кто находился в доме, а потом подожгли жилище.

Почти все еврейское население Йорка, а это около пятисот мужчин и женщин, вместе с детьми бежали в замок, прихватив с собой имущество. Толпу на тот момент уже невозможно было сдерживать. На евреев открыли охоту, всем, кого удавалось найти на улицах, предлагали принять баптизм или умереть. Начальнику тюрьмы замка срочно понадобилось по каким-то причинам его покинуть. Когда он вернулся, евреи, напуганные и «не понимающие, кому можно доверять», отказались его впустить. Начальник тюрьмы вынужден был вызвать шерифа Йоркшира Джона Маршала. Вместе они принялись подбивать толпу атаковать башню, где скрывались евреи со своими семьями, а каноник-премонстрант, одетый в белое, раззадорил их настолько, что гнев людей достиг невероятной силы. К городским жителям присоединились рыцари графства, вызванные шерифом, а также все молодые мужчины из города и окрестностей.

К сожалению, шериф слишком поздно понял, что толпу уже не обуздать, и стал пытаться взять ситуацию под контроль. Не обращая внимания ни на чьи приказы, толпа ворвалась в башню. Единственным оружием евреев стали камни разрушенных стен,

которые они и стали бросать в нападавших. Удачное попадание пробило шлем первого ворвавшегося, и он был убит. Исход осады казался очевидным, однако евреям удалось продержаться несколько дней, впрочем, у них не было иллюзий относительно своей судьбы.

Когда христиане привезли катапульты, будто готовясь к настоящему бою, евреи поняли, что близится их конец. В ночь на 16 марта, в полном отчаянии, они уничтожили все ценное, что могли, перерезали горло своим женам и детям, затем подожгли башню и покончили с собой. Те же, кто не смог решиться на такое, пробрались в замок, решив отдаться на милость толпы. Они обещали принять баптизм, если будут помилованы. Христиане дали слово, что с ними ничего не случится, но на следующий день, 17 марта устроили жестокую резню. Когда кровавое дело было окончено, толпа горожан прошествовала к церкви и разожгла в центре ее костер, спалив все векселя, регистрирующие их долги евреям. Это служит доказательством, что религиозная неприязнь была лишь прикрытием нежелания возвращать деньги, взятые в долг у ростовщиков.

Будущие крестоносцы, принимавшие участие в мятеже, тихо исчезли, а горожане, немного остыв, стали размышлять о том, какое наказание их ждет за содеянное, понимая, что оно неминуемо.

Последний акт этой кровавой драмы разыгрался на следующий день, в Вербное воскресенье, в Бери-Сент-Эдмундсе, где толпа расправилась с пятьюдесятью евреями.

26 марта канцлеру, находившемуся с королем в Нормандии, было отправлено сообщение о происходящем в Йорке. Когда Ричард узнал, что его приказы, обеспечивающие спокойствие и безопасность евреев, были нарушены, да еще таким вопиющим способом, его гнев перешел все допустимые границы. Как пишет Уильям Ньюбургский, король был взбешен по двум причинам – народ пошел против его воли почти сразу, как он покинул королевство, казна лишится существенных доходов, получаемых от евреев. Ричард отдал приказ Гийому Лоншану вернуться в Англию и наказать тех, кто нанес королю возмутительное оскорбление.

В начале поста в Нормандию прибыл брат Лоншана Осберт, ответственный за доставку средств из казначейства королю. Вероятно, именно он сопровождал брата в Англию. Едва ступив на землю, канцлер собрал внушительных размеров войско, во главе которого поставил также своего брата Генри Лоншана, шерифа Херефордшира, и отправился в Йорк вершить возмездие. На месте он первым делом лишил должности кастеляна замка

Йорк и шерифа Йоркшира Джона Маршала за недостаточное рвение в подавлении мятежа. На должность шерифа Йоркшира был поставлен Осберт Лоншан.

В связи с тем, что архиепископ Болдуин отбыл с королем в Крестовый поход, а вступление в должность Джеффри, будущего архиепископа Йорка, то и дело откладывалось, церковь Англии осталась без главы, если не считать епископа Лондона, викария Болдуина. Король Ричард просил папу наделить Гийома Лоншана полномочиями легата, однако решение было вынесено Римом только к 5 июня. Яркий штрих к характеристике личности Лоншана добавляет его требование к встрече в Йорке. Несмотря на срочность дела и строгий приказ короля, он повелел, чтобы духовенство организовало торжественную процессию, непременно звонили колокола кафедрального собора, а ему выразили почести, которых достойны самые высокие фигуры церкви и государства. На это духовенство Йорка ответило, что Гийом Лоншан являлся епископом Илийским, юстициарием и более никем, потому его титул не заслуживает оказания высших почестей.

Лоншан, объявивший себя «удостоенным положения легата», которое к тому времени еще не получил, отстранил от обязанностей всех служителей церкви в Йорке, отменил службы, а колокола велел снять и спустить на землю. Отменить свое решение он был готов только тогда, когда виновные предстанут пред ним и будут просить прощения.

Из Йорка епископ Илийский, вероятно, отправился в Линкольн, чтобы покарать и там зачинщиков беспорядков. Согласно записям канцелярского реестра, сумма 15 шиллингов была потрачена на 60 пар железных кандалов, заказанных канцлером, ту же цифру указывает и Ричард из Девайса, находившийся в тот момент в Линкольне.

После отъезда из города Лоншан двинулся на юг и встретил коллегу юстициария Гуго де Пюйсе, которому король Ричард отдал под опеку земли севернее реки Гумбер и велел вернуться в Англию. Прибыв в Лондон, Гуго выяснил, что бароны Королевского совета запретили ему присутствовать на заседаниях, что было сделано, вероятно, по распоряжению Лоншана. Разъяренный епископ двинулся навстречу Гийому, пути их пересеклись в Блайте, в Ноттингемпшире. Гуго передал Лоншану приказ короля и выразил желание скорее приступить к исполнению государственных обязанностей, поскольку всем решениям в Англии надлежит быть принятыми только с его согласия.

Коварный Лоншан сбил Гуго с толку громкими словами о

готовности подчиниться воле короля. По хроникам Ричарда из Девайса, он просил Пюйсе встретиться с ним через неделю в Тикхилле, находящемся всего в пяти милях от Блайта. Встреча состоялась, и Гийом Лоншан представил указ короля, датированный более поздним числом, чем вступление в должность епископа Гуго, в котором подтверждались его личные высочайшие полномочия и право принимать государственные решения. Роджер из Хоудена пишет, что Лоншан привез Пюйсе в Саутуэлл и бросил в тюрьму, что подтверждает и Гиральд Камбрийский. Существует, однако, и третья версия, по которой Лоншан захватил Гуго в плен и с ним прибыл в Лондон.

Невозможно не заметить, что между первой встречей Пюйсе с Лоншаном и яростной выходкой последнего прошло немало времени. Промедление не было свойственно взрывному и высокомерному Лоншану, что дает основания полагать, что неожиданное согласие Лоншана повиноваться приказу короля, высказанное при встрече с епископом, за которым последовал вероломный захват в плен, нужно было хитрому Лоншану лишь для того, чтобы выиграть время и получить от короля бумагу с более поздней датой, чем та, в которой говорилось об их с Пюйсе совместном регентстве. По отзывам современников, такое поведение вполне свойственно Лоншану, кроме того, как хранителю королевской печати, ему было несложно изготовить документ по всем правилам.

В Тикхилле, Саутуэлле или Лондоне, но Лоншан все же был агрессивен с епископом и позволил себе взять его под стражу. «Я арестовал тебя не как епископ епископа, – заявил он, – а как лорд-канцлер кастеляна». Лоншан вынудил Гуго отказаться от замка Виндзор и прилегающего к нему леса, право на опеку над которым ему было выдано королем; отобрал Ньюкасл-апон-Тайн и передал его Осберту Лоншану; в графство Нортамберленд назначил шерифом Уильяма де Стутевилла и, наконец, конфисковал поместье Садбердж, купленное епископом Гуго в сентябре предыдущего года за шесть тысяч марок. Ричард из Девайса отмечал, что Лоншан оставил епископа Гуго с одним мечом, которым король Ричард опоясал его, сделав графом Нортамберлендским.

В довершение всего Лоншан заставил епископа передать в заложники сына Генри и Гилберта де Лейа, дабы быть уверенным, что Пюйсе будет поддерживать «мир в королевстве и в душе короля».

Потерпевший полное поражение, разгромленный, лишенный всех земель и почестей, надежд на воплощение амбициозных планов, епископ Гуго отошел от дел и удалился в поместье в

Хоуден, Йоркшир, чтобы там излечить свою боль и изгнать из сердца гнев и разочарование. Он пробыл в Хоудене всего несколько дней, когда появились несносный Осберт Лоншан и Уильям де Стутевилл с вооруженным войском и заявили о намерении вновь арестовать епископа, поскольку таков был приказ лорда-канцлера. Каким-то образом Гуго удалось отговорить их, он пообещал, что не покинет владения без разрешения на то короля или канцлера. Сам же немедленно отправил посланника к Ричарду I, с оповещением о том, как с ним обращаются.

Гонец епископа нашел короля в Марселе, где Ричард ждал прибытия флота в начале августа. Король был или, по крайней мере, хотел казаться взбешенным, узнав, что вытворяет Лоншан. Ричард повелел восстановить Гуго в должности и предупредил, что обрушит гнев Господень и свой собственный на того, кто посмеет отобрать у него владения. Согласно записям в «Путешествии короля Ричарда», он также вернул епископу Ньюкасл-апон-Тайн, а Роджер из Хоудена пишет, что Гуго получил обратно еще и графство Нортамберленд. Вероятно, это правда, так как в записях канцелярского реестра за 1191 год нет упоминаний ни о замке, ни о графстве, что свидетельствует о том, что Гуго де Пюйсе вернул свои владения до Михайлова дня 1190 года.

Удалив со своего пути человека, с которым должен был вместе трудиться на благо королевства, Лоншан обратил свое внимание на Уильяма Маршала, одного из юстициариев, к чьим советам и рекомендациям король Ричард велел ему прислушиваться. В отличие от многих у Маршала не было опыта в управлении. Рыцарь без земельного надела, он был преданным другом, прежде всего, Генриха Молодого, старшего брата короля Ричарда, до самой кончины Генриха в 1183 году, а потом и Генриха II, которому верно служил до самой смерти. Король Ричард отблагодарил его, отдав руку самой богатой наследницы Англии, Изабеллы, дочери Ричарда де Клера, графа Стригуил или Пембрука по прозвищу Стронгбоу (Тугой Лук). Уильям с удовольствием стал хозяином земель, принадлежавших графу, но официально титул графа Стригуил получил лишь после восшествия на престол Иоанна Безземельного.

Гийом купил пост шерифа Глостершира за 50 марок и получил право управлять замком Глостер. Теперь, когда в его руках был лондонский Тауэр и замок Виндзор, а также замок Йорк и, по крайней мере, какое-то время Ньюкасл-апон-Тайн, управляемый его ставленником, Лоншан обратил взор на запад, где основные его опасения были связаны с принцем Иоанном.

Лоншан до сего времени не решался открыто бросить вызов брату короля, однако было ясно, что этим людям еще предстоит скрестить мечи, если канцлер не откажется от своих планов, предполагающих уничтожение препятствий одного за другим. Лоншан решил, что для упрочения положения ему необходим замок Глостер, его не смущало то, что принадлежал он Уильяму Маршалу.

Как только Лоншан осадил замок, в поместье прибыл Годфри де Люси, епископ Винчестера. Стоит напомнить, что Годфри был вызван королем в Нормандию на конференцию в марте. Там он заболел и долгое время не имел возможности вернуться в Англию. В его отсутствие Лоншану удалось захватить графство Гемпшир, замки Винчестер и Порчестер и даже главную вотчину епископа; за все владения Годфри заплатил королю в общей сложности 3000 фунтов.

Вернувшись в Англию, Люси обнаружил, что лишился всего, кроме сана. Ричард из Девайса приводит причину, которую считает единственной, по которой Лоншан решился выступить против Люси: «Власть всегда была нетерпима к тем, с кем приходится ее делить. Так было, есть и будет». В то время Годфри не обладал существенной силой, власть его была ограничена местом епископа, тем не менее он хорошо разбирался в государственных делах, оттого Лоншан видел в нем угрозу своему правлению, которое, с его точки зрения, должно быть единоличным.

Разумеется, Годфри не собирался бездействовать и ждать, когда будет уничтожен. Он принял решение выступить навстречу Лоншану, прежде чем тот возьмет замок Глостер. Лоншан первым делом постарался склонить епископа добровольно принять его условия.

– Ты пришел в подходящее время, друг мой, – произнес лорд-канцлер и тепло обнял Годфри. – Мне продолжать осаду или прекратить?

– Если ты хочешь мира, опусти оружие, – холодно ответил епископ.

Лоншан был настолько обескуражен ледяным приемом, что дал команду отступать и прекратить осаду.

Годфри удалось отстоять свои владения, но большего он не получил.

Несмотря на отступление, Лоншану удалось добиться почти полного подчинения юстициариев. Он даже не старался сделать вид, что прислушивается к советам людей, назначенных на должности королем, относился к ним с открытым презрением и вел себя на заседаниях Королевского суда агрессивно и властно.

«Он выступал против клириков и мирян, не разбирался, кто прав, кто нет, в королевстве не было человека, взявшего на себя смелость ему противостоять ни на словах, ни в делах». Его несправедливые решения и поборы вызвали бурю протеста, оскорбленные им люди слали жалобы королю, а некоторые отправлялись к нему лично. Ричард снабжал всех сопроводительными письмами обнадеживающего содержания, похоже, он поступал так настолько часто, что можно считать это привычкой короля, и отсылал всех обратно в Англию к канцлеру. Лоншан имел возможность самостоятельно решать, следовать ли написанному королем, или, как было в случае с епископом Дарэма, позже принять противоречащие одна другой меры, выставляющие его самого в лучшем свете. Положение канцлера невозможно было изменить несколькими письмами, учитывая всю мощь находящейся в его руках власти в церкви и светском мире.

«Папа Климент Гийому, епископу Илийскому: Приветствую, сын мой. В соответствии с высочайшим пожеланием бесценного сына нашего, Божьей милостью короля Англии Ричарда, Мы, данной Нам властью, призваны наделить тебя полномочиями представителя в Англии, в архиепископстве Кентерберийском и Йоркском, а также в Уэльсе и тех землях, где правит данной ему королем властью благородный принц Иоанн, граф де Мортен.

Написано в Латеранском дворце, 5 июня в третий год Нашего понтификата (1191)».

Во втором письме не было ответа на вопрос, считать ли Лоншана главным юстициарием короля, но вместе с тем в нем было четко прописано, что Ричард наделяет лорда-канцлера всеми полномочиями, которые способна дать человеку монаршая власть.

«Мы, Ричард, Божьей милостью король Англии, приветствуем всех преданных подданных Наших.

Мы выражаем свою волю и приказываем, если почитаете вы Нас и самих себя любите, подчиняйтесь во всем лорду-канцлеру Англии, епископу Илийскому, ибо действует по Нашему велению и с Нашего согласия. Повинуясь ему, вы повинуетесь Нам.

Написано собственноручно в Байе числа 6 месяца июня».

Заручившись поддержкой короля, Лоншан окружил себя тысячей сторонников, начал действовать с невиданным размахом и разрушал в Англии все, что попадалось на его пути. Его выезды в монастыри, где он требовал оказывать ему гостеприимство, были похожи на налет роя саранчи, землевладельцы и знать были доведены почти до нищеты, которой предстояло продлиться несколько последующих лет. «Миряне стали в это время относиться к нему как к королю, и больше чем к королю Англии,

а духовенство – как к папе и больше чем к папе, и действительно все они страдали от невыносимого тирана».

Гиральд Камбрийский, ненавидевший Лоншана, кажется, больше всего из современников, составил очень точный словесный портрет мерзавца, особенно отметив его высокомерие и амбиции: «Он был невысокого роста, имел отвратительную фигуру, уродливые ляжки, темные волосы его падали на лоб и почти закрывали брови, делая похожим на обезьяну. Карие глаза были глубоко посажены, нос приплющен, выражение лица хмурое и всегда сердитое. Борода начинала расти сразу под глазами и выглядела неаккуратной и растрепанной; губы постоянно сложены в усмешку, что, впрочем, является хорошей уловкой скрыть чувства. Короткая шея, сгорбленная спина, брюхо спереди выпирает больше, чем ягодицы сзади. Ноги кривые, а ступни, несоразмерно маленькому росту, огромные».

По описанию Гиральда, внутренне это был такой же неприятный человек, как и внешне. Помимо корыстолюбия, алчности, непомерного высокомерия и полной беспринципности, Гиральд так же приписывает Лоншану тягу к сексуальным извращениям. В дополнение к привычке всегда всех оскорблять, Лоншан открыто заявлял о ненависти ко всему английскому и не упускал случая высказать свое мнение в самых гнусных выражениях. Он привез из Франции труппу шарлатанов, называющих себя менестрелями, которым следовало петь ему хвалебные оды во всех публичных местах, когда же появлялся сам Лоншан, они заводили его любимые куплеты, в которых были такие строки:

> Ты вершишь великие дела легко и гениально.
> Никто не скажет точно, бог ты или человек.

Дни наивысшей славы Лоншан переживал, когда, будучи папским легатом, лордом-канцлером и верховным юстициарием короля в Англии, собрал в Вестминстере заседание Королевского суда 13 октября, желая больше покрасоваться и явить всем силу своей власти, нежели принять важные для церкви решения. В то время Лоншан и Гуго Нонант еще были на дружеской ноге. Когда епископ Гуго обратился к папе с просьбой разрешить заменить в Ковентри светских клириков капитула монахами, Лоншан проявил мудрость и пообещал выделить духовным лицам пребенды, часть из которых намеревался передать в пожизненное пользование кардиналам Римской курии. Поскольку монахи не имели возможности отправить своих посланников к папскому престолу, чтобы представлять их интересы, папа, так и не

получив от них за шесть месяцев никакого ответа, принял щедрое предложение епископа.

Дождавшись решения папы, Лоншан на заседании Королевского суда постановил, что монахов необходимо выслать из Ковентри, Гуго Нонант может приступать к претворению своих планов. В канун Рождества монахов выгнали, епископ Лоншан приказал разрушить постройки монастыря и возвести на их местах дома для будущих каноников. Тогда приор Мозес все же решил отправиться в Рим, чтобы донести до папы свои жалобы.

Несмотря на то что Лоншан не был в высшей степени строг в высказываниях в адрес монахов, на этом же заседании он не преминул отметить, что черные монахи массово отправились в паломничества к святому Томасу Бекету и святому Эдмунду, мученику в Бери. На заявление одного приора, что епископ Илийский выезжает с эскортом более тысячи всадников, Лоншан ответил, что у аббатов и у самих слишком много лошадей.

Аббат Самсон из Бери-Сент-Эдмундса, отважный уроженец Восточной Англии, не желал подчиняться приказам взбалмошного француза весьма низкого происхождения, будь он даже легатом и канцлером. «Мы не смиримся, – говорил он. – Не примем приказы, противоречащие уставу святого Бенедикта, а там сказано, что аббат имеет право сам решать, как распоряжаться своими монахами. Я служу королевству. Тринадцать лошадей для меня недостаточно, хотя, возможно, их хватает другим аббатам; мне необходимо значительно больше, чтобы должным образом исполнять свои обязанности на благо короля и правосудия».

Несмотря на то что правление Гийома Лоншана вызвало много недовольства и приводило к беспорядкам, ему не удалось внести существенные изменения в общий курс управления государством. Генрих II и его советники весьма преуспели в создании эффективной на то время системы управления и подготовки людей, сведущих в государственных делах и преданных своей цели. Эта же система продолжала функционировать и в правление нового короля, даже когда тот находился за пределами страны и относился, очевидно, с полным безразличием к происходящему в королевстве, передав всю власть человеку, даже в малой степени не разбирающемуся в этом вопросе.

По-прежнему работала и крайне сложная система учета казначейством полученных шерифами денег. Несмотря на то что шерифы вынуждены были принять на себя дополнительное бремя в связи с увеличением сумм, получаемых королем за земли, титулы и должности, раздаваемые им весьма щедро. Судя по

присылаемым отчетам, нельзя было предположить, что все эти люди лишь недавно заняли свои должности. Скорее они указывали на то, что в каждом графстве большинство людей трудились давно и постоянно и тщательно следили за счетами, доходами, а также пенями и штрафами, взимаемыми судом графства.

В глазах большинства подданных власть монарха представляли странствующие или разъездные судьи, посещавшие самые дальние уголки страны и готовые рассмотреть как прошения к королю, так и дела, административные и уголовные, находящиеся в компетенции не местного суда, а Королевского. Историки описывают положение в стране того времени как нестабильное, однако разъездные судьи выполняли свои обязанности с особой тщательностью. К концу года, к Михайлову дню 1190 года странствующие судьи побывали во всех графствах, за исключением Оксфордшира и Беркшира, а также, разумеется, тех, что были переданы принцу Иоанну.

Самая тяжкая ноша легла на плечи Жоффрея, сына рыцаря Питера, самого опытного и способного из пяти судей, заседавших в Королевском суде, а также на плечи аббата Бенедикта из Питерборо. Они посетили Линкольншир, Бакингемшир, Бедфордшир, Уорикшир, Лестершир и Нортгемптоншир, крупнейшие из шести судебных округов, на которые была поделена страна для удобства проведения выездных сессий.

III
1191 год

Обладавший на данный момент наивысшей должностью в церкви и государстве, королевский канцлер и верховный юстициарий, епископ Илийский и папский легат Гийом Лоншан видел своим единственным соперником принца Иоанна, графа де Мортена и брата короля. Несмотря на то что о нем почти не говорили после конференции, прошедшей в Нормандии в марте 1190 года, когда Ричард освободил его от необходимости оставаться за пределами Англии три года, можно с уверенностью сказать, что Иоанн недолго раздумывал, прежде чем вернуться. Графство Мортен в Нормандии, благодаря владению которым он получил титул, было небольшим и не давало такие возможности, как земли в Англии, где он вел себя как король.

Разумеется, Иоанн не мог не знать о возвышении Лоншана и расширении его власти, неуемная страсть канцлера к господству, толкавшая его на подчинение под разными предлогами одного замка за другим, не могла не насторожить принца Иоанна.

Первое упоминание об отношениях между двумя этими людьми встречается в хрониках Ричарда из Девайса – 4 марта в Винчестере они обсуждали «права владения некоторыми замками и суммы, полученные из казначейства». Вероятно, на той же встрече Лоншан дал в долг Иоанну 200 фунтов, поручителями выступили Роджер Биго и Гилберт Фицренфри.

Иоанн стал с еще большим подозрением и недоверием относиться к Лоншану, когда узнал о тайном договоре между ним и Вильгельмом, королем Шотландии, касательно его престолонаследия в Англии в случае внезапной смерти Ричарда. Несмотря на утверждение автора книги «Летописи Винчестера», что Ричард объявил своим наследником племянника Артура еще до того, как покинул Нормандию, никто из историков Англии не упоминает заявление короля. При этом каждый отмечает, что Крестовый поход Ричарда был одним из самых грандиозных в истории, и он, возможно, или даже скорее всего был уверен, что никогда не вернется из этого похода.

В ноябре 1190 года, как известно, Ричард заключил договор с королем Сицилии Танкредом, одним из положений которого было заключение брака между Артуром и дочерью Танкреда. В письме к папе Клименту III, во власти которого было обеспечить соблюдение договора, Ричард называл Артура «Наш племянник, а также, если Мы по воле Божьей скончаемся бездетным, и Наш

преемник». Новость о заключенном соглашении могла достигнуть Англии весной 1191 года, и тогда принц Иоанн должен был еще отчетливее понять шаткость своего положения. Тревоги добавляло и то, что зимой предыдущего года его мать решила эскортом доставить Беренгарию Наваррскую Ричарду в качестве невесты.

Артуру, рожденному 29 марта 1187 года, уже после смерти Джеффри, герцога Бретани, было лишь четыре года. Он был единственным сыном старшего брата короля, в то время еще не действовало правило престолонаследия по праву первородства (примогенитура), и принц Иоанн, сын Генриха II и брат Ричарда, был ближе к трону, чем Артур, внук Генриха и племянник Ричарда, хотя отец Артура, на тот момент покойный, был старше принца Иоанна. Артур еще много лет будет считаться несовершеннолетним, и это было самым весомым аргументом Иоанна, способным перевесить все возможные доводы его противников. Именно то, что Артур долгое время будет считаться несовершеннолетним, и стало поводом для Гийома Лоншана встать на его сторону. В случае его восшествия на престол Лоншан, не желавший терять власть, мог надеяться на возможность править от имени наследника Ричарда так же, как он правил сейчас от имени самого Ричарда.

Канцлер отправил братьев в качестве посланников к королю Вильгельму, чтобы подписать соглашение о признании королем Шотландии наследника Артура, который, по воле случая, был также и его племянником и мог претендовать на трон. Послы Лоншана привели королю дополнительные аргументы, заявив, что канцлер получил письмо, написанное Ричардом на Сицилии, вероятно, вскоре после подписания договора с Танкредом, в котором называл Артура своим преемником и отмечал, что Лоншан останется его главным советником до совершеннолетия.

Об этих переговорах стало известно принцу Иоанну, он ясно осознал, какую они представляют серьезную угрозу для его будущего. Подозрительность и настороженность в душе сменились откровенной ненавистью.

Обе стороны, и принц Иоанн, и Лоншан, начали подготовку к неизбежному конфликту, хотя ни один из них еще не был уверен в своем положении и не имел возможности определить силу, с которой мог позволить себе выразить враждебное отношение. Лоншан укреплял находившиеся под его опекой замки и собирал многочисленное войско; принц Иоанн искал расположения и приближал к себе людей, оскорбленных Лоншаном, а среди них было немало самых влиятельных людей Англии.

Позиции Лоншана несколько ослабли после получения

известия в конце марта или в начале апреля о кончине папы Климента III. Его полномочия легата истекали в связи со смертью назначившего его папы. Канцлер незамедлительно отправил прошение о возобновлении к новому папе, Целестину III. Удивительно, но большинство епископов Англии его подписали. Разумеется, причина была не в том, что духовенство поддерживало Лоншана, а в том, что было запугано им. Положение легата давало огромное влияние в церковном мире, однако он больше полагался на свою должность верховного юстициария, благодаря этой власти он был способен связать руки любого епископа, пожелавшего стать вместо него легатом.

В то время Лоншану все четче виделись картины его блестящего будущего. Архиепископ Болдуин, епископ Солсбери Губерт Уолтер, Ранульф Гленвилл и другие отбыли из Марселя на Святую землю.

Ранульф Гленвилл скончался в октябре, архиепископ Болдуин умер, когда Ричард уже стоял лагерем близ Акры 19 ноября 1190 года. Новость об этом достигла Англии лишь в марте следующего года. Этот факт также подтверждался в письме короля монахам Кентербери, написанном 25 января в Мессине. Ричард сообщал, что новым архиепископом он назначил Вильгельма, архиепископа Монреальского, которого, вероятно, встретил на Сицилии. Монахи не желали избрания неизвестного им чужестранца, они отказывались доверять человеку, о котором знали лишь по слухам, но все же понимали, что этому суждено произойти, поэтому немедленно изгнали ненавистного Осберна, навязанного им архиепископом, и избрали на его место помощника настоятеля монастыря Джеффри, который был лидером в их стычках с архиепископом Болдуином.

Канцлер, как лицо ответственное за четкое и своевременное исполнение указов короля, не стал требовать от монахов подчинения, поскольку уже питал тайную надежду, что сможет сам занять место архиепископа Кентерберийского. Епархия уже находилась временно под его контролем, поскольку до избрания нового лица переходила в управление короля. Таким же способом Лоншан получил право распоряжаться в Йорке.

Положение Лоншана изменило прибытие архиепископа Руана Готье де Кутанса 27 июня в Шорхэм, привезенные им письма от короля представили ситуацию в ином свете. Все месяцы, что Ричард отсутствовал в Англии, к нему поступали жалобы на недопустимое поведение канцлера. Несмотря на то что король всегда предоставлял просителям желаемое, следом он непременно отправлял депеши с указаниями канцлеру, как следует поступить. Разумеется, Лоншан использовал такое

положение дел в свою пользу и отдавал лишь те приказы, что были выгодны прежде всего ему.

Встретившись с сыном в феврале, королева Алиенора в таких красках описала положение в Англии, отметив возмутительное поведение канцлера, что Ричард стал понимать, сколь опасная ситуация складывалась в королевстве. Меры, принятые им, вероятно, по совету матери и с ее благословения, были направлены на ограничение власти его регента в церковном мире и светском. Королева и архиепископ Готье де Кутанс отбыли из Мессины 2 апреля. На Алиенору была возложена важная миссия, ей предстояло отправиться в Рим и убедить папу не принимать во внимание все прежние просьбы короля Ричарда и одобрить рукоположение Джеффри архиепископом Йорка. Столь резкое изменение намерений Ричарда, долгое время отказывавшегося давать разрешение относительно Джеффри, связано лишь с желанием ограничить власть в церковном мире епископа Илийского.

В то же время Ричард освободил архиепископа Готье от необходимости быть при нем в Крестовом походе, заставив, разумеется, отдать за это все имевшиеся у того деньги, и отправил в Англию, вручив лишь несколько писем, которые могли пригодиться в разных ситуациях для представления Лоншану и другим юстициариям. В одном из адресованных им посланий говорилось, что им следует во всем и всегда действовать, опираясь на советы архиепископа Готье, который разделит с ними обязанности по управлению страной. Два письма предназначались лично Уильяму Маршалу, остальные же всем юстициариям, в них содержались указания на случай, если канцлер откажется прислушиваться к их мнению или мнению архиепископа Руана, которому «Мы открыли свою душу и доверили сокровенное».

Лоншан принял архиепископа Готье со всеми почестями и выказал уважение, однако отказался подчиняться приказам, сославшись на то, что ему, как никому другому, известны желания и мысли короля, а это важнее каких-то писем, вероятнее всего подложных или добытых путем мошенничества. Не имело значения, сколь лестный прием Лоншан оказал архиепископу и по каким причинам отказался повиноваться, факт в том, что канцлер не согласился на союз с Готье и продолжал действовать так, словно по-прежнему был единоличным правителем Англии.

Готье де Кутанс, корнуоллец по рождению, был человеком образованным и обладал литературным вкусом. Он служил архидьяконом в Оксфорде, казначеем в Руане и был хранителем печати Генриха II. В 1183 году он был рукоположен в епископы

Линкольна, а в следующем году избран архиепископом Руана. Король Генрих доверял ему немало дипломатических миссий, Кутанс также славился значительными способностями в управлении.

Причина, по которой Лоншан отказывался признавать назначение Готье архиепископом, подписанное королем, не только в его чрезмерном высокомерии, он думал о захваченных замках и собранной армии. Не в его интересах было признать положение архиепископа, имевшего всего лишь несколько писем.

Все, находившиеся долгое время рядом с королем Генрихом II, имели возможность уяснить, что помимо грубой силы есть и другое оружие, которое можно выставить даже против армии. Принц Иоанн к тому моменту успел завоевать симпатии многих влиятельных людей государства, и вовсе не потому, что был яркой личностью и внушал уверенность в своих силах, дело лишь в том, что принц был единственной персоной достаточно высокого ранга, чтобы выступить против перешедшего все границы канцлера. Архиепископ Руана поддерживал видимость дружеских отношений с Лоншаном, но в то же время подговорил принца Иоанна разослать бумаги во все концы королевства, чтобы заручиться поддержкой баронов и клириков на случай открытого конфликта между ним и Лоншаном. Бароны с готовностью согласились выступить на стороне принца, однако священнослужители, «будучи более робкими по натуре», отказались взять на себя такие обязательства.

Накал страстей достиг пика, когда Лоншан потребовал от Жерара де Камвилла сдать ему замок Линкольн. Жерар – «богатый и благородный муж», его младший брат был одним из командующих флотом короля Ричарда, а жена Никола де ла Хайе – дочь и наследница потомственного владельца замка Линкольн. Еще до коронации Ричарда Жерар встречался с ним в Нормандии и получил от будущего короля грамоту, подтверждающую законное владение поместьями в Англии и Нормандии его и супруги, а также права наследования их потомками, кроме того, он просил должность кастеляна замка Линкольн. Во время щедрой продажи Ричардом земель и титулов после коронации Жерар обещал выплатить 700 марок за место шерифа Линкольншира и окончательное утверждение его в должности кастеляна замка.

Лоншан, вероятно, был уверен, что к Михайлову дню Камвилл будет смещен с должности шерифа, и готовился поставить на его место Уильяма де Стутевилла. Лоншан определенно не доверял Жерару – «гнусному человеку, слишком щедро дарующему свою преданность», кроме того, страстно

желал добавить замок Линкольн к перечню мест ему подконтрольных. Когда Лоншан потребовал сдать замок и поклясться в верности, Жерар опрометью бросился к принцу Иоанну, оставив владения в крепких руках жены Николы.

Держать ситуацию под контролем канцлеру помешала необходимость обратить свое внимание на границу с Уэльсом, где по подозрениям Роджер де Мортимер, один из самых влиятельных пограничных лордов, вступил в сговор с валлийцами. Лоншан быстро собрал войско и направился в принадлежащий Роджеру Уигмор, где схватил изменника, обвинив в трусости, и отправил на три года в ссылку.

Затем канцлер поспешил в Линкольн и осадил замок. Надо отметить, что Никола защищала его так же стойко, как мужчина. В казначейских свитках есть запись о том, что Лоншан собрал для осады 30 рыцарей за 2 шиллинга в день, 20 всадников, получавших 4 пенса ежедневно, и 300 пеших солдат, на которых было выделено по 2 пенса в день. Также он привлек 40 взрывателей для подрыва стен замка.

Это был тот случай, которого ждали принц Иоанн и его сторонники. Он заставил Роберта Крокстона и Эда Девилла, констеблей Ноттингема и Тикхилла соответственно, сдать ему замки, что позволяло упрочить позиции и взять под свой контроль центральные земли Англии. Воодушевленный успехом и тем, что его поддерживают многие бароны, Иоанн настоял, чтобы Лоншан немедленно прекратил осаду Линкольна, и угрожал в противном случае «направить в его сторону карающий меч».

Пожалуй, тогда впервые Лоншан осознал, что в государстве существует готовая противостоять ему сила. Он также понял, что бароны, которых он считал союзниками, на самом деле преданы Иоанну. Однако Лоншан не утратил храбрости и потребовал от принца сдать недавно полученные замки, а также, будто забыв, что Ричард отменил, едва приняв, приказ брату оставаться за пределами Англии на время Крестового похода, заявил, что принц Иоанн должен предстать перед Королевским судом за невыполнение воли короля.

Архиепископ Готье, в расположении которого канцлер был уверен, предпочел занять нейтральное положение посредника в переговорах, что скорее говорит о его хитрости, нежели о честности. Передавая послания одной стороны другой, он имел возможность поддерживать решимость канцлера, когда был рядом с ним, и одновременно укреплять амбиции принца, когда находился рядом с Иоанном, подбивая его «отважиться на подвиги, заслуживающие ссылки на Ярос», если он хочет занять подобающее место в королевстве. Однако, находясь на публике,

архиепископ заявлял, что обе стороны должны стараться избежать открытого конфликта, который положит начало гражданской войне в стране, умерить свои амбиции, забыть о разногласиях и постараться найти компромиссное решение. Вняв многочисленным советам, Лоншан и принц Иоанн наконец договорились о встрече в Винчестере 28 июля. Лоншан отступил, пожалуй, впервые с момента обретения власти, он снял осаду Линкольна и укрылся в Тауэре в Лондоне, предварительно переправив туда запасы вооружения и солдат.

В означенный день противники встретились в условленном месте. Иоанн задолго до конференции разослал письма всем своим сторонникам и просил явиться вооруженными, как на войну, помимо этого, он расположил неподалеку войско валлийских рекрутов численностью 4000 человек, чтобы быть уверенным в защите в случае вероломного нападения.

Лоншан в третий раз собрал войско, на этот раз около 2000 рыцарей и некоторых валлийцев, оплатив расходы из казны. Обе стороны были готовы к сражению. Канцлер, несмотря на браваду и видимую храбрость, понимал, что в случае начала военных действий ему не выстоять, так как на сторону принца встанут все влиятельнейшие бароны Англии.

Были продуманы возможные условия для заключения мирного соглашения. Однако архиепископ Руана держал этот план в тайне, видимо продолжая следовать избранному пути нейтралитета. Три епископа, Годфри Винчестерский, Ричард Лондонский и Реджинальд Батский, которым полностью доверяли обе противоборствующих стороны, были избраны арбитрами, они же, в свою очередь, назначили посредников, которым предстояло составить соглашение. Епископы определили трех человек, имеющих право выступать от имени канцлера, ими стали три его сторонника: Гийом де Обиньи, граф Арундел, сын верного друга короля Генриха II; Ричард де Клер, женатый на одной из трех дочерей графа Уильяма Глостерского; и Гамелин де Варенн, приходящийся единокровным братом королю Англии Генриху II; были и еще восемь человек, но не столь знатных. Со стороны Иоанна выступал его канцлер Стефан Ридел, Уильям Венневалл, Реджинальд Вазевилл и еще восемь представителей. Они поклялись на Евангелии, что сделают все возможное для урегулирования спора между канцлером и принцем, «не поправ честь и интересы обеих сторон, заботясь о благе и мире в государстве, а также о том, чтобы будущие разногласия, если таковые возникнут, благополучно разрешились». Принц и Гийом Лоншан, в свою очередь, дали клятву соблюдать все условия заключенного соглашения.

По принятому договору, как указано в записях Роджера из Хоудена, Иоанн должен был отдать замки Тикхилл и Ноттингем, захваченные им незадолго до начала конференции, архиепископу Готье, а тот передать Ноттингем Уильяму Маршалу, который, вероятнее всего, не примкнул ни к одной из сторон, а Тикхилл Уильяму Венневаллу, одному из сторонников принца Иоанна, «ради сохранения чести и достоинства короля до его возвращения. Если же король (Господь не допусти!) погибнет, то все замки незамедлительно должны быть возвращены принцу без промедлений и колебаний». Далее было записано, что в случае, если канцлер вновь позволит себе превысить полномочия в отношении принца Иоанна или будет действовать вразрез с советами юстициариев, архиепископа Руанского или судей Королевского суда и не пожелает отступить, когда ему на то будет указано, оба замка тотчас же будут возвращены принцу Иоанну.

Важные замки, такие как Воллингфорд, Бристоль, Пик, Болсовер, Ай, Херефорд, Эксетер и Лонсестон, расположенные в пределах границ владений принца, должны перейти в распоряжение человека преданного короне до возвращения короля, в случае же гибели монарха они перейдут в собственность Иоанна.

С целью положить конец своеволию и наглости Лоншана было установлено: «Епископов и аббатов, графов и баронов, вавассоров и феодалов запрещается незаконно лишать земли, во имя соблюдения справедливости короля все вопросы следует решать в Королевском суде в соответствии с существующим правом, а также подчиняться вердикту разъездных судей или приказу короля». Иоанну вменялось соблюдать все те же правила в своих владениях.

Этот документ интересен прежде всего тем, что демонстрирует строгое пресечение попыток самовольного захвата собственности, а также уважение к Генриху II и Ричарду и признание безоговорочной власти юстициариев и судей как важной части механизма управления государством. Руководствуясь с начала правления не самым дипломатичным методом *vis et voluntas* (разделяй и властвуй) в разрешении споров с баронами, Ричард невольно заложил его в основу работы судей, согласно ему действовал не только Лоншан, но и «юстициарии и духовенство», разбирая вполне рядовые дела; этот принцип стал использоваться как инструмент наказания, если судебный процесс затягивался или суд был не в силах защитить интересы барона.

Против широкого использования этого метода, считавшегося

привилегией королевской власти, выступили прежде всего бароны, и выступили весьма решительно. Тогда у них еще не возникло мысли о возможности протестовать против самой власти, хотя очевидно, что они были ей недовольны и возмущены тем, что им приходится подчиняться приказам, сделанным «от имени короля», как и тем, что вся власть сконцентрирована в его руках. Однако бароны, несомненно, уже задумывались над этим вопросом и обсуждали в своем кругу, их негодование, подогреваемое тиранническими действиями ставленника короля, заложило основу для создания позже 39-й статьи Хартии вольностей.

В случае нарушения положений договора или жалоб на несоблюдение принца Иоанна архиепископ Руана, юстициарии или иные ответственные лица обязаны были принять меры по исправлению ситуации, и принц, властвующий на своей территории, обязан был также вмешаться, если недовольство будет вызвано его действиями. Таким образом, единовластие во владениях Иоанна фактически подтверждалось документом, к нему относились так, будто он был правителем иноземного государства.

В положении, в котором говорилось о гражданской войне на земле, некогда принадлежавшей королю Стефану, была затронута тема бесконтрольного строительства баронами замков с разрешения короля Стефана, было постановлено, что все возводимые и недавно заложенные должны быть разрушены и новые впредь могут строиться лишь по личному позволению короля Ричарда.

В договоре было положение о восстановлении Жерара де Камвилла в должности шерифа Линкольншира, однако было решено, что он предстанет перед Королевским судом, хотя правонарушения его и не были указаны.

Воистину, земли принца Иоанна стали раем для правонарушителей, хотя и были приняты меры, чтобы предотвратить желание врагов короны найти здесь укрытие. Иоанн, насколько известно, не колеблясь предоставлял защиту тем, кого подозревали в «преступлении против короля», до момента предъявления ему обвинения; сделать это было довольно просто, поскольку его владения не были подконтрольны странствующим судьям.

Принц Иоанн и канцлер Лоншан поклялись перед архиепископом Руанским соблюдать все положения договора «добровольно и не допуская злого умысла», что сделали также и четырнадцать свидетелей.

Надо отметить, что был в договоре и весьма странный пункт,

согласно которому в случае, если король до своего возвращения повелевает приостановить действие договора и сочтет все его пункты недействительными, то замки Ноттингем и Тикхилл будут возвращены принцу Иоанну, «невзирая на любые иные приказы короля Ричарда».

Ричард из Девайса приводит в своих текстах краткий вариант договора, который в основном схож с тем, который описывает Роджер Хоуденский, однако в нем есть положение, запрещающее канцлеру в случае смерти короля Ричарда препятствовать наследованию престола принцем Иоанном, напротив, ему следует всячески в этом содействовать. Впрочем, нам известно, что почти все важнейшие замки в стране находились в ведении принца, посему, даже если не брать в расчет данный пункт, очевидно, что в случае гибели брата большая часть государства находилась бы под контролем Иоанна, что значительно облегчало бы его восшествие на трон.

Впрочем, Ричард несколько усложнил положение брата, когда 12 мая сыграл на Кипре пышную свадьбу с наваррской принцессой Беренгарией. Сторонники короля могли надеяться, что он в скором времени обзаведется наследником, поскольку брак был устроен его матерью именно с этой целью.

И все же между вариантами договора, приводимыми Ричардом из Девайса и Роджером Хоуденским, довольно много различий, также последний обозначает дату заключения договора 25 апреля, хотя доподлинно известно, что соглашение не было достигнуто до 28 июля. Следует принять во внимание и факт, что Уильям Ньюбургский указывает конкретное время начала противостояния между принцем Иоанном и Гийомом Лоншаном, что не согласуется с иными источниками. Попытки составить единую картину привели епископа Стаббса к выводу: Линкольн осаждали дважды, конференции в Винчестере собирались трижды, и были заключены два отличных друг от друга договора, о первом из которых и пишет Ричард из Девайса, указывая дату 25 апреля, а второй, датируемый 28 июля, упоминает Роджер из Хоудена.

Помимо желания доказать правоту Уильяма Ньюбургского, я вижу мало причин безусловно принимать его позицию и признавать существование нескольких договоров, осад и конференций, что не согласуется с иными источниками. Описание договора Ричардом из Девайса, находившимся, кстати, ближе остальных к месту действия, во многом согласуется с тем, что пишет Роджер Хоуденский. Возможно, Ричард, монах храма Святого Свитина в Винчестере, лично имел возможность видеть договор или быть посвященным в некоторые его детали, однако

он пишет свои хроники, основываясь на воспоминаниях, и неудивительно, если автор допустил некоторые ошибки или что-то перепутал, например, Ноттингем или Тикхилл был передан Уильяму Венневалу – простая небрежность, подобное случается даже с лучшими историками всех времен.

Все вышесказанное не меняет истины – Винчестерский договор был одним из самых значимых документов периода правления короля Ричарда, он демонстрирует, какова была обстановка в Англии того времени, а также насколько более ответственными стали люди, управляющие ей, а ведь всего менее пятидесяти лет назад их предшественники повергли страну в гражданскую войну по гораздо менее серьезному поводу. Две противоборствующие группы, обе возглавляемые вспыльчивыми, амбициозными и упрямыми лидерами, продемонстрировали друг другу мощь и бросили в лицо немало обвинений, их встреча, казалось, неминуемо должна была привести к открытым боевым действиям, ведь не стоит забывать, что каждый явился на конференцию с войском внушительных размеров, оба лидера убедительно заявили о себе и показали, что обладают значительной силой, а также стремлением доказать собственную правоту.

Удивительно, что принц Иоанн, за спиной которого была армия валлийцев, а по обе стороны многочисленные сторонники, и Гийом Лоншан, которого поддерживали рыцари и солдаты, встретившись в Винчестере, сразу не бросились друг на друга. И причина того в мудрости и осмотрительности мужчин, сумевших заручиться словом двух лидеров закончить переговоры мирным договором, удовлетворяющим обе стороны. Учитывая скудность сохранившихся записей, мы, скорее всего, никогда не узнаем, кто были эти люди. Им мог быть Готье де Кутанс, архиепископ Руана, хотя Ричард из Девайса дает ему весьма не лестную характеристику, называя человеком двуличным и подлым. Возможно, эту роль сыграли епископы Винчестера, Лондона и Бата, каждый из которых обладал достаточным опытом в делах политических, к тому же был заинтересован в силе обоих противников. Ими могли оказаться несколько человек или все собравшиеся епископы, бароны, рыцари, прошедшие трудное, но полезное обучение государственному управлению во времена Генриха II и чувствовавшие ответственность за положение в стране, памятуя о недавних событиях гражданской войны.

Поведение Гийома Лоншана возмутило многих из собравшихся, это явственно следует из текста договора. Впрочем, не следует забывать, что канцлер имел право полагать, что правда на его стороне, поскольку на руках у него были письма

короля, содержащие распоряжения подчиняться ему во всем, как верховному юстициарию и папскому легату, и он открыто злоупотреблял доверием Ричарда. Из основных положений видно, что полномочия его были значительно урезаны, имели место призывы консультироваться с коллегами. Самым ярким доказательством того, что традиции Генриха II существовали до того дня, стали требования соблюдать закон, «решения Королевского суда и ассизы».

Позиции принца Иоанна существенно упрочились, благодаря возможности обуздать безраздельную власть Лоншана и получению под опеку многих важнейших замков и земель, а следовательно, в случае смерти брата, вероятно, и всего государства. Одним из пунктов договора, скорее всего удовлетворившим его без меры, было восстановление в должности верного Жерара де Камвилла и отстранение Уильяма де Стутевилла, которого Лоншан назначил шерифом Линкольншира.

Когда порядок был восстановлен, Роджер де Лейси, наследный констебль Честера, которому Гийом Лоншан отдал замки Ноттингем и Тикхилл, задался целью наказать Роберта Крокстона и Эда Девилла за подчинение принцу Иоанну. Предупрежденные, те двое бежали и отказались предстать перед судом. Роджер поручил их Алану Лиику и Питеру Бовенкорту, связанным с констеблем. Питер отправился в Лондон, где известил принца Иоанна, канцлера и судей Королевского суда, что «замок Тикхилл был передан Иоанну против его воли и без его приказа. Будь с ним рядом защитники, разделяющие его взгляды и готовые действовать против принца Иоанна, в суд бы он никогда не явился».

Лоншан не пожелал слушать Питера. «Отправляйся к своему лорду, констебль Честера, – произнес он. – Сними с себя ответственность за преступления, в которых он тебя обвиняет, в его суде». Принц Иоанн вручил Питеру письмо в поддержку, но, когда тот передал его Роджеру де Лейси, чтобы доказать свою невиновность, тот отказался его читать.

Не потрудившись провести судебное заседание, Роджер повесил Алана и Питера на виселице на железных цепях. На третий день рядом с виселицей был замечен какой-то сквайр, отгонявший птиц, клевавших трупы. Роджер приказал повесить его рядом. Принц Иоанн немедленно распорядился лишить констебля всех земель в наказание за варварское поведение.

Поскольку власть Лоншана была ограничена договором о мирном урегулировании разногласий, принц Иоанн и его сторонники решили выждать время, уверенные, что амбициозный

канцлер рано или поздно сам попадет к ним руки. Полученное Лоншаном право считать себя легатом папы закончилось со смертью Климента III, однако, узнав об этом, канцлер сразу отправил прошение к новому папе Целестину III. История не сохранила для нас дату, когда новый папа подписал грамоту с продлением полномочий Лоншана, но тот продолжал вести себя так, словно его права и не были приостановлены.

Угроза положению возникла с неожиданной стороны. По просьбе короля Ричарда, о чем сообщила в апреле Алиенора, новый папа утвердил посвящение Джеффри в архиепископы Йорка и поручил его рукоположение архиепископу Тура Бартоломью. Также папа, еще до вступления Джеффри в должность, отправил ему паллий – символ власти и связи с церковью, как знак своего особого расположения. Традиционная процедура предполагала, что вновь избранный архиепископ после посвящения отправляется в Рим, чтобы получить паллий из рук папы лично, хотя бывали и исключения, как, например, в случае с архиепископом Томасом Кентерберийским, которому папа позволил не являться в Рим, а получить паллий через посланника.

Разумеется, Лоншану стало известно о предстоящем вступлении в должность Джеффри, он понимал, что назначение архиепископа Йоркского серьезно ограничит его власть над церковью и изменит существующее положение не в его пользу, он также осознавал, что сделано это было по настоянию короля Ричарда, внезапно изменившего намерения в отношении брата. Кроме того, Лоншан не желал отказываться от дохода, который получал, управляя Йорком, а одна мысль о том, что может произойти, когда Джеффри узнает о его хищениях и слишком вольном распоряжении финансами, приводила его в ужас.

Поскольку указ о назначении Джеффри был дан самим папой, предотвратить его было не во власти Лоншана, однако, приложив все усилия, он мог удержать брата короля за пределами Англии. 30 июля канцлер отдал приказ всем шерифам прибрежных графств арестовать Джеффри, если он со своими приспешниками посмеет высадиться в одном из портов. Дабы обезопасить себя от проникновения в страну каких-либо неуместных в его ситуации приказов, Лоншан также распорядился, чтобы ни один гонец от «папы или другого высокопоставленного лица» не смог проникнуть на территорию Англии. Канцлер отправил посланника, вероятно своего преданного человека, во Фландрию, к графине Арундел, чей муж скончался у Акры 1 июня 1191 года, и просил ее не позволять Джеффри отплыть в Англию из портов Фландрии. Также канцлер пытался добиться расположения некоего Гуго, вероятно одного из приближенных графини, на что

выделил 6 марок, на которые поручил приобрести серебряный кубок и передать его в качестве подарка.

С прибытием Готье де Кутанса, архиепископа Руана, угроза беспредельной власти Лоншана над церковью стала расти. Никто, в том числе монахи Кентербери, не принял всерьез приказ Ричарда избрать Вильгельма Монреальского архиепископом, а Лоншан всячески потворствовал их нежеланию действовать. Он переманил монахов в свой собор в Или и, судя по всему, был с ними вполне милостив с одной простой целью – заручиться их поддержкой для избрания на пост архиепископа Кентерберийского.

Когда Готье де Кутанс прибыл в Англию, вооруженный множеством писем от короля и гордый доверием Ричарда, принца Иоанна и множества важнейших персон государства, Лоншан сразу понял, что появление архиепископа не только представляет угрозу его господству как верховного юстициария, но также станет серьезной помехой на пути к посту главы церкви Кентербери. Разъяренный канцлер написал Готье письмо, в котором довольно резко запретил ему приближаться к Кентербери и сейчас, и впредь под любым предлогом. Самым возмутительным было то, что в тексте Лоншан использовал выражения, свойственные королевским указам: «Если ты посмеешь перейти на другой берег Темзы, Мы не сможем сдержать направленный на тебя гнев и недовольство».

Приблизительно в это время принц Иоанн узнал, что Лоншан готовил для себя место архиепископа Кентербери. Разумеется, в глазах принца канцлер был наихудшим кандидатом на должность, потому Иоанн немедленно написал монахам и повелел навсегда забыть об избрании Лоншана.

Тем временем 18 августа Джеффри был рукоположен архиепископом Тура Бартоломью в присутствии также епископа Байоны Генриха и шести викариев епархиального епископа; он сразу дал обет верности Риму: с должным уважением относиться к легату папы, а также являться каждые три года в Рим лично или отправлять эмиссара. После этого Бартоломью покрыл его паллием.

Вновь избранный архиепископ отправился в Гин, во Фландрию, где попытался организовать свой отъезд в Англию. Узнав, что ему запрещено пересекать Ла-Манш, он попытался выяснить у графини, кем был отдан приказ. Та не стала скрывать, что действует по распоряжению канцлера Англии, а также добавила, проявив великодушие, что въезд в страну запрещен только ему, но это не касается его советников и помощников. Джеффри понял намек и незамедлительно отправил свое

сопровождение в Дувр, где они высадились в пятницу 13 сентября. Проявив немного хитрости и изобретательности, Джеффри нашел небольшую лодку, на которой и пересек Ла-Манш на следующий день.

Архиепископ Йорка ступил на берег утром и был мгновенно окружен стражниками, велевшими ему незамедлительно отправляться в замок и доложить супруге кастеляна Ришу, сестре канцлера. Джеффри удалось вскочить на лошадь и сбежать. Он решил укрыться в монастыре Святого Мартина, находящегося в ведении епархии Кентербери. Стражники впопыхах бросились за ним и вскоре окружили монастырь.

После мессы архиепископ отправил гонца к Ришу, чтобы выяснить, кто дал ей полномочия его задерживать. Женщина ответила, что действовала от имени брата, канцлера Англии, которому, по ее словам, предана настолько, что, прикажи он поджечь замок Дувр или даже сам Лондон, она не колеблясь сделала бы это. Она также отправила к нему Гийома де Обервилла и нескольких кентских рыцарей и настоятельно потребовала, чтобы архиепископ дал в их присутствии клятву вассальной верности королю и канцлеру и привел веские доводы, демонстрирующие, что он желает только мира.

Джеффри был возмущен такой наглостью и ответил, что уже поклялся в верности брату и не намерен делать это вновь, тем более по велению такой особы. После этого рыцари окружили монастырь и вместе с воинами начали осаду.

В воскресенье, после праздничной мессы Джеффри публично и во всеуслышание произнес отлучение от церкви сестры Лоншана, а также всех вооруженных и безоружных, принимавших участие в осаде монастыря и так или иначе тому способствовавших. Стражники окружили здание, не давая Джеффри возможности выйти, потому ночь ему пришлось провести в церкви, ставшей ему убежищем и в предыдущий день.

Позже, ближе к концу дня прибыл констебль замка Дувр Мэтью де Клэр, супруг Ришу. Он встретился с архиепископом и также стал настаивать, чтобы тот принес клятву верности королю и канцлеру. Джеффри повторил свой ответ, добавив, что, когда ему доведется предстать перед знатью королевства, епископами, баронами, лордами и верными вассалами короля, он с радостью произнесет клятву верности, если им покажется, что данной ранее недостаточно. Констебль позволил Джеффри покинуть храм и перейти в монастырь, однако отдал приказ страже охранять все выходы.

Архиепископ Йорка оставался в заточении до среды 18 сентября. Ближе к вечеру два рыцаря Обри де Марни и Александр

де Пюинтель, одни из самых верных слуг Лоншана, прибыли к монастырю с отрядом в пятнадцать вооруженных солдат. Постучав в забаррикадированные ворота, они дали слово выбить их, если им не откроют. Получив заверение, что незваные гости пришли для разговора с архиепископом, монахи открыли ворота и впустили мужчин, скрывавших оружие под плащами.

Джеффри нашли у алтаря, на шее у него была белая стола, в руках золотой крест с фигуркой из слоновой кости. Все присутствующие сразу вспомнили о Томасе Бекете, а Джеффри намеренно сделал все, чтобы так и было, ведь он так же когда-то держал перед собой крест в Ноттингеме.

– Канцлер приказывает тебе, – сказали посланники, – поскольку ты явился в эти земли, нарушив волю короля и без его разрешения, немедля сесть на корабль и плыть обратно.

Архиепископ ответил, что ничего не будет делать по приказу канцлера, кроме того, он прибыл в Англию с мирными намерениями и доказательством тому служит отсутствие рядом с ним войска, хотя, стоило пожелать, он мог собрать немало солдат. В Англию он приехал с разрешения и благодаря милости короля, что отражено в письмах Ричарда, уже отосланных канцлеру.

– Если тебе нечего более сказать, – отозвались рыцари, – мы обязаны исполнить приказ.

Архиепископ промолчал, тогда мужчины вышли во двор, сбросили плащи и вернулись, демонстрируя полное вооружение. Они опять спросили Джеффри, согласен ли он повиноваться приказу канцлера, и тот снова отказался.

Прежде всего, рыцари проявили набожность и преклонили колени перед алтарем, трижды перекрестившись. Затем они подхватили архиепископа под руки и повели к выходу. Едва переступив порог храма, Джеффри выкрикнул отлучение от церкви тех, кто посмел применить к нему силу. Мужчины подняли его, удерживая за плечи и ноги, и понесли, руки же его безвольно свисали до земли.

Рыцари предложили Джеффри сесть на лошадь и ехать с ними в замок, тот ответил, что он не сядет на лошадь, принадлежащую тем, кто пришел лишить его свободы. Архиепископ шел пешком, рыцари то подталкивали его, то тянули, но он уверенно ступал по вязкой грязи дороги. Временами он прикасался к кресту и поправлял каким-то образом не сорванную с него столу. Так он добрался до замка Дувр, сопровождаемый несколькими помощниками и клириками, поспешившими ему на помощь, узнав о возвращении в Англию.

Констебль Мэтью де Клэр был не столь жестокосерден, как

супруга. Когда к нему привели архиепископа, Мэтью упал пред ним на колени и зарыдал из сострадания к унизительному положению, в котором тот оказался из-за брата его собственной жены. Ослушаться приказа канцлера он не посмел и отправил в темницу Джеффри, нескольких его слуг и клириков, однако, желая смягчить их страдания, отправил заключенным еду со своего стола. Архиепископ с презрением ее отверг. Он не хотел связывать себя никакими обязательствам с тюремщиками, потому велел слугам принести еду, воду и огонь из города.

На третий день заключения архиепископа Лоншан конфисковал всех его лошадей и повелел доставить к нему, обозначив как военные трофеи. Каждый день канцлер отправлял гонцов к Джеффри с разными предложениями, например, он был готов предоставить корабли, если архиепископ согласится вернуться на континент, и всякий раз требовал дать клятву верности королю и ему лично. Ни на одно из предложений Лоншан ответа не получил. Тем временем Мэтью де Клэр, глубоко осознав творившееся чудовищное святотатство и свою роль в происходящем, все чаще являлся пред очи архиепископа с мольбами о прощении и объяснениями; он говорил, что не разделяет взгляды напавших, что был вынужден из страха подчиниться приказу, разумеется, вопреки собственной воле. Характером Джеффри пошел в своего отца Генриха II и был человеком вспыльчивым, злопамятным, однако слишком великодушным, чтобы затаить обиду на того, кто молит о прощении. Мэтью получил его милость.

Новость о пленении архиепископа бежала по Англии со скоростью ветра. Ситуация не могла не вызывать ужаса, ведь схожесть с положением Томаса Кентерберийского была очевидна всем. Возмутительное своеволие канцлера, посмевшего столь жестоко обращаться с архиепископом Йоркским, называли не иначе как кощунством. Помимо того что Джеффри был братом короля, он вызывал уважение подданных непоколебимой преданностью отцу, Генриху II; он был единственным из его сыновей, кто был рядом до самого конца, прижимал умирающего отца к груди и тихо нашептывал слова любви, стараясь облегчить агонию, пока душа короля не покинула тело. Большую часть жизни Джеффри провел в Англии, за которую храбро боролся в 1173–1174 годах с шотландцами, и Англия любила его и почитала. Возмутительное обращение с ним сына беглого раба, к тому же иностранца, укрепляло в народе ненависть к Лоншану.

Монахи Кентербери, находящиеся ближе всех к месту развития событий, одними из первых узнали, что произошло с Джеффри. Взывая к памяти о «пролитой крови великого мученика

нашего Томаса Кентерберийского», они написали письмо и потребовали от Лоншана объяснений, почему архиепископа Йорка схватили в церкви, у самого алтаря и заставили идти по непроходимой грязи до самого замка в Дувре, где бросили в темницу.

В своем ответе канцлер рекомендовал монахам не беспокоиться, что архиепископа удерживают в замке, а также добавил, что не по его приказу он оставался в церкви, а сейчас находится в темнице. Лоншан объяснил, что всего лишь отдал приказ в случае появления Джеффри в Англии и его отказа принести клятву верности королю, которую он никогда не давал, отправить его во Фландрию, поскольку он не имел права появляться в Англии во время отсутствия короля.

Лучше всего о том, что самые влиятельные люди страны встали на сторону Джеффри, свидетельствует следующий факт: святой Гуго Авалонский, епископ Линкольна и самый уважаемый из духовенства епархии, едва услышав о содеянном, сразу публично, на богослужении в Оксфорде отлучил от церкви Мэтью де Клэра и его супругу, а также осудил всех, кто прямо или косвенно причастен в этому возмутительному событию. Епископ Лондонский Ричард, как только получил весть, немедля разыскал канцлера, находившегося на тот момент в Норидже, наслать кару Божью на все Кентербери, если архиепископ не будет немедленно освобожден. Иоанн Оксфордский, епископ Нориджа и заклятый враг Томаса Бекета, также присоединился к гласу протеста.

Гуго Нонант, епископ Ковентри, был одним из сторонников Лоншана, вероятно, потому, что канцлер поддержал его в споре с монахами. Ранее он был на стороне принца Иоанна, когда его преимущество над канцлером казалось очевидным. Сейчас же Гуго стал одним из организаторов оппозиции Лоншана.

В то время, когда брата бросили в темницу, Иоанн находился в Ланкастере. Новость ему сообщил епископ Гуго, потребовав, чтобы принц немедленно вмешался и положил конец несправедливости. Иоанн решил, что будет недостаточно отправить посланников к канцлеру с требованиями или написать тем, кто выступал гарантами соблюдения Винчестерского договора. По его поручению два рыцаря выехали в Дувр, где явились к констеблю и потребовали немедленно отпустить пленника, пообещав, что в случае его виновности в чем-либо суд проявит к нему всю строгость. Несмотря на то что рыцари были весьма убедительны, Мэтью отказался подчиниться приказу, исходившему не от его господина – канцлера. Рыцарям оставалось лишь вернуться к принцу и сообщить о неудачном исходе.

На канцлера обрушились нескончаемые претензии епископов, баронов, клириков и простых людей, возмущенных его обращением с братом короля. Сначала Лоншан пытался отрицать свою причастность, как это было с монахами Кентербери, объясняя, что не отдавал приказа поступать с архиепископом столь жестоко, однако его лживые слова не могли никого обмануть.

В скором времени, когда против канцлера готово было подняться все королевство, когда объединились все его противники, он ясно осознал всю серьезность происходящего и возможные страшные последствия своих приказов. Он глубоко оскорбил юстициария, епископа Дарэма и архиепископа Руана, чьим советам король повелевал ему следовать, поссорился с принцем Иоанном, однако сумел при этом сохранить власть и положение. Теперь же все они были против него. Найдя возможность заключить мир с кем-то из своих оппонентов, Лоншан смог бы переждать бурю, но он не допускал мысли о разделении власти. Он желал управлять государством и церковью Англии единолично, и первым человеком, мешавшим осуществлению этого плана, был архиепископ Йоркский, только он мог заставить канцлера совершить фатальную для себя ошибку.

Видя, что почти все влиятельные люди государства выступают против него, Лоншан отправляет в Дувр графа Гамелина де Варенна с приказом освободить Джеффри. Также графу поручено обязать Джеффри дать клятву «епископа и священника», что он незамедлительно явится в Лондон, где предстанет перед баронами и клириками и подчинится их решению, как действовать далее. Поскольку архиепископ так и намеревался поступить, когда возникли первые разногласия с канцлером, то он легко дал слово.

В четверг 26 сентября Джеффри обрел свободу. От предложенных лошадей для него и слуг он гордо отказался, добавив, что уйдет из тюрьмы так же, как пришел. С крестом в руках и столой на шее архиепископ вернулся в монастырь Святого Мартина пешком, приветствуемый на всем пути восторженными криками людей.

В субботу архиепископ выехал в Лондон. По дороге он остановился в Кентербери и долго молился у гробницы святого Томаса. «Самая великолепная» процессия монахов проводила его до аббатства Святого Августина, где он остался на ночлег. По приказу канцлера Гийом де Обиньи, граф Арундел и Генри Корнхилл, шериф Кента, сопровождали Джеффри от Кентербери до Лондона.

Архиепископ прибыл в Лондон в среду 2 октября. Встретить его и проводить до собора Святого Павла вышли, кажется, все движимые любопытством жители города. В храме его с особыми почестями принял епископ Лондона Ричард.

Тем временем принц Иоанн отправил всем епископам и баронам послание следующего содержания: «Если любите и почитаете вы Бога, святую церковь, короля вашего и меня, в первую субботу после Михайлова дня идите на мост Лоддон, что между Рединго м и Виндзором, и там с Божьей помощью я буду ждать вас, чтобы обсудить насущный вопрос, касающийся короля и государства нашего».

Принц отправил двух гонцов в Лондон, поручив им донести его слова до Гийома Лоншана и архиепископа Джеффри, который уже так представил все произошедшее с ним знати, что Лондон буквально бурлил. Положение оказалось столь сложным, что ассамблея казначейства в Михайлов день была перенесена в Оксфорд. Лоншан, напуганный волнениями, позволил Джеффри, ставшему заложником Лондона, выехать на сессию с условием, что он вернется после третьего дня. Сам канцлер выехал в Виндзор с внушительной охраной.

Тем временем принц Иоанн собрал своих друзей и сторонников в Рединге, расположенном в пятнадцати милях к западу от Виндзора. Джеффри прибыл туда в пятницу 4 октября и был встречен братом поцелуями и объятиями. Утром в назначенный день, в субботу 5 октября, сразу после мессы началась ассамблея в Рединге. Джеффри, находящийся в палате, где собрались «самые блестящие» люди королевства, первым делом объяснил, что с ним произошло и как с ним поступил канцлер. Затем он пал пред ними на колени и со слезами на глазах стал умолять отомстить за те раны, что были нанесены Христу и святой церкви в его лице. Мужчины, в свою очередь, склонили колени и дали клятву все исполнить.

Толпа собравшихся двинулась к месту встречи на мосту через Лоддон в трех милях от Рединга. Лоншан выехал из Виндзора с епископом Лондона Ричардом, графом Арунделом Гийомом, графом Гамелином де Варенном, графом Норфолка Роджером Биго и большим отрядом своих сторонников. Когда позади было уже четыре мили, канцлер ощутил нарастающий страх перед предстоящей встречей со всеми врагами, собравшимися в одном месте. Повернув назад, он решил укрыться в замке Виндзор, а остальных отправил вперед.

На ассамблее присутствовали два архиепископа, Готье Руанский и Джеффри Йоркский; пять епископов, Ричард из Лондона, Гуго из Линкольна, Годфри из Винчестера, Риджинальд

из Бата и Гуго из Ковентри; также принц Иоанн и влиятельнейшие бароны королевства. Первым выступил Джеффри, он громко зачитал письмо короля, в котором тот дозволял брату вернуться в Англию и давал свое благословение и подтверждал связывающую их братскую дружбу, оказывал милость принимать участие в дебатах юстициариев в качестве доверенного лица и брата короля.

Следующим выступил Готье де Кутанс, архиепископ Руана, который также зачитал присутствующим послание короля, приказывающего ему заняться делами государства, а именно как человеку, ставшему душеприказчиком короля, взять на себя избрание архиепископа Кентербери. Все грамоты от Ричарда были на латинском, потому епископ Гуго Нонант переводил их на французский, для лучшего понимания присутствующих мирян. К приказам короля архиепископ Руанский добавил, что собирался заняться выборами, но канцлер воспротивился этому, велел оставаться в пределах Лондона и ни при каких обстоятельствах не переходить на другой берег Темзы. Архиепископ утверждал, что более того, канцлер ни разу не спросил его мнение по какому-либо вопросу и не прислушался ни к одному совету.

Три юстициария, Уильям Маршал, Уильям Брюэр и Джеффри Фицпетер, поддержали Кутанса, заявив, что канцлер игнорировал и их, чем возмутительно нарушал приказ короля. Несмотря на то что на встрече отсутствовал Гуго де Пюйсе, епископ Дарэма, он отправил своего доверенного человека, которому предстояло поведать собравшимся обо всех вольностях, что позволил себе канцлер в отношении Гуго. Графу Арунделу, представлявшему Лоншана, не дали возможности сказать и слова в оправдание.

Когда каждый из желающих высказаться выдвинул обвинения канцлеру, Готье де Кутанс сообщил еще об одном указе короля, который Лоншан с презрением игнорировал. Он зачитал ассамблее документ, в котором говорилось о позволении юстициариям низложить канцлера, если он не станет прислушиваться к их советам и мнению. Наличие грамот короля придавало архиепископу сил призвать всех присутствующих, «прежде всего принца Иоанна и прочих, представляющих королевскую власть, выступить как один против канцлера, лишить его власти, ибо та приносит лишь вред королю и государству, и отдать его должность тому, кто будет с должным вниманием относиться к мнению советников».

Ассамблея без обсуждений вынесла решение отстранить канцлера, предъявить ему обвинения в суде и отправить епископов Линкольна, Винчестера и Ковентри, а также нескольких баронов сообщить об этом Лоншану, не явившемуся в

тот день под предлогом тяжелой болезни. Вышеуказанные посланники выехали в Рединг, где провели ночь. Ранним утром воскресенья канцлер велел нормандскому барону Уильяму де Браозу и нескольким рыцарям из числа своих приближенных взять отряд солдат и отправляться к принцу Иоанну, чтобы подкупить его и переманить на свою сторону. Вероятно, канцлер осознал всю опасность своего положения, раз стал искать расположения принца, которого не без причин считал единственной угрозой своей власти. Иоанн был не из тех людей, которых оскорбило бы предложение денег, однако ситуация была слишком серьезной, чтобы он мог без последствий перейти на сторону врага, даже если бы и счел это возможным. Кроме того, ему была приятна мысль, что свержение канцлера теперь неизбежно, и он не желал подвергать опасности свое упрочившееся положение, заключая союз с противником.

Епископ Реджинальд Батский отслужил мессу. Архиепископы и епископы надели митры и взяли пастырские жезлы, они шли с зажженными свечами, «обещая кару всем, кто напутствовал, помогал или отдавал приказы с целью изгнать архиепископа Йоркского из приората, кто обращался с ним неподобающе чину и положению, кто осмелился заточить его в темнице; отлучая изменников от святой церкви за одно упоминание имен Обри де Марни и Александра де Пюинтеля». Епископ Гуго Нонант объяснил происходящее прихожанам.

Уже ближе к вечеру посланник Лоншана вместе с двумя рыцарями, посланными принцем Иоанном и его сторонниками баронами, вернулся к господину в замок Виндзор. Рыцари сообщили об отказе Иоанна принимать предложенные канцлером условия и уведомили о приказе принца Лоншану явиться на встречу в тихом месте недалеко от замка, где он узнает о вынесенном на его счет вердикте. Если же он не явится на встречу, «впредь ему не будет никакого доверия».

Утром понедельника 7 октября епископы и бароны покинули Рединг и пересекли Лоддон. Принц Иоанн пожелал остановиться на ночлег в Стайнс и отправил вещи вперед себя с многочисленной охраной, также поступили и некоторые другие участники ассамблеи. Затем Иоанн и его сторонники направились в сторону Виндзора. Тем временем канцлер также двинулся им навстречу, обеспечив себе вооруженный эскорт. Вскоре один из рыцарей, Генри Биссе, являвшийся шпионом партии Иоанна, сообщил Лоншану, что тот строит серьезный планы захватить Лондон.

Известие привело канцлера в ужас, и, «не щадя ни лошадей, ни шпор», он повернул обратно в Виндзор. Давая спешные

распоряжения о защите замка, он перебрался через Темзу и помчался в Лондон, в погоню, как он полагал, за принцем Иоанном и его людьми.

Епископы и бароны вскоре узнали о неожиданном отъезде канцлера и были озадачены и удивлены таким его поведением.

– И как нам поступить? – задал вопрос епископ Реджинальд Батский. – Вернуться в Рединг?

– Разумеется, нет, – отозвался Гуго Нонант. – Отправимся в Лондон и запасемся зимней одеждой. – Остроумие было его отличительной чертой.

Выслушав мнение епископа Ковентри, собравшиеся выехали в Стайнс.

В то же время в предместьях Лондона, где сходятся две дороги, люди принца Иоанна встретились с частью эскорта канцлера. Началась настоящая бойня. Ральф Бошан, посвященный в рыцари канцлером, так тяжело ранил Роджера Планеса, приближенного принца Иоанна, что тот скончался в конце месяца. Победа осталась за партией принца Иоанна, и люди канцлера спаслись бегством и укрылись в Тауэре.

Прибыв в Лондон, канцлер велел Генри Корнхиллу, своему верному помощнику, собрать всех знатных людей города в Гилдхолле. Он также приказал закрыть ворота, опасаясь принца Иоанна, собравшегося осадить город. Лондонцы принялись ожесточенно спорить с Корнхиллом и Ричардом Фицрейнером, который, вместе с Генри, объединился с шерифом Лондона и Мидлсекса на Михайлов день в 1189 году. Горожане опасались, что противостояние старшему сыну прежнего короля и брату нынешнего, к тому же наследнику престола, может принести вред Лондону. Тогда было решено встретить принца и выяснить, каковы на самом деле его намерения.

Архиепископ Джеффри, прибывший в Лондон сразу после освобождения, также не терял времени даром. Он сумел так представить произошедшее с ним, что завоевал немало сторонников среди жителей города и пробудил в них ненависть к жестокому канцлеру. Теперь он пожинал плоды своих усилий. Партия принца Иоанна росла и крепла, Лоншана ненавидели все больше, все громче обвиняли его в тирании и причинении вреда государству. В результате канцлер и его сторонники вынуждены были укрыться в Тауэре и приготовиться к осаде. Горожане же вышли на улицы Лондона с фонарями и факелами, готовясь встретить принца Иоанна, прибывшего со своей партией уже после наступления темноты. Его торжественно сопроводили к дому Ричарда Фицрейнера, где он остался до утра.

Поддержка лондонцев была весьма полезна, учитывая

желание принца достичь своей цели, и прием горожан дал ему понять, какова будет плата за нее. Жители города тем временем перекрыли все доступы к Тауэру по земле и реке, чтобы не дать возможности Лоншану сбежать. Во вторник утром колокола Святого Павла созывали всех на совет. В собор явились епископы, бароны и знать. Архиепископ Йоркский вновь поведал всем о своих невзгодах, выпавших на его долю из-за жестокого канцлера, архиепископ Руанский вновь напомнил о том, каким возмутительным образом Лоншан игнорировал приказы короля и не прислушивался к мнению духовенства; представитель Гуго де Пюйсе напомнил всем, как Лоншан поступил с епископом Дарэма, лишив его должности юстициария и изгнав из графства; все юстициарии не приминули заметить, что канцлер никогда не интересовался их советами при вынесении решений по государственным вопросам. Гуго Нонант, суммировав все жалобы, сделал столь точные выводы, что вердикт присутствующих был однозначным: «Мы не допустим, чтобы этот человек нами управлял!»

Архиепископ Готье и Уильям Маршал представили письмо короля, в котором он позволял сместить канцлера в случае, если тот откажется следовать советам юстициариев и поступки его будут приносить вред государству и короне. Исполняя милостивую волю короля, собравшиеся постановили отстранить Гийома Лоншана и поставить на его место верховного юстициария Гийома де Кутанса. Помимо этого, они присвоили принцу Иоанну, согласно записям Ричарда из Девайса, титул «правителя королевства» (rector totius regni), чем явно превысили свои полномочия, и передали во владение все замки, которые он пожелает получить.

Если написанное в хрониках верно, то становится неясно, что означал титул принца Иоанна. Полномочиями регента, управлявшего страной от имени короля, по закону наделялся верховный юстициарий; он имел право принимать решения, учитывая советы юстициариев; однако титул Иоанна, вероятно, значил лишь то, что ему, как брату монарха и наследнику, дается право надзора над управлением государством, что звучит весьма расплывчато. Титул принца Иоанна, ставивший его выше архиепископа Руанского, был утвержден на собрании перед заседанием Королевского суда 30 ноября 1191 года. У Ричарда из Девайса есть записи о том, что были также утверждены в должности новый верховный юстициарий, служащие казначейства и кастеляны замков, но не трудно догадаться, что смещены со своих мест были только сторонники Лоншана.

Назначены были одиннадцать новых шерифов, хотя нельзя

сказать уверенно, что новые люди не были приверженцами политики низложенного канцлера. Его брата Генриха, шерифа Херефордшира, разумеется, заменили на Уильяма де Браоза, в Йоркшире Осберта Лоншана сменил Гуго Бардолф, который, в свою очередь, уступил Уорикшир и Лестершир Гуго Нонанту. Епископ Гуго решил, что его прежнее смещение с должности можно считать недействительным, поскольку принято оно было архиепископом Болдуином, ныне покойным. Все привилегии, за которые епископ Годфри Винчестерский честно заплатил, были ему возвращены, а епископ Гуго де Пюйсе опять стал графом Нортамберлендским.

В качестве платы за поддержку народ потребовал признания коммуны лондонцев, что и было выполнено, даже епископы и знатные пэры обещали оказывать ей содействие. Нам доподлинно не известно, какую форму приобрела к тому времени коммуна, однако, безусловно, следует считать революционным существование сообщества, освободившегося от контроля короля и юстициариев и осуществлявшего собственное управление. Горожане не только выбирали мэра, но и людей на другие значимые должности. Таким образом, они получили возможность писать собственные законы и создать собственный суд, не подчинявшийся Королевскому суду и юстициариям, которые рассматривали дела, находящиеся за пределами компетенции собрания свободных граждан.

Основным принципом построения отношений в обществе было землевладение и вытекающие отсюда обязательства. В схему, казавшуюся на первый взгляд простой и четкой, не вписывались три класса людей: евреи, положение которых уже обсуждалось; купцы, некоторые из которых жили в Лондоне или использовали это место для ведения торговли; и ремесленники, мастеровые и рабочие, жившие в больших и малых городах. В тот период торговля росла, и торговцы стали задумываться о том, что их богатство должно изменить их положение в обществе и дать право голоса в решении государственных вопросов. Совершенно очевидно, что создание общины было инициировано купцами, возможно с помощью зависевших от них рабочих.

Политика предоставления корпоративных привилегий была прямо противоположной той, что существовала при Генрихе II, который предпочитал держать города под своим прямым контролем, во-первых, с целью лучшего управления и надзора, а во-вторых, ради возможности получить больший доход путем налогов, сборов и подношений. Как пишет Ричард из Девайса, «даже за тысячу тысяч марок ни Генрих, ни Ричард не проявили бы милостивое снисхождение к той коммуне, а точнее сказать,

группе находящихся в сговоре людей, видя то ожесточение и азарт, с которым смотрели они и говорили, ибо был это шаг против власти короля, а не простой торг за малые свободы, которые могли быть дарованы в то время городу или боро».

Принц Иоанн дал вассальную клятву верности своему брату, королю Ричарду. В свою очередь, два архиепископа, епископы, бароны и знать Лондона также поклялись в верности королю Ричарду, а потом и его брату Иоанну, что не отменяло их преданности королю, дали слово чести, что «в случае внезапной кончины Божьей милостью короля их Ричарда они примут Иоанна их новым королем».

Пока судьба его решалась врагами, Лоншан готовился к осаде Тауэра. Несмотря на то что на ремонт его были потрачены значительные суммы, никто не потрудился позаботиться о доставке провизии, необходимой для длительной осады; в прежние времена, обладая властью, канцлер счел бы это досадной оплошностью и не придал значения. Сейчас же, осознав, что в крепости он долго не продержится, Лоншан посла гонца с целью выяснить, на каких условиях он может сдаться.

В среду утром четыре епископа, Гуго Линкольнский, Ричард Лондонский, Годфри Винчестерский и Гуго Нонант, прибыли в Тауэр, сообщить канцлеру о вынесенном судом решении. Лоншан был так раздавлен осознанием собственного краха, что при виде их упал и лишился чувств, привести его в сознание удалось, лишь плеснув в лицо ледяной воды.

Придя в себя, канцлер заявил, что ни за что не сдаст Тауэр и не вернет печать. Епископы ответили, что в данной ситуации у него нет выбора; решение уже принято.

– Если бы я собрался сдать все замки этого королевства, но не самому королю, а кому-то другому, – произнес Лоншан, – меня можно было обвинять в измене, но ни одного члена моей семьи нельзя назвать изменником.

– Не надо вспоминать сейчас о семье, делай, что тебе велят, – отозвался Гуго Нонант. – Тебе не избежать того, что должно произойти; и, кстати, ты не первый предатель в своей семье.

Лоншан отказался принять вердикт суда. Епископы удалились сообщить всем о решении канцлера, а принц Иоанн заключил Тауэр в еще более тугое и плотное кольцо. В связи с неожиданными событиями Лоншан одним за другим отправлял гонцов к принцу со все более дорогими подарками и щедрыми обещаниями. Иоанну они были неинтересны; он выиграл, получив контроль над большим количеством замков и став признанным и одобряемым всеми наследником престола. Он собирался покинуть Лондон, не дожидаясь результата препирательств

между судьями и канцлером, однако Гуго Нонант и архиепископ Джеффри убедили его остаться и дождаться финала.

Когда рухнула последняя надежда, Лоншан ближе к вечеру дня сложных для него переговоров все же уступил мольбам своих сторонников, признал безвыходность положения и отправил брата Осберта с его камергером Мэтью в качестве гарантов его обязательного приезда на следующий день.

Падение Лоншана было настолько неизбежно, что даже во время переговоров юстициарии, епископ Лондона и монахи Вестминстерского аббатства озаботились тем, как помешать воплощению заветной мечты канцлера – продвижению его брата. Готье, декан Вестминстера, скончался 27 сентября 1190 года, и Лоншан принялся склонять монахов принять его брата, монаха из Кан, в общину монастыря и непременно избрать аббатом-настоятелем.

Пока не было достигнуто полное подчинение Лоншана, юстициарии и епископ Ричард выехали в Вестминстер. В их присутствии монахи охотно избрали приора Уильяма Пострда аббатом, невзирая на обещание, данное под напором Лоншану. Епископ Ричард провел Уильяма к алтарю и усадил в кресло. В ближайшее воскресенье прошло торжественное богослужение и благословение епископом нового настоятеля, затем началось празднество.

Рано утром в четверг 10 октября епископы и бароны Лондона собрались за городскими стенами в открытом поле к западу от Тауэра, туда же прибыл канцлер для передачи власти. В центре стояли главные действующие лица переговоров, окруженные кольцом баронов, за которыми толпились десять тысяч лондонцев, не желающих пропустить столь значимый момент. Гуго Нонант, как всегда гордо вскинув голову, воспользовался своей репутацией блестящего оратора и выступил первым. Он перечислил все обвинения, выдвинутые против канцлера на предыдущей встрече в соборе Святого Павла.

– Мы не желаем, – заключил он, – чтобы ты и дальше управлял государством. Тебе останется епископство и три замка на наш выбор, остальные же ты сдашь по собственной воле, мы не позволим тебе стать зачинщиком беспорядков и смуты, после того ты будешь свободен и можешь отправляться куда пожелаешь.

Против канцлера высказывались еще многие, но вердикт ассамблеи все приняли единодушно: Лоншан должен был оставить должность верховного юстициария, отказаться от владения всеми замками, захваченными после отъезда короля из Англии. Ему оставили лишь три замка, пожалованные Ричардом до отбытия в Крестовый поход: Дувр, Кембридж и Херефорд, они

находились так далеко друг от друга, что их владение одним человеком не могло стать угрозой миру и покою. Впрочем, для большей уверенности кастелянами всех трех замков должны были стать люди, назначенные юстициариями.

Выслушав всех противников, канцлер сделал попытку защитить свое имя. Он утверждал, что архиепископ Джеффри был заключен в темницу без его ведома и тем более не по его приказу, и готов доказать это в любом суде, церковном или светском. Что же касается возвращения имущества короне и манипулирования приказами короля с целью достижения собственных целей, то канцлер заявил, что в каждом случае действовал с одобрения юстициариев, назначенных королем ему в советники. Более того, Лоншан готов был отчитаться за каждый потраченный им фартинг. В конце канцлер признал, что готов уступить противоборствующей силе и дать любые гарантии, что по требованию вернет замки.

– Однако, – добавил он, – знайте, что вам не лишить меня ни одной должности, пожалованной королем. Вас больше числом, чем я один, в этом ваша сила, и я, канцлер этого королевства и верховный юстициарий, вынуждаемый подчиниться приговору, вынесенному вопреки всем законам, склоняюсь перед давлением и силой.

Лоншан передал ключи от Тауэра, оставил в заложники своего брата Осберта, Генри и его камергера Мэтью, в подтверждение готовности вернуть замки, и дал клятву не покидать страну до тех пор, пока их не передадут юстициариям.

Ярким примером развития в последние полвека коллективной ответственности государственных деятелей за судьбу страны может стать тот факт, каким способом юстициарии и бароны покончили с этим политическим кризисом. Король был слишком далеко, и распоряжения его были туманны и порой противоречивы, таким образом, бароны были предоставлены самим себе и имели возможность действовать, руководствуясь личными принципами. Выбранный королем регентом Гийом Лоншан показал полную несостоятельность в управлении государством, все его действия были направлены скорее на получение личной выгоды, чем на благо королевства. Вместо того чтобы думать о себе и своих интересах, как поступили их предки в смутные времена при короле Стефане, бароны действовали с похвальной рассудительностью и осмотрительностью, взвешивали все решения с точки зрения пользы для страны, старались, учитывая странности королевских указов, поступать так, как, по их мнению, ждал от них король.

Функции великого Совета королевства того времени

довольно трудно определить с достоверной точностью, основываясь лишь на нескольких записях, отражающих его работу. Каждый барон был обязан прибыть к королю с советом, когда это требовалось, все важные решения принимались королем в присутствии совета, предположительно после предварительного обсуждения. Из этого следует, что члены совета были не просто пассивными участниками и слушателями королевских указов, пример тому – резкое выступление Томаса Кентерберийского против королевских инициатив в 1163 году. Тот факт, что бароны продемонстрировали компетентность в поставленном вопросе, говорит об их настрое найти самый благоприятный выход из положения. Не менее важно и то, что они смогли прийти к единому мнению и достичь солидарности, а также приобрели опыт коллегиального сотрудничества, что было весьма значимо для будущего страны. Бароны, составлявшие большую часть Совета королевства, действовали по своему усмотрению, в интересах государства и независимо от инициатив короля.

Лучшим примером их успеха можно считать хорошо организованное сопротивление королю Иоанну.

События лета и осени 1191 года часто упоминаются в связи с возникшим противостоянием принца Иоанна и Гийома Лоншана, хотя это можно назвать скорее более удобным, нежели точным. Как нам известно из записей историков того времени, хотя мнение их часто предвзято, это была борьба Гийома Лоншана не против принца Иоанна, будущего короля Иоанна, а против фактически всей знати и влиятельных людей Англии. Иоанн по праву рождения занимал наивысшее после короля положение в светском обществе, он брат короля и его наследник, вследствие чего он не мог занимать иного положения, кроме оппозиционного канцлеру.

Если бы Иоанн встал на сторону Лоншана, что вполне могло произойти, если бы канцлер сразу попытался сделать его союзником, а не настраивал против себя, то вместе они, поскольку каждый имел существенное влияние в определенной сфере, были бы непобедимы. Все авторы летописей того времени сходятся во мнении, что причиной падения канцлера стало нежелание делить власть с другими достойными мужами королевства, а также настойчивая уверенность в своей уникальности и возможности править единолично. Союз с представителями знати и духовенства сделал бы его сильнее, но он не допускал необходимую в этом случае частичную передачу привилегий людям, которых к тому же презирал. Если бы Лоншан оставил север епископу Дарэмскому, как и приказал король, и довольствовался владением остальной частью страны; если бы,

как приказал король, он не пренебрегал советами юстициариев, обладавших ценным опытом в управлении страной и хорошо ее знавших; если бы он по-иному использовал указы короля и стал союзником принца Иоанна, в чьем ведении находились юго-запад и центральная часть Англии; если бы он добровольно отдал второй по значимости пост в церковном мире архиепископу Джеффри и удовлетворился наивысшей государственной должностью; выполнив хотя бы некоторые из этих условий, укрепив свое положение поддержкой любого из влиятельной знати, пусть и ценой разделения безграничной власти, только тогда канцлер Англии смог бы избежать столь незавидного конца.

Жадно защищая свои позиции, Лоншан нажил немало врагов среди богатых и могущественных представителей общества разных сословий. Только преследование архиепископа Джеффри породило ненависть к нему почти всего клира и большинства баронов; два года деспотичной политики, высокомерие и ненасытность заставили ненавидевших канцлера наконец объединиться и выступить против него.

Сложно определить, сколь важной была роль принца Иоанна в этих событиях. Впрочем, по убеждению епископа Ковентри Гуго, записавшего основные тезисы встречи в Рединге, его использовали скорее в качестве инструмента, в связи с его рангом и высоким положением. Ни один епископ не осмелился бы написать подобное без повода, и лишь архиепископ Джеффри, кто мог себе позволить подобную дерзость, недавно избранный и ожидающий интронизации в Йорке, вероятно, полагал, что его брат принц Иоанн и есть тот человек, который может отомстить его обидчикам. С другой стороны, ни один барон в Англии не имел столь высоких полномочий, чтобы иметь право созвать совет. Многие знатные и влиятельные люди отправились с Ричардом в Крестовый поход; те же, кто остался в Англии, например граф де Варенн и граф Арундел, представители самых древних и знатных родов, примкнули к партии Лоншана по причинам, сейчас неясным. Более же никто не обладал силой, способной повести всех за собой. Согласно традициям, собрать совет могли юстициарии, однако они были так запуганы канцлером, что не решались сделать шаг, пока не получили поддержки определенного числа баронов, готовых поддержать их в выступлении против Лоншана.

Принц Иоанн в то время был еще молодым мужчиной приблизительно двадцати пяти лет. Несмотря на то что он был любимым сыном Генриха II, в государственных делах у него было мало опыта. В 1185 году он был назначен отцом правителем Ирландии, и это стало важнейшим событием его жизни, однако

он по-прежнему не внушал доверия, как мастер государственного или военного дела. Вступив в сговор со своим братом Джеффри II, герцогом Бретани, Иоанн вторгся в Пуату в 1184 году, поддавшись безрассудному порыву отобрать земли у своего брата Ричарда, после чего с позором был изгнан. Иоанн лишь продемонстрировал всей Европе глупость и некомпетентность, и, разумеется, об этом никто не забыл. Если предположить, что он стал марионеткой для оппозиции в борьбе против канцлера, то видится вполне возможной его решимость возложить на себя ответственность за предприятие, благодаря занимаемому положению в обществе. Характер принца был хорошо известен его сторонникам, чтобы найти способ направить его на путь, ведущий к власти; громкий титул summus rector totius regni давал, в сущности, мало прав. В то же время принц получил во владение немало замков и, что наиболее важно, официально был признан наследником престола после своего брата. Несвойственная принцу осмотрительность могла быть проявлена скорее благодаря влиянию епископа Ковентри, его главного советника, а не приобретенной с годами мудрости.

Некоторые пытаются разглядеть в поведении Иоанна в то время некоторую проницательность и остроту мышления, даже коварство и двуличность, которые стали чертами его натуры значительно позже. Создается впечатление, что он почти намеренно добивался свержения Лоншана и проявил терпение и остроту ума в приближении его конца. Если анализировать его будущие поступки, когда он слепо растерял все достигнутые преимущества и решился на предательство, совершенно бесполезное, как показало время, для страны и народа, то можно сделать вывод, что многие приписывали Иоанну достоинства, коими он не обладал.

Когда решения судьями были вынесены, архиепископ Джеффри стал действовать и сыграл более значимую роль, чем его брат. В документах того периода не сохранилось записей о том, где и сколько раз Иоанн произносил речь, было ли это в Рединге или на ассамблее в Лондоне, однако точно известно, что Джеффри дважды выступал в Рединге и один раз в Лондоне, он был самым ярким и красноречивым оратором. Его пылкий рассказ о том, какие страдания ему довелось вынести из-за жестокого канцлера, и стал той искрой, которая разожгла в душах многих ненависть к Лоншану.

Человеком, получившим наибольшую выгоду по результатам ассамблеи, был Готье де Кутанс, архиепископ Руанский, сумевший устранить соперника и занять должность верховного юстициария королевства. На его пути уже не стоял вероломный

канцлер, и, вероятно, Готье надеялся так же легко заполучить место архиепископа Кентербери, что значительно усилило бы его позиции. Можно предположить, что Кутанс действовал активнее остальных, поскольку награда его была высока, и он действительно, пусть и закулисно, натравливал баронов на Лоншана. Архиепископ Руанский получил от короля документ, дававший ему право принимать участие в управлении государством, который канцлер с возмущением отверг, теперь же его задачей было убедить баронов и духовенство признать полномочия его и Уильяма Маршала и поступать согласно указу короля. На обеих ассамблеях, после того как все претензии были высказаны желающими, архиепископ представил имеющиеся на руках документы и поведал о том, какую реакцию они вызвали у Лоншана, и далее заявил, что теперь, когда достоверно известно о мнении короля, каждый из присутствующих должен сам сделать вывод, чью сторону занять.

В этом деле важные роли сыграли и два епископа. Гуго Авалонского, епископа Линкольна, картезианца, высоко ценили в королевстве и уважали, пожалуй, во всех сословиях, за праведность жизни, преданность служению и бесстрашие перед трудностями и недругами. Услышав о злодеяниях Гийома Лоншана в отношении Джеффри, он немедленно отлучил его от церкви, что является хорошим показателем того, что канцлер утратил уважение и поддержку почти всех влиятельных персон среди духовенства. Епископ Гуго принял участие в ассамблее в Рединге не потому, что пожелал вмешаться в политику или принять участие в обсуждении вопросов, его не интересующих. Его подталкивало к действию чувство внутренней ответственности, к которой обязывает его должность, и необходимость сделать все возможное, чтобы кризис в государстве закончился самым благополучным образом для страны.

Какова была его роль в дискуссии на ассамблее, нам неизвестно, однако можно с уверенностью предположить, что лишь его присутствие уже придавало встрече более значимый характер.

Гуго Нонант, епископ Ковентри, действовал иначе, и помыслы его были не столь благородны. Он поспешил с вестью об аресте Джеффри к принцу Иоанну и стал убеждать его действовать незамедлительно. Будучи прекрасным оратором, он вдохновенно перевел присутствующим письма короля на воскресной встрече 5 октября и, несомненно, добавил яркие комментарии. На следующий день он служил мессу, на которой епископы провозгласили отлучения от церкви. Он вторник он

произнес речь в соборе Святого Павла и активно участвовал в обсуждениях. Гуго Нонант был первым советником Иоанна, и, вероятно, именно он был автором всех проектов принца. Стремление действовать появлялось в нем благодаря комбинации двух основных качеств: амбиций и ненависти к Лоншану, которого когда-то считал другом, теперь же заклятым врагом.

После публичного поражения, унижения и отставки Лоншан провел ночь в Тауэре, а на следующий день выехал в Бермондси. В субботу 12 октября Гилберт, епископ Рочестера, и Генри Корнхилл, шериф Кента, сопровождали его в Дувр, в один из трех замков, которые ему позволено было оставить.

В четверг 17 октября, подавленный из-за пережитого позора и нимало не печалясь о том, какой опасности подвергает оставленных в заложниках братьев, Гийом Лоншан нарушает клятву и делает попытку покинуть Англию. Гуго Нонант пишет открытое стихотворное письмо, в котором с ехидным восторгом описывает приключения канцлера. Это письмо, каждое слово в котором сочилось злобой, было радостно принято летописцами, и каждый из них в своих текстах стремился передать его дословно либо своими словами, но довольно близко к оригиналу. Вскоре вся Англии хохотала над незавидным концом ненавистного Лоншана.

Гийом Лоншан, епископ Илийский, легат папы, канцлер и некогда верховный юстициарий королевства, так стремился бежать из Англии, что переоделся женщиной. Он стоял на берегу Дувра, облаченный в зеленое платье, в плаще, с надвинутым на лоб капюшоном, кусок ткани висел у него на руке, будто он торговал ею. Тем временем его слуги метались в поисках корабля, который перевез бы их через Ла-Манш.

Неожиданно на берегу появился замерзший в море рыбак, намеревавшийся отогреться в объятиях канцлера. Нонант смакует непристойные детали, описывая, как рыбак, обняв одной рукой Лоншана за шею, принялся его домогаться. Когда мужчина наконец понял, что перед ним не женщина, подоспели слуги канцлера и увели беднягу.

Затем к канцлеру подошла женщина, которую привлекла ткань, и спросила, сколько та стоит. Лоншан не знал английского, а потому не мог ответить. Женщина позвала подругу, вместе они сорвали с торговки капюшон и открыли гладко выбритое лицо мужчины. Подруги принялись громко звать на помощь, чтобы задержать этого развратника, их быстро окружила толпа. Слуги канцлера были не в силах его вызволить. Толпа провела его по улицам Дувра до самой тюрьмы.

Через неделю по приказу принца Иоанна Лоншана выпустили

на свободу. Во вторник 29 октября канцлер сел на корабль, который должен был доставить его во Фландрию. Управление епархией Или перешло к архиепископу и юстициариям, а доходы потекли в казну.

Архиепископ Джеффри стал своего рода национальным героем. Он с торжественной процессией отправился в Йорк, чтобы наконец вступить в должность. По пути ему предстояло проехать Нортгемптон, где он учился в юности. Народ и клирики вышли приветствовать брата короля. В Йорке его также встречали жители и духовенство, а 1 ноября, в День Всех Святых, прошла «торжественная и величественная» церемония интронирования.

Вступив в должность, Джеффри первым делом решил добиться полного подчинения от епископа Дарэма Гуго де Пюйсе. В то время, когда он еще был против назначения Джеффри, епископ Гуго получил от папы Климента III письменное разрешение не давать обет верности новому архиепископу, поскольку он уже сделал это в момент рукоположения архиепископа Уильяма в 1153 году.

Когда преемник Климента III Целестин III подтвердил избрание Джеффри, он отменил разрешение предшественника, данное Гуго, и велел тому принести клятву верности новому архиепископу. Если бы епископ отказался или стал тянуть время, папа наделил бы Джеффри полномочиями принудить его, применив наказание, предусмотренное церковным правом. Епископ Гуго, в свою очередь, поскольку получил указ от папы, апеллировал к справедливости, заявлял, что и сам он, и епархия его, клирики, все церкви «находятся под защитой папы и римской церкви», как только архиепископ Джеффри был интронизирован, он самовольно объявил о продлении действия полученного ранее документа.

Джеффри нелегко было обмануть тактикой затягивания времени и бесконечных взываний к папе. У него были четкие указания, которым он и намеревался следовать. Джеффри трижды посылал извещение Гуго с повелением явиться и принести клятву. Когда тот наотрез отказался, архиепископ отлучил его от церкви, свидетелями чему стали «пламя свечей и звон колоколов» Йоркского собора. Гуго ответил, что отлучение считается недействительным, поскольку он следовал указам самого папы, а также потому, что совершено отлучение было после того, как он отправил прошение в Рим. Не обращая внимания на действия нового архиепископа, Гуго продолжал служить мессы и отправлять новые послания папе.

В подтверждение серьезности своих намерений Джеффри разгромил алтари, у которых служил Гуго, приказал разбить

потиры, которыми пользовался он и другие священники в его присутствии. Принц Иоанн, не любивший занимать свои мысли подобными неприятными вещами, провел Рождество вместе со своими родственниками в поместье Гуго в Хоудене. После этого Джеффри заявил, что те, кто пил и ел за столом отлученного от церкви, разделяют с ним наказание.

Пока архиепископ Йоркский решал свои насущные проблемы, архиепископ Руанский, ставший верховным юстициарием, занялся вопросом избрания архиепископа Кентерберийского. Стоит напомнить, что король, хоть и поручил заниматься этим Готье, приказал остановить выбор на кандидатуре Вильгельма Монрельского, которого решительно отверг Гийом Лоншан. В октябре, в день отстранения от должности канцлера архиепископ Вильгельм, с согласия принца Иоанна и юстициариев, отправил послание Джеффри, приору святой церкви Кентербери, с приказом явиться в Лондон 22 октября с двенадцатью «самыми благоразумными монахами» и доверенной бумагой от монастыря, дающей право избрания архиепископа.

В означенный день приор Джеффри с монахами предстал перед юстициариями и духовенством. Когда архиепископ Готье спросил его, готов ли он избрать того, кого пожелал видеть на этом посту король, тот ответил, что избрание неизвестного чужеземца на пост примаса Англии означает посрамление перед Богом, святой церковью, королем и его государством. Несомненно, такой ответ порадовал присутствующих, и особенно Готье де Кутанса, видевшего себя после бедной и незначимой епархии на самой влиятельной церковной должности в королевстве. Монахи вернулись обратно в монастырь «ждать милости и помощи Всевышнего».

Позже они испытали на себе немалое давление других общин. Архидьякон Нортгемптона Саварик был в родстве с императором Генрихом VI и Реджинальдом, епископом Батским. Он встречался с Ричардом на Сицилии по некоему неотложному делу и воспользовался моментом, чтобы получить от короля грамоту с «согласием и более чем решительным» наградить его местом епископа, как только появится подходящее. Этот документ Саварик переслал своему кровному родственнику епископу Реджинальду, а сам отправился в Рим, чтобы снискать расположение тех членов курии, которые могли быть ему полезны.

Узнав о вакантной должности в Кентербери, Саварик задумал добиться повышения для Реджинальда и для себя. Разумеется, он едва ли был бы избран архиепископом Кентербери, поэтому на это место он прочил своего кузена епископа Реджинальда. С его

назначением освободилось бы место епископа в Бате, которое он и надеялся занять с помощью кузена, грамоты короля и своих сторонников, на которых рассчитывал.

Старания Саварика не были напрасными, император Генрих и король Франции написали капитулу Кентербери рекомендательные письма, полученные в преддверии выборов. Генрих VI призывал их «следовать советам его дорогого родственника архидьякона Саварика, как человека всей душой преданного Богу и церкви». Филипп II советовал прислушаться к мнению его близкого друга Саварика и избрать архиепископом Реджинальда, человека большой мудрости, которого отец короля, Людовик VII любил и уважал.

9 ноября верховный юстициарий отправил монахам письмо, в котором сообщал, что он, все юстициарии и принц Иоанн прибудут в Кентербери в понедельник 3 декабря для организации выборов. В то же самое время епископ Лондонский Ричард и глава провинции известили о том же южные регионы. В четверг 27 ноября, незадолго до начала выборов принц Иоанн, архиепископ Готье, а также епископы Бата, Рочестера, Херефорда и собора Святого Дэвида прибыли в Кентербери. Монахи, считавшие своим единоличным правом избрание архиепископа, отнеслись к прибывшей группе с подозрением, поскольку боялись, что епископы будут оказывать на них давление или вовсе отстранят от выборов.

Пока епископы спорили о том, чье положение выше и чей голос будет значить больше при голосовании; поскольку с ними не было Ричарда Лондонского и Годфри Винчестерского, которых задержали в Лондоне дела, приор Джеффри и его монахи, опережая события, во всеуслышание объявили о сделанном ими выборе в пользу Реджинальда. Они схватили его и с «возгласами, криками и победным кличем» потащили в собор, где усадили на трон святого Августина. Монахи пропели благодарственную молитву и незамедлительно принесли присягу верности новому архиепископу. Готье де Кутанс, бледный, с дрожащими губами смотрел, как рушатся его мечты, а затем прошел следом за процессией в собор, где произнес речь, полную протеста, и высказал обещание сообщить о содеянном в Рим. Остальные епископы бурно его поддержали.

Епископ Реджинальд раньше поддерживал монахов в их разногласиях с архиепископом Болдуином. Их предпочтение отдать голос кому-то из общины вызвало протест остальных епископов. Это положение должен был занимать монах, в противном случае кандидатура могла вызвать много возражений. Причиной недовольства архиепископа Готье были несбывшиеся

надежды, епископы же были оскорблены тем, что их мнением монахи даже не поинтересовались.

Решив не останавливаться на одной апелляции в Рим, Готье вызвал Реджинальда и приора Джеффри в Лондон. 2 декабря в присутствии большинства влиятельных людей королевства он устроил им серьезный допрос. Оба, надо сказать, вели себя стойко; Реджинальд заявил, что принял результаты выборов, а Джеффри оправдался тем, что таков был выбор монахов. Они оба также послали письма в Рим, однако несколько иного содержания. Джеффри и монахи просили папу одобрить избрание архиепископа и незамедлительно прислать ему паллий. Архиепископ Готье не спешил передавать ему право владения церковными землями и доходами, однако Реджинальд самовольно взял на себя обязанности, которые был должен выполнять, как духовное лицо в сане архиепископа Кентерберийского.

Впрочем, это не продлилось долго. Через некоторое время он отправился в Бат завершить необходимые дела, а также рекомендовать своего родственника Саварика на должность приора монастыря. Как подтверждение правомерности назначения, он предоставил грамоту короля с рекомендациями наградить Саварика. Таким образом, тот был избран епископом Батским. На обратном пути в Кентербери архиепископ Реджинальд остановился в своем поместье Догмерсфилд в Северо-Восточном Гемпшире, где вечером перед Рождеством почувствовал недомогание. На следующий день после утренней мессы и причастия ему стало совсем плохо, и всем стало ясно, что конец близок. На смертном одре он продиктовал следующее послание:

«Я, Реджинальд, Божьей милостью епископ Батский и недостойно избранный на высочайшую должность архиепископа церкви графства Кентербери, приветствую приора Джеффри и общину монастыря, посылаю любовь и благословение Господа.

Видимо, Богу не угодно, чтобы я становился вашим архиепископом, но надеюсь, он примет мое решение стать братом вашим. Я готов принять постриг, так скоро, как только возможно. Спеши прибыть в Догмерсфилд, любезный приор, и привези с собой, кого пожелаешь по своему выбору. Прощай и молись за меня постоянно, не переставая».

Приор Джеффри не успел добраться до своего архиепископа, Реджинальд умер 27 декабря. Перед самой кончиной епископ Батский, сопровождавший кузена, провел обряд пострижения, и архиепископ скончался монахом Кентерберийского монастыря.

IV
1192 год

Год 1192-й начался серией громких отлучений от церкви. Гийом Лоншан, разумеется, отправил жалобу папе на незаслуженно унизительное обращение. 2 декабря Целестин III написал открытое письмо епископам Англии, в котором выразил возмущение преступлениями, совершенными принцем Иоанном «и известными сподвижниками» в отношении канцлера, которые подробно были описаны в получаемых им множествах донесений. Лоншана, епископа Илийского, он называл «легат папского престола», словно право на полномочия не были отозваны. «Если принц Иоанн или иные посмеют поднять руку на епископа, угрожать ему или ограничивать свободы, равно как и силой добиваться от него клятвы или обета, держать в неволе, а также пытаться нарушить покой в государстве, а не сохранить его таким, как было перед отъездом короля, папа данной ему властью приказывает всем епископам собраться в храме Господнем, где горит пламя свечей и бьют колокола, и публично отлучить от церкви и принца Иоанна, и всех его соратников, сподвижников и товарищей».

Письмо было отправлено Лоншану для передачи в Англию. Воодушевленный канцлер вновь ощутил силу и увидел себя «Божьей милостью епископом Илийским, и легатом папы, и канцлером короля». Он незамедлительно написал «своему преподобному брату и дорогому другу» епископу Гуго Линкольнскому и приказал созвать всех епископов и передать им приказ папы. Он также велел, чтобы отлучение от церкви принца отложили до мясопустного воскресенья 16 февраля, чтобы дать ему возможность осознать грехи и покаяться. Лоншан также приложил список, составленный папой и дополненный им самим по праву легата, в котором были фамилии тех, кого стоило наказать вместе с Иоанном. Там было имя архиепископа Готье де Кутанса, епископа Винчестера и Ковентри, Жерара де Камвилла, Джона Маршала, Стефана Риделя, канцлера принца, а также имена четырех юстициариев.

Отдельно упоминался епископ Ковентри, опозоривший свой сан словом и делом, давший слово архиепископу Болдуину отказаться от должности шерифа, но не поступивший так, ему вменялась в вину намеренная организация беспорядков в королевстве с целью дестабилизации положения и преступления против короны. С ним строго-настрого запрещалось кому-либо

общаться, дабы одна заблудшая овца не испортила все стадо.

Надо заметить, что ни преподобный епископ Гуго, ни остальные епископы не обратили внимания на эти указы и угрозу отлучения, они лишь посмеялись над папой и его легатом.

Гуго де Пюйсе, епископ Дарэма, вел привычный образ жизни, словно и не заметил, что архиепископ отлучил его от церкви, и не сделал попытки покаяться. В день Сретенья, 2 февраля архиепископ Джеффри провозгласил на службе в Йоркском соборе, чтобы услышали и клирики, и прихожане, что не только епископ Гуго отлучен от церкви по причине нежелания признать нового примаса и повиноваться, но та же участь ждет и всех из числа мирян и клириков, кто сядет с ним за один стол, будет есть и пить с ним, давать или получать от него, находиться под одной крышей или иметь любые другие сношения. Несмотря на подобные заявления, епископ Гуго держался стойко и храбро, и даже подал апелляцию папе.

В то время как духовенство развлекало само себя, во Франции происходили важные события. В начале августа прошедшего года король Филипп II оставил войско крестоносцев и отправился домой. Во Францию он прибыл в декабре и сразу начал плести заговор против недавнего союзника Ричарда со всей ненавистью, на которую способен трус, вставший против храброго воина, посмевшего с презрением указать на его трусость. Филипп поклялся Ричарду перед отъездом со Святой земли, что не посягнет на его владения, ведь, пока король в Крестовом походе, его государство находится под охраной Святого престола. Однако, едва вернувшись, он стал строить планы вторжения в Нормандию. От открытого и решительного нападения его удерживали лишь протесты знати, не желавшей запятнать свою честь нарушением данного слова.

Тогда Филипп обратил свое внимание на принца Иоанна, поскольку его неверность королю была всем известна. Он послал Иоанну приглашение посетить его, а в качестве приманки использовал предложение руки своей сестры Адель (Алис Вексенской) и обещал отдать Иоанну все земли Ричарда по ту сторону Ла-Манша. Перспектива стать мужем Адель совсем не привлекала принца, потому что он уже был женат, да и с Адель почти двадцать лет был помолвлен Ричард, наконец все же отказавшийся от невесты; помимо прочего, Адель была любовницей короля Генриха и родила ему сына. Заполучить земли брата, которые к тому же предлагал ему сюзерен, для Иоанна было соблазнительно. Поддавшись искушению, он даже не думал о преданности Ричарду и о том, что Филипп может не сдержать слово.

Новости о ведущихся переговорах и том, что король Франции укрепляет замки вдоль границы с Нормандией, достигли королевы Алиеноры, и она спешно покинула Нормандию и 11 февраля сошла на берег в Портсмуте. Как выяснилось, ее младший сын готовился взойти на корабль в Саутгемптоне, и королева предприняла все усилия, чтобы отговорить его от задуманного. Алиенора организовала четыре заседания совета в Виндзоре, Оксфорде, Лондоне и Винчестере, и с помощью знати и влиятельных баронов ей удалось добиться от сына обещания не покидать Англию, правда лишь под угрозой быть лишенным земель и замков в случае, если он посмеет отправиться на континент. Иоанн утешился тем, что заставил кастеляна Виндзора и Воллингфорда передать ему несколько замков.

Убедившись, что Иоанн отказался от измены короне, Алиенора обратила свое внимание на склоки духовенства. Воспользовавшись случаем, она посетила несколько своих имений в Или, где и узнала от местных жителей о тех страданиях, что им пришлось вынести из-за ссоры их епископа Гийома Лоншана и нового верховного юстициария. Готье де Кутанс конфисковал все доходы, которые приносила епархия, Лоншан в отместку запретил исполнение церковных действий и треб. Не служились мессы, трупы умерших лежали на земле незахороненные, несчастные жители графства страдали, хотя не были повинны в разногласиях между епископом и верховным юстициарием.

Будучи человеком «в высшей степени сострадательным», королева, забыв о личных делах, поспешила в Лондон и отдала приказ Кутансу вернуть доходы епископу Илийскому, находившемуся в тот момент в Нормандии, и снять отлучение от церкви, провозглашенное в Руане. Гийома Лоншана смогли заставить отозвать отлучение от церкви архиепископа Готье и отменить запрет на служение в Или.

Затем Алиенора вызвала в Лондон архиепископа Джеффри и епископа Гуго Дарэмского с целью примирить их. Когда они предстали перед своей королевой, в присутствии главного юстициария и почти всех епископов после середины поста 15 марта, епископ Гуго сделал неожиданное и щедрое предложение принять решения ассамблеи. Архиепископ Джеффри проявил свойственное ему упрямство и заявил, что готов забыть о разногласиях, но лишь после того, как епископ Гуго явится в Йорк, раскается в своих грехах и принесет присягу на верность архиепископу.

Гуго не пожелал принять подобные условия и потребовал, в свою очередь, чтобы архиепископ публично снял с него отлучение от церкви и признал его ошибкой. Джеффри, разумеется,

отказался, и ненависть друг к другу вспыхнула с новой силой.

В то время к архиепископу Джеффри относились как к герою, однако охватившее его высокомерие заставило многих от него отвернуться. Он позволил себе дерзкие высказывания в адрес королевы и совета, он также повелел нести перед ним распятие, когда он шел из церкви Темпл – своей резиденции на время пребывания в Лондоне – в Вестминстер. Епископ Ричард Лондонский и другие епископы южных провинций с возмущением заявили, что он не имеет права повелевать нести перед ним крест в Кентербери.

Более того, епископ Ричард обещал оставить от креста архиепископа одни кусочки, если Джеффри не перестанет вести себя неподобающим образом; они давно бы так сделали, не будь он сыном короля Генриха, братом короля Ричарда и вновь избранным архиепископом Йорка. Епископ Ричард также повелел исключить Темпл из перечня мест проведения праздничных и торжественных церемоний, а также запретил звонить в колокола в те дни, когда в церкви находится архиепископ Йоркский. Все это было совсем не похоже на его триумфальное появление в Йорке после событий прошлой осени. Архиепископу также напомнили, что и после отъезда из Лондона он тоже не должен повелевать нести перед собой распятие.

Получение принцем Иоанном замков Виндзора и Воллингфорда не могло остаться незамеченным. На собрании совета в Лондоне в марте, вероятно, в тот же день, когда встречались архиепископ Джеффри и епископ Гуго, обсуждались и меры сдерживания принца. Во время заседания прибыли гонцы от Гийома Лоншана, высадившегося на тот момент в Дувре и прибывшего в замок к Мэтью де Клэру и своей сестре.

Посланники приветствовали королеву и всех государственных мужей от имени Лоншана и сообщили, что канцлер восстановлен в правах папского легата и ожидает возвращения ему должности и всех владений, которых был лишен. Говоря проще, Лоншан прибыл, чтобы восстановить утраченную власть.

Несмотря на осуждение юстициариями поведения принца Иоанна, было немедленно постановлено, что он действовал законно, как «суверенный правитель королевства». Об этом поспешили уведомить Иоанна, послав к нему гонцов в Воллингфорд, и он «лишь посмеялся над бесполезностью заседания Совета». Все претензии к Иоанну были забыты; знать и духовенство восхваляли его, поскольку он был их единственной силой против канцлера.

Когда они попросили его совета, Иоанн ответил: «Этот

канцлер ничего не боится и не ищет дружбы ни одного из вас, ему не хватает лишь моего расположения. Пусть принесет мне 700 фунтов в течение недели, и я не буду вмешиваться в ваши с ним распри. Вам известно, что деньги мне нужны; умный все поймет с полуслова».

Ричард из Девайса представляет все происходящее скорее как шутку. Перспектива создания альянса между принцем Иоанном, учитывая привилегированность его положения и контроль надо большей частью страны, и Лоншаном, не утратившим еще милости короля и папы, представляла серьезную угрозу существующему правлению.

Канцлер согласился на вымогательство принца и отправил ему 500 фунтов за сохранение нейтралитета. Королева, юстициарии и епископы отправили Лоншану послания с предостережениями и советом не совершать опрометчивый шаг и немедленно покинуть Англию, если ему дорога собственная жизнь. Без поддержки принца канцлеру не на что было надеяться, потому 3 апреля он отплыл от берегов Англии.

Гуго де Пюйсе, епископ Дарэмский, был вновь призван оказать услугу государству и сыграть роль миротворца в Нормандии. Прошедшей зимой два кардинала, посланники папы, сделали попытку проникнуть в Нормандию, чтобы урегулировать конфликт между архиепископом Руанским и Гийомом Лоншаном, однако констебль Жизора и сенешаль Нормандии Гийом Фицральф запретили им приближаться к герцогству. Они громко заявили, что ни один легат папы не имеет права пересекать границу Нормандии без позволения на то короля Ричарда. Простые люди поддержали сенешаля и с палками вышли на улицы, готовые прогнать кардиналов. Тем пришлось попрощаться с идеей попасть в Нормандию, однако они отлучили сенешаля и кастеляна от церкви и пригрозили интердиктом всему герцогству. Позже кардиналы нашли убежище в Париже у короля Филиппа.

Королева Алиенора и юстициарии бросились за помощью к Гуго, считавшемуся опытным дипломатом, и просили его уговорить легатов отменить решение об отлучении. Гуго ответил, что не покинет Англию, пока не будут урегулированы проблемы его друзей в Йорке. Генри Маршал, декан собора в Йорке, казначей Бушар де Пюйсе, каноники капитула Йорка Гуго Мёрдок и Адам Торновер, Питер Рос, архидьякон Карлайл были отлучены архиепископом Йоркским от церкви, он также лишил их дохода с должностей. Гуго требовал, чтобы его друзьям вернули деньги, только тогда он готов выехать в Нормандию. Юстициарии отправили Джеффри приказ, повелевая именем короля незамедлительно все исполнить. Также они велели Уильяму де

Стутевиллу, одному из юстициариев, имевшему значительные владения в Йоркшире, проследить за выполнением Джеффри их приказа, а в случае неповиновения лишить его дохода с церковных владений.

Архиепископ Джеффри заявил, что не отдаст свои деньги людям, отлученным от церкви, пока те босыми не придут в храм для покаяния, и обещал, что определять, как с ними поступить, будут каноники капитула Йорка. Решению подчинились все, кроме Генри Маршала, и архиепископ даровал им прощение, благословил и принял заблудших овец в лоно церкви. Генри Маршал был непреклонен. «Он с вызовом выступил против архиепископа», который в ответ «бросал ему в лицо проклятие за проклятием», а затем приказал не служить в храме Йорка, не зажигать свечи и не бить в колокола, пока Генри не покинет город.

Удовлетворенный тем, что требования его исполнены, епископ Гуго отправился в Париж на встречу с легатами. Однако кардиналы отказались снять наложенный запрет на проведение церковных процедур до тех пор, пока сенешаль не позволит им въехать в Нормандию, а тот, в свою очередь, отказался дать разрешение, пока не получит приказ от короля Ричарда. К счастью, вмешался папа Целестин и снял наложенный кардиналами интердикт и повелел легатам держаться подальше от Нормандии.

Эмиссары архиепископа Джеффри и епископа Гуго тем временем добрались до Рима. К сожалению, Джеффри, стесненный на тот момент в средствах, не передал с ними достойные папы дары. А потому весной 1192 года Целестин III отправил послания епископу Гуго Линкольнскому, епископу Гилберту Рочестерскому и аббату Бенедикту из Питерборо, в котором повелел отлучение от церкви, наложенное Джеффри на Гуго де Пюйсе, считать недействительным. Он также дал распоряжение выяснить, правда ли то, что архиепископ дал приказ сломать алтари и разбить чащи для причастия, которые использовались Гуго и другими духовными лицами во время мессы. Если факт будет установлен, Целестин III давал позволение Гуго де Пюйсе не приносить присягу верности архиепископу Йоркскому.

Об этом узнали и в Нортгемптоне, однако по совету епископа Гуго Линкольнского было решено держать все в тайне до 1 сентября, а потом и до 14 октября. К этому времени многие уже устали от пустых споров, а епископ Гуго Линкольнский смог повлиять на обе стороны конфликта. Как пишет Джервейс Кентерберийский, «повеление повторно дать клятву верности

архиепископу» Гуго де Пюйсе было отозвано, что, вероятно, означает, что Гуго Линкольнскому удалось найти выход из затруднительного положения, чтобы не ранить обостренное самолюбие участников конфликта.

В то время как положение короля осложнялось, эти ссоры казались бессмысленными более, чем прежние. 2 сентября противостояние Ричарда и Салах ад-Дина было приостановлено, и 8 октября король покинул Акру. Перед Рождеством в Англию стали возвращаться участники Крестового похода, надеявшиеся, что их встретит их храбрый король. Когда их спросили о Ричарде, воины ответили: «Нам ничего не известно, но мы видели, как он взошел на корабль в Бриндизи, в Апулии».

V
1193 год

Пока по Англии ходили слухи о том, что происходит с Ричардом, император Генрих VI, человек холодный и беспринципный, написал королю Франции Филиппу и сообщил ему не без доли злорадства, что Ричард был схвачен при попытке пересечь границу Австрии. Герцог Австрии Леопольд V, враг Ричарда со времен осады Акры, отправил его в тюрьму недалеко от Вены.

Император даже не пытался скрыть свою радость; король Англии был трофеем высочайшей ценности. Он был шурином герцога Саксонии Генриха Льва, занимавшего место лидера валлийцев, с которыми император яростно сражался; он был также врагом Танкреда, короля Сицилии, и Генрих VI давно пытался захватить его трон; кроме того, Ричарда ненавидел король Филипп, которого император тоже желал подчинить себе. Генрих полагал, что с помощью Ричарда сможет кратчайшим путем достигнуть всех целей, и собирался использовать ситуацию с наибольшей для себя выгодой. Тот факт, что Ричард, находясь в Крестовом походе, был под защитой святой церкви, ровным счетом ничего не значил для Генриха; в прошлом он уже не раз бросал вызов папе и смеялся, узнав о своем отлучении от церкви.

Филипп незамедлительно сообщил хорошие новости принцу Иоанну. В январе Иоанн прибыл в Нормандию, где его встретил Гийом Фицральф, сенешаль герцогства, а также многие бароны, знавшие о пленении короля Ричарда. Они просили его отправиться с ними в Алансон, где на совете предполагалось обсудить положение короля.

Иоанн ответил: «Если вы признаете меня своим лордом и поклянетесь в верности, я буду защищать вас от Франции. Если нет, то я с вами не поеду». Принц не смог договориться с баронами и сенешалем Нормандии и отправился во Францию для переговоров с Филиппом. Он принял все, что предлагал ему король Франции, и стал его преданным союзником, как было сообщено в Англию. В случае восхождения на трон Иоанн обещал передать Филиппу Нормандию и все земли Ричарда, как на континенте, так и в Англии; он готов был жениться на отвергнутой братом Адель, отдать Франции Жизор и Вексен, полученный Генрихом II в качестве приданого Адель. Филипп, в свою очередь, обещал помочь Иоанну отобрать у Ричарда его земли.

Тем временем верховный юстициарий получил копию письма императора Генриха королю Филиппу и отправил Саварика, отбывшего в Рим для рукоположения в епископы Бата 19 сентября 1192 года, ко двору своего родственника императора, похлопотать об освобождении Ричарда. Готье де Кутанс назначил собрание Королевского совета в Оксфорде, в воскресенье 28 февраля.

На собрании было принято решение отправить аббатов Боксли и Робертбриджа в Германию для выяснения местонахождения короля и выяснить, готов ли император отпустить его и на каких условиях. На тот момент было известно только, что Ричард был арестован где-то около Вены. В связи с нарастающей активностью Иоанна, пребывающего по ту сторону Ла-Манша, было приказано всем подданным принести оммаж королю незамедлительно. Также принято решение о повышении защиты королевства.

Тем временем Иоанн в Виссане занимался созданием флота, с целью мощной силой обрушиться на Англию. Некоторые его гонцы были схвачены в Англии, таким образом королеве Алиеноре и юстициариям стало известно о его планах. На юго-востоке страны был объявлен набор на военную службу. «По приказу управлявшей в то время государством королевы Алиеноры в шестую и седьмую неделю Великого поста, на Пасху и далее люди знатные и простые, рыцари и крестьяне с оружием в руках охраняли побережье со стороны Фландрии».

Не дожидаясь создания флота, принц Иоанн тайно прибыл в Англию, чтобы собрать войско из валлийцев и шотландцев. В Уэльсе ему удалось найти немало желающих, однако король Шотландии отказался принимать участие в его предприятии. Дало плоды мудрое и дальновидное поведение Ричарда в отношении короля Вильгельма в 1189 году, когда тот принес оммаж Ричарду и поклялся никогда не нападать на его королевство.

Иоанн собрал войско в Воллингфорде и Виндзоре, которые ему удалось взять осадой в предыдущем году, а затем, раскрыв инкогнито, отправился в Лондон на переговоры с юстициариями. Иоанн утверждал, что Ричард уже мертв, и требовал, чтобы управление королевством было передано ему, а все подданные поклялись ему в верности. Получив отказ, принц вернулся в замок Виндзор и стал готовиться к военным действиям. Валлийцы из его войска разорили территории от Кингстона до Виндзора и до отказа забили провизией кладовые двух замков.

Королева и юстициарии вели подготовку, чтобы остановить Иоанна. Значительную роль в обороне Англии сыграла

выставленная вдоль побережья охрана. Высадившись, часть войска Иоанна бежала, получив неожиданный отпор, остальные были схвачены и закованы в кандалы.

Большой радостью для королевы и юстициариев стало возвращение вскоре после Пасхи двух аббатов. Они сообщили, что король Ричард находится в добром здравии, однако отпустить его император готов на определенных условиях. Им был объявлен выкуп в сотню тысяч марок, кроме того, поскольку Ричард не мог нарушить заключенный с Танкредом договор и присоединиться к его войску, готовившемуся к завоеваниям на Сицилии, он обязан предоставить Генриху пятьдесят галер и две сотни рыцарей на два года.

Узнав об измене Иоанна, Ричард произнес: «Мой брат Иоанн не из воинов, готовых взять любую крепость. Он отступит, встретив малейшее сопротивление». Он послал за кораблями и Аланом Тренчмиром, капитаном королевской галеры, и Робертом Торнхэмом, одним из ближайших соратников Ричарда в Третьем крестовом походе, которые прибыли в Лондон с некоторыми личными вещами короля.

Стало ясно, что Ричард точно жив и скоро вернется, это еще больше укрепило юстициариев в нежелании заключать соглашение с принцем Иоанном. Осада замка Виндзор началась, вероятно, 29 марта в Пасхальный понедельник. В казначейских свитках за этот год сохранились данные о том, что державшее осаду войско насчитывало 500 пехотинцев – рекрутов из Уэльса, 66 сержантов, у каждого имелась кольчуга и по две лошади, а также 67 пращников и резервное войско из 500 пехотинцев под командованием Уильяма Маршала.

Аббат Самсон из монастыря Бери-Сент-Эдмундс появился на поле перед замком, ведя за собой под штандартами отряд вооруженных до зубов рыцарей, хотя его биограф писал, что аббат «блистал чаще красноречием, нежели отвагой». В казначейских свитках отмечено, что в Виндзор были доставлены «веревки, кожа и железные детали для двух катапульт». Помимо этого еще «камни, стрелы и канаты для осадных орудий, щиты, сера и смола для вышеупомянутого войска». Из Кента отправились три корабля, груженные камнями для катапульт. Особенно интересно упоминание в списке серы и смолы. Если их предполагалось использовать для создания греческого огня, а скорее всего, так и было, это весьма любопытный факт, говорящий о проникновении и в Англию горючей смеси, рецепт которой, вероятно, был привезен кем-то из крестоносцев.

Активные действия предпринимались юстициариями и баронами не только на юге, но и на севере. Архиепископ

Джеффри, Гуго Бардолф, шериф Йоркшира, и Уильям де Стутевилл собрали целую армию для защиты Донкастера, стоящего на пути к замку Иоанна в Тикхилле в десяти милях южнее. По данным казначейских свитков, 26 рыцарей, 15 сержантов, каждый с парой лошадей, и 140 пехотинцев стояли там 40 дней, а инженеры за это время обнесли город земляной насыпью и частоколом.

Архиепископ Джеффри, вспомнив о боевых подвигах в юности, решил пойти дальше и осадить Тикхилл. Как известно, Гуго Бардолф и Уильям де Стутевилл были людьми принца Иоанна и не могли согласиться выступить против него. Джеффри отступил, назвав их «предателями короля и королевства». Епископ Дарэма был человеком более смелым, поэтому без колебаний атаковал Тикхилл.

Прошли недели, и связь с королем Ричардом, находящимся в Германии, была установлена, однако радость от этого вскоре была омрачена негодованием. От короля не поступало никаких распоряжений относительно выкупа; не оговаривалась и дата возвращения; с императором не было подписано официальное соглашение, а ведь Генрих VI, как известно, был тесно связан с Филиппом, заклятым врагом Ричарда. Разумеется, король Франции был готов на все ради предотвращения освобождения Ричарда, в любой момент он мог направить армию в Нормандию и захватить все земли Ричарда на континенте. Становилось понятно, что Генрих искусно использует Ричарда против Филиппа, пытается заставить их сражаться, одного за собственную свободу, второго за стремление помешать Ричарду вернуться в свои владения, выиграть время и одержать победу. Юстициарии знали о притязаниях короля Франции, однако, несмотря на принятые ими меры, Филипп вторгся в Нормандию, захватил Жизор, Нофль и пошел на Руан.

Иоанн сделал единственный из возможных выгодных ему ходов, заявив, что брат никогда не вернется. Аргументы его звучали вполне убедительно, и многие верили принцу. Юстициарии осознали, что принц Иоанн все еще является первым претендентом на трон, и человек, находящийся в осажденном ими замке, однажды может стать их королем.

Джервейс Кентерберийский, не питавший любви к Готье де Кутансу, обвиняет его в том, что принимаемые действия во время осады Виндзора были половинчатыми, так как в замке с принцем находились некоторые его сторонники. Возможно, этот факт повлиял на нежелание юстициариев идти до конца в стремлении наказать Иоанна, и они постепенно стали склоняться к мысли начать переговоры.

Ситуация несколько прояснилась с прибытием Губерта Уолтера, епископа Солсбери, непосредственно из Германии от короля. Епископ был приближенным архиепископа Болдуина в походе на Святую землю, находился рядом в момент его кончины, а затем стал преемником и первым церковным лицом войска крестоносцев. Губерт заслужил уважение и был почитаем особенно за то стремление, с которым пытался облегчить муки солдат во время битвы при Акре. Он играл ведущую роль в переговорах с Салах ад-Дином, благодаря ему армия получила передышку в сентябре 1192 года. По пути домой, на Сицилии епископ узнал о пленении короля и поспешил к Ричарду.

Король сделал Уолтера своим посланником и отправил в Англию, куда тот и прибыл 20 апреля, доставив новости, к сожалению далеко не обнадеживающие. Ричард так и не встретился с императором; его держали в замке Трифельс, в Баварии; он надеялся выкупить свою свободу, но сумма в 100 000 марок была предварительной, к тому же он сомневался, что Генрих его освободит. Губерт был уверен лишь в одном: если король и сможет откупиться от императора, то сумма будет огромной. В сложившейся ситуации было необходимо, чтобы в Англии установился мир и покой и были предприняты максимальные усилия для сбора всех средств, которые только возможно найти.

Вероятно, по совету епископа Уолтера юстициарии, еще недавно намеревавшиеся взять Виндзор, приняли решение о заключении перемирия с Иоанном, по крайней мере до Дня Всех Святых 1 ноября. Иоанн, понимавший, что ему в любом случае не удастся сохранить замок, согласился отдать Виндзор, а с ним и замки в Воллинфорде и Пике матери с условием, что они будут возвращены ему, если брат не будет освобожден. К безграничному разочарованию епископа Гуго де Пюйсе, готового захватить замок в Тикхилле и доставить себе величайшую радость, принц получил его обратно, как и замок в Ноттингеме.

Настал день, когда пришла новость от короля, которую все с нетерпением ждали. 19 апреля он написал послание, в котором сообщал «драгоценной матушке Алиеноре, королеве Англии, своим юстициариям и всем преданным подданным», что после отъезда епископа Уолтера прибыл «Наш дорогой канцлер Гийом, епископ Или», которому удалось договориться о встрече Ричарда и Генриха VI в Агно, где было достигнуто соглашение о «взаимной и нерушимой любви». Основным можно считать положение, в котором говорилось, что Ричард останется в плену, пока не будет выплачена основная часть выкупа – 70 000 марок. Далее следовали увещевания собрать как можно больше денег и

инструкции, как их необходимо передать.

Король призывал юстициариев стать примером для остальных представителей нации и проявить щедрость и великодушие ради своего короля. Им предписывалось изъять все запасы золота и серебра у церкви с условием, что они будут возвращены после его освобождения. Заложников, гарантировавших, что будет выплачена и оставшаяся часть суммы, предстояло выбрать королеве Алиеноре из числа лучших баронов и срочно отправить в Германию, в чем должен был оказать помощь канцлер Лоншан, предполагавший выехать в Англию сразу после окончания переговоров. Собранные для выкупа средства должны быть переданы королеве и тем людям, которых она выберет лично. Также король требовал выслать ему список людей, которые внесут деньги, с указанием как имен, так и сумм, дабы возможно было «оценить Наш размер признательности».

Королева и юстициарии принялись разрабатывать меры для сбора выкупа. Казалось, все запасы Англии были изъяты королем перед отъездом в Крестовый поход, а затем Лоншаном с целью собрать денег для короля, который нес большую часть расходов и платил зарплату почти всему войску. Теперь же предстояло собрать сумму, находящуюся за пределами возможностей. Было принято решение, что миряне и клирики, освобожденные до того времени от всех требований, если не брать в расчет «Саладинову десятину» 1188 года, должны заплатить четверть своего годового дохода, а каждый рыцарь 20 шиллингов. Церковь была лишена иммунитета и обязана отдать все запасы золота и серебра, как повелел король Ричард, а цистерцианские аббаты и люди Гилберта Сэмпрингема, которым по правилам ордена не полагалось иметь золото и серебро, должны были отдать всю шерсть, произведенную за год.

Сбор средств для выкупа начался незамедлительно, и к Михайлову дню из всех частей страны в Лондон были доставлены нужные суммы. Сундуки хранились в соборе Святого Павла, ответственность за их охрану была возложена на Губерта Уолтера, епископа Лондонского Ричарда, Гийома, графа Арундела, графа Гамелина де Варенна, дядю короля и лорд-мэра Лондона Генри Фицайлвина, кроме того, на всех была личная печать королевы Алиеноры и архиепископа Руанского.

Тем временем король отправил послания своей матери, епископам южных провинций и монахам Кентербери, в которых сообщил, что архиепископом Кентербери будет избран Губерт Уолтер. Епископ Лондонский, как глава провинции, повелел монахам и епископам явиться в Лондон в воскресенье, 30 мая для проведения выборов. Монахи, ревностно относящиеся к попранию

своего права, избрали Губерта в субботу и отправили приора Джеффри в Лондон сообщить об их решении.

Епископы, с не меньшим усердием оберегавшие свои привилегии, не посчитали выборы, проведенные монахами, действительными и отправились на процедуру в Лондон, как и приказал архиепископ. Королева проявила уважение к решению короля, и даже главный юстициарий, Готье де Кутанс, метивший на эту должность, смирился и признал назначение архиепископом Кентербери Губрета Уолтера.

Ричард, хорошо узнавший Уолтера в Крестовом походе, испытывал к нему почтение за усердие, преданность и обеспокоенность положением простых солдат, уважал его дипломатические способности, проявившиеся во время переговоров с сарацинами, превыше всего, его административный гений. Немало епископов Англии обладали большими знаниями, чем он, иные, как, например, епископ Гуго Линкольнский, производили впечатление человека более благочестивого, но никто лучше не разбирался в общем праве, не обладал притягательностью, умением организовать людей и вести за собой, что чрезвычайно важно для государственного мужа. Губерт не был человеком, воспитанным в обители, получившим воспитание в мире, далеком от истинных реалий жизни, он обладал практическими знаниями и опытом, накопленным среди простых людей, что и сделало его столь любимым крестоносцами, он с легкостью справлялся с насущными проблемами и решал вопросы со знанием дела.

Впрочем, в определенном смысле воспитание и образование оказали на него воздействие, но он не был теологом, досужие мысли и теории ничего для него не значили. Также не старался Губерт казаться благочестивым до святости. Современники считали его алчным гордецом, жаждавшим власти, беспринципным и хвастливым.

Вскоре после избрания Губерта архиепископом в Англию вернулся Гийом Лоншан с золотым тельцом от императора Генриха VI, объявившего себя союзником короля Ричарда и призывавшего народ Англии показать свою преданность короне. Также он доставил послание от Ричарда, написанное в высокопарном стиле, речь в котором шла о сборе выкупа.

На тот момент Лоншан достиг наивысшей милости короля, однако в Англии был принят оскорбительно для него холодно. Высадившись в Ипсуиче и проведя ночь в Хичеме, он отправил послание аббату Самсону и изъявил желание посетить святыню в Сент-Эдмундсе и присутствовать на мессе. Поскольку Лоншан все же был епископом, как было известно Самсону, он немедленно

отдал приказ отменить все службы на время визита Лоншана. Когда канцлер вошел в храм, стоящий у алтаря священник не двинулся с места и не произнес ни слова, пока взбешенный епископ не выбежал прочь.

Жители Лондона также не были бы рады видеть в городе Лоншана, потому королева и несколько юстициариев встретили его в Сент-Олбансе, однако без должных почестей и восторгов. До тех пор пока Лоншан не объявил, что прибыл «не как юстициарий и легат, даже не как канцлер, а как простой епископ, доставивший послание от короля», они не позволили ему говорить. Ричард, по словам Лоншана, приказал епископам Рочестера и Чичестера, Бенедикту, аббату Питерборо, графу Ричарду де Клэру, Роджеру Биго, графу Норфолка и некоторым другим прибыть к нему в Германию. Лоншан сообщил, что Ричард повелел ему привезти с собой нескольких сыновей влиятельных и благородных родов, которые смогли бы стать заложниками и гарантами полной выплаты выкупа. Королева сразу отказалась доверить своего внука, Уильяма Винчестерского, сына Генриха Льва, герцога Саксонии, Лоншану, остальные последовали ее примеру.

«Дочерей мы еще могли бы ему доверить, но сыновей никогда», – заявил Гиральд Камбрийский, намекая на слухи об ориентации Лоншана. Вскоре Ричард отозвал канцлера, вероятно после жалоб матери.

Король также вызвал в Германию Гуго Нонанта, сторонника принца Иоанна в некоторых предприятиях. Гуго обладал мудростью, потому отправился в путь со всеми имевшимися у него деньгами, однако недалеко от Кентербери был ограблен. Мэтью де Клэра, супруга сестры Лоншана и кастеляна Дувра, подозревали в причастности к преступлению и укрывательству разбойников, поэтому вскоре его отлучили от церкви все епископы Англии.

Тем временем продолжался сбор средств для выкупа короля. Епископам было поручено собрать налоги с низших чинов духовенства или, на худой конец, заручиться словом, что вскоре деньги будут выплачены. Архиепископ Джеффри настаивал, чтобы все клирики и каноники внесли четверть своего дохода. Те, в свою очередь, не только не подчинились, но и обвинили его в стремлении такими поборами уничтожить свободу церкви.

У архиепископа Джеффри появились новые проблемы, он затеял спор с канониками капитула по поводу кандидатуры нового декана. Король Ричард назначил Генри Маршала епископом Эксетера на место скончавшегося 1 июня 1191 года Иоанна Чэнтера. Джеффри заявил, что назначать декана его

право. Он хотел передать должность своему брату по матери Питеру, архидьякону Линкольна, по несчастью находившемуся в то время в Париже. Король Ричард отправил срочное послание Джеффри с просьбой избрать деканом Жана из Бетюна, брата своего хорошего друга.

Джеффри, в свою очередь, хотел видеть на месте декана человека, на которого мог бы положиться и который безоговорочно принял бы его сторону в бесконечном конфликте с канониками. Он был заинтересован, чтобы его кандидат вступил в должность незамедлительно, в противном случае король мог поставить своего человека. Ситуация требовала спешного решения, и архиепископ назначил на место декана собора человека, которого считал самым преданным из всего капитула, – преподобного Симона Апулийского, человека образованного, к тому же некогда обращавшегося с просьбой в Рим о назначении Джеффри. Когда брат архиепископа вернулся в Англию, Джеффри попытался забрать должность у Симона и передать Питеру, объясняя свои действия тем, что назначение было временным, Симону надлежало лишь замещать Питера.

В этом случае каноники не могли не вмешаться. Они заявили, что они имеют право голоса при выборе декана, и потребовали оставить Симона. Джеффри отказался признавать их право участвовать в избрании декана, аннулировал прежние назначения, а должность отдал Филиппу из Пуатье, секретарю и приближенному Ричарда, которого он назначил архидьяконом Кентербери и которого рекомендовал вместо Жана из Бетюна на пост декана Йоркского собора.

Из-за требований Джеффри внести немалые суммы в счет выкупа за короля и постоянных споров по поводу кандидатуры декана отношения архиепископа и духовенства стали плохими, как никогда ранее. Симон обратился к королю с жалобами на неподобающее обращение, архиепископ, в свою очередь, также послал гонцов к Ричарду, велев непременно явиться первыми и объяснить, каково истинное положение дел. Кроме того, он отправил посланников в Рим, поручив обратиться к папе от своего имени. Узнав об этом, Ричард строго-настрого запретил обеим сторонам обращаться в Рим. Он поступил так же, когда кардинал Джованни Анадьяни безуспешно попытался прекратить споры в Кентербери. Тогда король заявил, что ему вполне по силам справиться с ситуацией самому и он не потерпит вмешательства Рима. Несмотря на уважение, которым Ричард пользовался у духовенства благодаря Крестовому походу, он, как и отец, тщательно контролировал все апелляции к папе и его легатам.

Король перехватил посланников Джеффри и отправил их

назад в Англию с поручением передать брату, чтобы он незамедлительно явился к нему. Вероятно, Ричард выяснил все детали происходящего и, зная брата, сделал верные выводы. Перед самым отъездом в Германию архиепископ Джеффри столкнулся с невероятной акцией, на подобное за все время конфликта его каноники решились впервые. Они открыто выступили против приказов Джеффри о выплатах в счет выкупа, а также его интриг в связи с выборами декана. Клирики приостановили все богослужения в Йоркском соборе, запретили звонить в колокола, чем, разумеется, очень расстроили прихожан. Они также разобрали алтарь, закрыли кафедру архиепископа и заперли дверь, через которую он входил в собор. Задавшись целью усмирить непокорных канoников, Джеффри вернулся в Йорк и приказал начать службы, однако получил твердый отказ, и собор так и остался тихим и безжизненным.

В самом начале июля стало известно, что Ричард еще раз встречался с императором, предположительно 25 июня в Вормсе. Попытки короля Филиппа убедить императора оставить Ричарда в Германии или передать его Франции лишь сделали Ричарда еще более ценным трофеем в глазах Генриха VI. После четырех дней обсуждения император согласился на новые условия. Выкуп он увеличил до 150 000 марок. Дополнительные 50 000 Генрих потребовал вместо обещания Ричарда оказать помощь в военных действиях против Танкреда, короля Сицилии.

Император согласился отпустить Ричарда, когда две трети денег прибудут в Германию, а также люди, готовые стать заложниками до выплаты оставшейся суммы. Племянница Ричарда, Элеонора Бретонская, должна была обручиться с сыном австрийского герцога Леопольда, пленившим Ричарда.

Вскоре Ричард обратил свое внимание на самопровозглашенного императора Кипра Исаака Комнина и его дочь, которую захватил в плен. Узнав об этом, король Филипп заключил, что Ричард скоро будет свободен, и незамедлительно отправил принцу Иоанну легендарное послание: «Будь осторожен. Дьявол на свободе». Иоанн был напуган скорым, как он полагал, возвращением брата в Англию, потому поспешил пересечь Ла-Манш и присоединиться к королю Филиппу.

В самом начале своего заключения Ричард находился один в камере под охраной суровых стражников, но позже, когда соглашение с императором было достигнуто, он получил значительные свободы. Из Англии доставили его любимого сокола, а также, как отмечено в казначейских свитках, «алые и зеленые одежды, кольчуги, плащи; овечья шерсть и три серебряных кубка были куплены и отправлены в Германию, за все

было заплачено 44 фунта 11 шиллингов 2 пенса по подсчетам короля, Роберта Торнхэма и других достойных мужей Лондона».

Тем временем юстициарии прилагали усилия, чтобы собрать по всей стране как можно больше денег в самый короткий срок, дабы король мог скорее вернуться в Англию. До наших дней не сохранились записи о том, каким именно способом и какие суммы были получены, однако представляется весьма правдоподобным, что каждый подданный короля заплатил четвертую часть дохода, который контролировался судьями, как и в случае с «Саладиновой десятиной» в 1188 году. Сумма выкупа не учитывалась казначейством, и о ней нет упоминаний в казначейских свитках. Юстициарии могли лишь предполагать, сколько получат в каждом случае, поскольку подобных прецедентов ранее не было. Уильям Ньюбургский пишет: «Из-за недостаточности первого сбора королевские чиновники сделали второй и третий, еще больше обогатившись за счет воровства этих денег и покрывая свое явное преступление благородным названием королевского выкупа».

Страна рыдала оттого, как жестоко и грубо сборщики выполняли свою работу, громче всех возмущалось духовенство. Аббат Самсон отважился заявить сборщикам, что они могут забрать и золото с гробницы святого Эдмунда, но напомнил при этом, что «гнев святого настигнет и тех, кто близко, и тех, кто далеко; более всего покарает он тех, кто возжелал снять с него последнюю рубаху».

В конце лета из Германии прибыли посыльные Генриха забрать часть денег в счет выкупа. Уже поздней осенью они предстали перед императором с «большей частью выкупа», что означает, что необходимые 100 000 марок к тому времени все же были собраны. Так или иначе, но выкуп был заплачен, и король вызвал мать и архиепископа Руанского в Шпайер, чтобы вместе отпраздновали Рождество. 20 декабря император официально назвал 17 января датой освобождения Ричарда из плена.

Вероятно, король Ричард отозвал из Англии архиепископа Руанского с целью дать шанс Губерту Уолтеру попробовать свои силы на месте верховного юстициария. У короля вряд ли были серьезные претензии к Готье де Кутансу, исполнявшему свои обязанности весьма умело, хотя и не блестяще, ему удалось навести порядок в государстве, когда принц Иоанн всеми способами пытался нарушить покой подданных и юстициариев. К тому же он с большим рвением и старанием собирал выкуп за своего короля. Однако Губерт Уолтер во всех смыслах превосходил архиепископа Руанского, и Ричард, вероятно еще на Святой земле осознав, с человеком каких способностей свела его

судьба, принял решение передать ему наивысшую должность в королевстве.

VI
1194 год

Наконец терпение архиепископа Йоркского, измученного конфликтом с канониками, лопнуло. Приказ возобновить службы в храме не был выполнен, и Джеффри, после консультации с человеком, отлично знавшим церковное право, чтобы не допустить ошибки, прибыл в первый новогодний день 1194 года в Йорк. Он повелел дьяконам из церкви выполнять обязанности, от которых отказались каноники. Возмущенные, каноники отправили четверых представителей с жалобами к королю в Германию. Ричард уже был недоволен Джеффри, поскольку тот проигнорировал его приказ явиться к нему незамедлительно, потому дозволил каноникам обратиться к папе. Вероятно, он надеялся, что к мерам, которые он собирался применить к непокорному брату, добавится еще и наказание церковное. Джеффри, в свою очередь, также отправил эмиссаров в Рим представлять его интересы.

Услышав их доводы по поводу права избирать декана собора, папа Целестин отклонил апелляцию в связи с недостаточно полным видением ситуации и отметил, что архиепископ может сам назначить декана или позволить капитулу избрать его. Дабы не откладывать обсуждение вопроса, папа, уставший от пререканий обеих сторон, назначил на должность декана Йоркского собора Симона Апулийского – одного из явившихся к нему посланников.

Поскольку его кандидатура была представлена капитулом, каноники почувствовали вкус легкой победы и решили сделать следующий шаг и рассказать о своем недовольстве архиепископом. Они заявили, что архиепископ без зазрений совести занимается расхищением во владениях, полученных им с должностью архиепископа, а также присваивает собственность духовенства; он предпринимает недопустимые меры, нарушая устои церкви; распродает собственность прихода; запрещает обращаться с жалобами в Рим (одно из самых тяжких обвинений, которые только возможно выдвинуть в присутствии папы); не признает власть римского понтифика; он посрамил честь епископа; имеет множество недопустимых пристрастий, например увлечен охотой, для которой использует соколов. Папа выслушал жалобы и принял их к сведению.

Тем временем в Германии Ричард вместе с матерью и близкими друзьями ждал дня освобождения. Император назначил

дату 17 января 1194 года, однако пожалел о своем решении позже, когда король Франции и принц Иоанн, желая отсрочить освобождение Ричарда, сделали Генриху несколько весьма заманчивых предложений. Филипп обещал выплатить 50 000 марок, а Иоанн 30 000, если император согласится оставить Ричарда в Германии хотя бы до Михайлова дня; они были уверены, что к этому времени смогут захватить земли Ричарда. Опасаясь, что Генрих не согласится на их условия, Филипп и Иоанн посулили ему 1000 фунтов ежемесячно на весь период, что Ричард будет находиться у него в плену. Наконец король Франции предложил 100 000 марок, а принц 50 000, если Генрих передаст Ричарда им или оставит в Германии еще на год. Суммы были столь соблазнительны, что император перенес дату освобождения короля Англии на 2 февраля, чтобы дать себе время все хорошо обдумать.

Сделав ставку на алчность Генриха, Иоанн и Филипп были уверены в успехе настолько, что принц отправил своего доверенного секретаря Адама из Эдмунда в Англию с письмом к хранителям замков, повелев готовиться к военным действиям и собрать все для этого необходимое. В случае достижения договоренности с императором в их пользу Иоанн планировал использовать свои замки для подчинения себе всего королевства. Если же Ричард получит свободу, хорошее укрепление позволило бы ему выдержать оборону и отстоять то, что он имел.

По прибытии в Лондон Адам, который, вероятно, был столь же недальновиден, как и его хозяин, отправился на ужин с архиепископом Губертом Уолтером, на котором громко объявил о блестящих перспективах принца и его взаимовыгодном союзе с королем Франции. Он хвастался, что Филипп якобы уже передал Иоанну замки Дриankур и Арк, что Иоанн получил бы и другие, если бы у него было больше верных людей, которым можно доверить их управление. По простоте Адам открыл основное слабое место принца, не говоря уже о подтверждении его невероятной глупости; именно по этой причине его предложения отвергли нормандцы, когда он пытался заручиться их поддержкой.

В декабре прошлого года Ричард уже совершал попытку добиться верности от Иоанна и даже приказал нормандцам вернуть принадлежавшие ему замки, однако они отказались подчиниться, так велики были их ненависть и презрение.

Несмотря на чудовищное неуважение к собравшимся за столом архиепископа, Адама никто не остановил и не перебил, ему даже позволили беспрепятственно уйти. Стоило ему появиться в своем временном жилище, как его схватил мэр

Лондона, конфисковал все имеющиеся письма принца Иоанна и доставил архиепископу. На следующий день Губерт Уолтер собрал всех епископов, графов, баронов, остававшихся на тот момент в Лондоне, и предъявил им письма принца кастелянам.

Узнав об изменнических планах Иоанна, «на всеобщем совете королевства» было постановлено лишить его всех земель в Англии, а замки взять в осаду. Он также был лишен титула герцога Ланкастера, и его владения были переданы брату архиепископа Теобальду, находящемуся на должности шерифа. Надо отметить, этот человек был презираем за потворство коррупции, но при новом короле никто не решался выступать против него. Теобальд каким-то образом умудрился получить опеку над несколькими богатыми наследницами и осенью прошлого года подал иск на одну из них, посмевшую выйти замуж без его одобрения. Вероятно, это событие совпало по времени с лишением его Гуго Нонантом, епископом Ковентри и советником принца Иоанна, нескольких имений.

Сразу после принятия решения архиепископ Губерт Уолтер, епископы Гуго Линкольнский, Ричард Лондонский, Гилберт Рочестерский, Годофри Винчестерский, Генри Вустерский, Уильям Херефордский, Генри Маршал, новоизбранный епископ Эксетера, а с ними и многие аббаты и клирики собрались в часовне Святой Екатерины в Вестминстере, где они торжественно отлучили от церкви принца Иоанна, всех его сторонников и советников, как «возмутителей спокойствия в королевстве Англия».

Ненавидимый всеми Гийом Лоншан, одним из первых прибывший в Германию к Ричарду, обрел, благодаря своему поступку, признательность короля и значительно упрочил свои позиции. Во избежание проблем, с которыми пришлось столкнуться ранее, клирики «обратились к папе с жалобами на Гийома, епископа Илийского, с целью приостановить его полномочия легата в Англии в будущем».

Настал день отсроченного освобождения Ричарда, 2 февраля, и король, сопровождаемый королевой, архиепископом Готье де Кутансом, епископом Гийомом Лоншаном, Савариком, епископом Батским, отправился на встречу с императором в Майнц. Генрих VI был более чем заинтересован предложениями Филиппа и Иоанна и намеревался продлить заключение Ричарда, чтобы получать ежемесячные выплаты столько, сколько их готовы будут платить, а также выкуп от короля Англии при освобождении. В присутствии посланников Филиппа и Иоанна, в числе которых был и Роберт Нонант, брат епископа Ковентри, Генрих предъявил Ричарду письма, полученные от принца и короля Франции, и

сообщил, что готов принять их предложение.

Заявление вызвало такой бурный протест Ричарда и его сопровождения, что Генрих, не выдержав напора, согласился дать королю Англии свободу. Впрочем, скорее всего, причина была не в том, что император вспомнил о долге чести, а в сомнениях, связанных с обещаниями вступивших в сговор предателей. Несмотря на щедрые обещания, деньги на выплаты они, вероятно, собирались получить, захватив земли Ричарда.

После двух дней переговоров император отпустил Ричарда 4 февраля, но оставил в заложниках до полной выплаты выкупа архиепископа Готье, епископа Саварика и сыновей ноблей, прибывших в Германию ранее. Король обратился к Роберту Нонанту с просьбой взять и на себя эту роль, однако он отказался, сославшись на то, что является приближенным принца Иоанна. За такие слова Ричард лишил его свободы и отправил письмо епископу Гуго, скрывавшемуся во Франции, и приказал явиться в Англию и предстать перед судом за предательство. Король со свитой отправился в неспешное путешествие, имея конечной целью возвращение в Англию. Он остановился в Кельне, затем в Антверпене для заключения союза с немецкими князьями и вельможами Нижних земель.

В воскресенье 13 марта Ричард высадился в Сануидже и направился в Кентербери, где был встречен пышной процессией монахов и торжественно сопровожден в собор. Король долго молился у гробницы святого Томаса Бекета, благодаря за помощь в счастливом освобождении из плена. На следующий день, когда Ричард уже приближался к Рочестеру, ему встретился Губерт Уолтер, спешивший увидеть короля. Ричард спешился и преклонил колено перед архиепископом, товарищем по Крестовому походу, тот же, в свою очередь, преклонил колено перед своим королем. Мужчины встали и обнялись со слезами радости на глазах. Губерт Уолтер вместе с королем и его свитой вернулся в Лондон.

Город был «наводнен народом» в честь Ричарда; улицы были празднично украшены, на домах вывешены гобелены и полотна ткани с приветственными надписями. Толпы зевак следовали за процессией, стремясь, хотя бы мельком, увидеть короля, ставшего к тому времени легендарной фигурой, благодаря рассказам возвратившихся из похода солдат о его поистине львиной храбрости, отважных подвигах, целеустремленности и преданности делу. Король проследовал в собор Святого Павла, где собралось для встречи все духовенство города.

Немцы, прибывшие с Ричардом, были поражены, увидев цветущий и благополучный Лондон, ведь город, по их мнению,

должен был пребывать в нищете из-за поборов в счет выкупа. Они говорили, что, если бы император знал размер истинного богатства короля Англии, он не отпустил бы его за столь ничтожную сумму, как 100 000 марок.

Проведя всего один день в Вестминстере, Ричард отправился в Бери-Сент-Эдмундс, чтобы помолиться у раки восточноанглийского короля и католического святого мученика, которого король высоко ценил и почитал. Следующим местом на его пути был Ноттингем.

Сразу после завершения собрания Королевского совета 10 февраля архиепископ Губерт Уолтер начал готовиться осадить замки принца Иоанна. План был тщательно продуман. Из Ланкастера в Ноттингем были доставлены катапульты и «прочие механизмы»; 22 плотника и 20 пращников прибыли из Нортгемптона; из Лондона были вызваны инженер Уррик и плотник Элиас для контроля над машинами; баллиста и катапульта были доставлены из замка Виндзор. 49 цепей, 4000 стрел, щиты, шкворни, греческий огонь и прочее необходимое для них было отправлено из Лондона в Мальборо. Замок Винчестер внес свой вклад, выслав катапульту, баллисту, 30 цепей, 20 щитов, 12 лестниц, смолу, серу; одна катапульта и одна баллиста были предоставлены Редингом.

Архиепископ лично повел войско в Мальборо, где сторонники Иоанна сдались ему через несколько дней, а затем с таким же успехом взял замок Ланкастер. Констебль Сент-Майклс-Маунт в Корнуолле скончался от страха, узнав, что король Ричард возвращается в Англию.

Два главных оплота Иоанна – замки в Тикхилле и Ноттингеме – взять было не так просто. Епископ Гуго Дарэмский собрал в Йоркшире и Нортамберленде внушительное войско и осадил Тикхилл. В прошедшем году его вынудили отказаться от осады, и теперь он вернулся с более мощными силами и возросшим желанием подчинить себе грозную крепость. В то же время Давид, граф Хантингтон, брат короля Шотландии, Ранульф, граф Честер и граф Уильям де Феррерс осадили Ноттингем.

К моменту прибытия Ричарда замки все еще не пали после почти месячной осады. Когда стало известно о прибытии короля в Англию, с позволения епископа Гуго гарнизон замка Тикхилл принял решение командировать двух рыцарей с целью выяснить, правда ли это, и обещать сдаться королю с условием, что он сохранит всем жизнь. Слухи подтвердились, однако Ричард отказался принимать какие-либо условия, лишь безоговорочную сдачу крепости. Рыцари вернулись и доложили кастеляну Роберту Деламеру и всем товарищам о том, что слышали и видели. Роберт

просил совета епископа Гуго, и тот по собственной инициативе обещал воинам безопасность и спасение жизней, если они сдадутся. Гарнизон последовал совету епископа. О том, насколько хорошо был подготовлен замок к осаде, говорит сумма в 145 фунтов и 17 шиллингов, полученная после продажи всех запасов провизии.

Гарнизон Ноттингема отказался сдаться и противился переговорам с королем. Ричард двинул войско в Ноттингем и прибыл на место в пятницу 25 марта «с таким количеством солдат, дувших в трубы и горны», что поверг защитников замка в

замешательство. Они отказывались верить, что Ричард действительно вернулся, чем значительно усугубляли свое положение. Солдаты были уверены, что это очередная уловка врага с целью ввести их в заблуждение. Ричард разбил шатер так близко от стен крепости, что долетавшие оттуда стрелы убили нескольких его приближенных, находящихся рядом с королем.

Не заботясь о том, чтобы составить план сражения и проработать тактику, Ричард, надев латы, бросился в бой, сжег ворота и собственноручно лишил жизни нескольких рыцарей. После атаки, проведенной королем в большом азарте, Ричард приказал зарядить катапульты новейшей модели и возвести виселицы в месте, хорошо видном из бойниц замка. На них он повесил людей принца Иоанна, которых удалось захватить. Позже в тот же день к войску короля присоединился архиепископ Губерт Уолтер.

В воскресенье, 27-го числа из Тикхилла прибыл доблестный епископ Дарэма, доставив также пленников. Едва услышав о приближении епископа, король выехал ему навстречу. Спешившись, король, его приближенные и люди епископа крепко обнялись. Позже состоялся праздничный ужин, на котором неожиданно появились воины из осажденного гарнизона, желавшие убедиться, что король Ричард действительно стоит у стен крепости. Удостоверившись, они вернулись в замок и сообщили об увиденном кастеляну Ральфу Мердаку и Уильяму Венневаллу. Присутствие короля и его решимость взять замок произвели такое сильное впечатление на солдат гарнизона, что Уильям Венневалл, Роджер Мантбеган и двенадцать рыцарей явились к Ричарду и сдались на милость короля.

Их поступок, а также речи архиепископа Уолтера убедили остальных, что с их стороны неразумно пытаться выстоять против одного из величайших воинов современности. В понедельник 28 марта гарнизон замка покинул его и сдался королю.

Так пал последний оплот принца Иоанна. На его стороне выступали те, кто полагал, что выиграет больше, поддерживая принца, нежели храня верность королю, и им удалось привлечь на свою сторону людей мятежной натуры, врагов устоев и порядка в любом его проявлении. О том, как нетверда была их вера, говорит та легкость, с которой Ричарду удалось заставить их склониться перед ним.

Вскоре после своего возвращения в страну Ричард объявил о собрании Королевского совета и теперь решил провести его Ноттингеме, в месте, где все говорило о предательстве Иоанна. Ожидая, пока прибудут все участники, во вторник 29 марта король отправился в Шервурдский лес, где никогда не был ранее

и которым был восхищен.

Совет начался в среду, в замке Ноттингем, который за несколько дней успели привести в порядок после сражения. На заседании присутствовала королева Алиенора, архиепископ Губерт Уолтер сидел по правую руку от Ричарда, архиепископ Джеффри по левую. Здесь же присутствовали шесть графов и семь епископов, включая Гуго Дарэмского, окрыленного успехом в Тикхилле, Гийома Лоншана, епископа Илийского, вернувшегося в Англию вместе со своим королем и надеявшегося на его протекцию.

Не тратя времени, Ричард сообщил собравшимся о первоочередном вопросе, который необходимо было решить на Совете, – разработке мер по сбору средств. Как отмечает Ральф Когшел, королю были необходимы деньги по двум причинам: оплатить оставшуюся часть выкупа и вернуть заложников, находящихся у императора, и подготовить армию, чтобы остановить попытки Филиппа захватить Нормандию, ведь Филипп уже взял несколько замков и приближался к Руану.

Ричарда разочаровали английские подданные, которые, по его мнению, слишком долго думали, прежде чем расстаться с деньгами ради свободы своего короля, и он намеревался вытащить из них все до пенни. Они сидели в своих теплых домах, пока он с товарищами по оружию, среди которых, кстати, было мало англичан, сражался на поле брани, дошел почти до края земли, терпел нужду, страдал от голода и болезней, боролся с врагом, превосходившим их по численности, и все ради торжества высших идеалов, когда-либо существовавших в мире, так, по крайней мере, считали крестоносцы.

Из похода Ричард вернулся совсем другим человеком, и дело не только в тяжелых условиях, в которых он провел последние четыре с лишним года, в его смелости в бою, становившейся порой безрассудной, болезнях, вызванных особенностями климата. Причина была не в боли и страданиях от потери идущих рядом товарищей, которые погибали, или, что еще хуже, поворачивали назад и возвращались домой, и не в унижении, которое ему, королю-крестоносцу, выпало пережить за дни плена. В тот день, когда Ричард закрыл лицо, чтобы глаза его не видели Святую землю, которую он не смог отвоевать у сарацин, когда он отказался идти на Иерусалим, «отказавшись принять от язычников то, что не даровал ему Бог своей милостью», в тот день что-то надломилось в нем.

Отправляясь в Крестовый поход, он был уверен в себе и полон надежд; вернулся же разочарованный, утративший иллюзии, истязаемый горечью, и осознание того, что сделал он больше, чем

удалось бы кому-то другому, было слабым утешением для короля. Когда-то он был окрылен надеждой, сейчас же переполнен ненавистью. Важнейшей движущей силой в Крестовом походе была его неукротимая энергия, желание достичь цели, теперь же его вдохновляла на борьбу лишь ненависть к королю Франции Филиппу.

Мужчины равновысокого положения, оказавшиеся в схожем положении, не могли быть более разными, чем Ричард и Филипп. Ричард был импульсивен, стремителен, открыт сердцем, смел, горяч, одарен богатым воображением и поэтическим талантом; Филипп был сдержанным до холодности, скрытным, опасливым и осторожным, малодушным и коварным. Дезертировав летом 1191 года, Филипп, по убеждению Ричарда, выиграл больше, чем кто-либо иной, из-за неудач Третьего крестового похода. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать в Ричарде ненависть и презрение к Филиппу. Однако король Франции пошел дальше: он не только предал крестоносцев в момент, когда их боевой дух был наиболее высок, он вернулся во Францию и стал союзником принца Иоанна в его предательских планах, а потом пытался убедить императора Генриха VI не отпускать Ричарда на свободу или вовсе продать его, словно раба, Франции. В довершение всего Филипп, воспользовавшись тем, что Ричард находился в плену, попытался отобрать у него владения в Нормандии. Лишь признание короля Англии уже на смертном одре в 1199 году позволяет понять всю глубину его ненависти к Филиппу, поскольку, по словам Ричарда, он семь лет не решался принять святое причастие, «ибо в сердце его кипела сжигающая ненависть к королю Франции».

Именно эта ненависть заставила короля встретиться с баронами в Ноттингеме и высказать свои требования. Похудевший Ричард был обессилен трудностями плена, а его бароны дородны и мягкотелы. Король намеревался устроить им серьезную встряску. Так же как и в самом начале своего правления, он предложил им купить для себя должности. В 1194 году Ричарда нимало не смущало, что многие из них уже были выкуплены и оплачены в 1189 году. Он заявил, что те, кто уже приобрел должности, имеют отличную возможность еще раз сделать хорошее вложение.

Все шерифы, кроме семи – Камберленда, Кембриджшира, Хантингдоншира, Херефордшира, Кента, Шропшира, Уилтшира и Вестморленда, – были отстранены, а их места переданы тем, кто заплатил больше. В некоторых случаях деньги были переданы незамедлительно на месте, и в сохранившихся до наших дней записях нет указания этих сумм. Согласно казначейским свиткам, почти все шерифы заплатили за право сохранить должности и

обещали увеличить выплаты или сделать щедрые подношения королю. Например, в Линкольншире Жерар де Камвилл в любом случае не смог бы удержать свои позиции и был смещен Симоном Каймом, заплатившим 100 фунтов за первые полгода, которые начинались на Пасху, и 20 марок в качестве подарка лично королю, пообещав при этом в скором времени передать еще 20 марок. В Стаффордшире Гуго Нонанта, глубоко ненавидимого королем и вынужденного скрываться во Франции, заменили на Гуго Чакомба, предложившего 100 марок, чтобы «получить место и сохранить выплаты прежними так долго, как будет на то милость короля».

С возвращением в Англию Гийома Лоншана его братья были восстановлены в должностях. Осберт стал шерифом Норфолка и Саффолка вместо Фицроберта, заплатив 50 марок «в счет прибыли» за последующие полгода. Генри, которого после отъезда канцлера бросили в тюрьму в Бристоле, занял место шерифа Вустершира вместо Уильяма де Бошана и передал королю 30 марок. Гийом Лоншан выдал 1500 марок сразу и обещал 100 марок в год за все графства дополнительно к той сумме, которую полагалось выплатить, если получит право носить титул шерифа Йоркшира, Линкольншира и Нортгемптоншира. Архиепископ Джеффри превзошел его, дав 3000 марок и обещав 100 марок ежегодно только с одного Йоркшира. Несмотря на то что у Джеффри был долг в 1533 фунта 6 шиллингов и 6 пенсов, который он даже не пытался вернуть, король принял его предложение. «Ибо так он признавал себя вассалом короля и склонялся пред его властью».

На второй день совета, 3 марта Ричард выдвинул обвинения против принца Иоанна и епископа Гуго Нонанта. Он заявил, что Иоанн, нарушив присягу верности, осадил его замки, разорил земли по обе стороны пролива и вступил в сговор со злейшим врагом, королем Франции. Ричард заключил, что Гуго Нонант, считавшийся первым советником Иоанна, предал своего короля и примкнул к союзу Иоанна и Филиппа, направив все свои блестящие таланты против Ричарда.

Совет постановил, что оба обвиняемых должны явиться и предстать перед судом через сорок дней, в противном же случае принц Иоанн будет считаться утратившим право престолонаследия, поскольку уже был лишен всех своих владений. Что же касается Гуго Нонанта, то вынесенное решение стало одним из тех, что были популярны со времен Вильгельма Завоевателя, – судить Гуго по вопросам, связанным с церковной деятельностью, предстояло епископам, по остальным же – одному из шерифов короля. Вероятно, именно тогда все сторонники

принца Иоанна были лишены земель и приговорены к значительным штрафам, даже его жене Изабелле пришлось выплатить 200 фунтов, чтобы сохранить земли, которые были ее приданым.

На третий день совета Ричард поднял вопрос о налогах. Несмотря на проделанную работу по сбору средств, еще предстояло собрать немалую сумму в счет выкупа короля; на этом настаивало казначейство, оно же прислало и детальные разъяснения. Ричарду были необходимы средства, чтобы защитить Нормандию, а также собрать армию из рекрутов, подобрать командиров из них же, кроме того, король настаивал, чтобы треть всех рыцарей Англии примкнула к его войску. Разумеется, Ричард не рассчитывал, что 2000 рыцарей отправятся с ним в Нормандию, но надеялся, что все они будут готовы выплатить откупные.

Желая собрать как можно больше денег, Ричард вспомнил о взимании так называемых «датских денег», или «погайдового сбора», как называют этот налог в казначейских свитках и хрониках того времени. В самой простой своей форме он представлял выплату двух шиллингов с каждого возделываемого участка – гайды, представлявшей собой участок, достаточный для содержания одной семьи свободного крестьянина. От него были освобождены церковные наделы, а также принадлежащие ноблям и привилегированным особам. Последний раз налог взимался в 1162 году. Ричард повелел собрать по два шиллинга со всех земель, как церковных, так и принадлежащих мирянам.

Необходимые цифры были взяты из «Книги Страшного суда». Разумеется, данные 1086 года несколько устарели, поскольку за последние годы в связи с ростом населения под обработку было передано немало участков земли. К примеру, в Линкольншире «народ из Кестивена и Голландии должен платить 100 марок за пользование землей на тех же условиях, как делали они во времена предшественников короля нынешнего, а именно 5 гайд земли в Кестивенае и Голландии идут против 2 гайд в Линдсей».

Леди Стентон отмечала, что пахотные земли в этих районах оценивались по-разному согласно «Книге Страшного суда», потому крестьянам из Кестивена и Голландии позволялось платить за 5 гайд столько же, сколько в Линдсея за 2. Как мы видим, каждой семье предлагалось заплатить 100 марок, чтобы сохранить сумму налога прежней, той, что указана в «Книге Страшного суда», без учета размера вновь возделанной земли.

В казначейских свитках можно найти лишь фрагментарные упоминания о поступлении этих налоговых выплат. К Михайлову дню 1194 года в Вустершире налог был собран полностью и

составлял 99 фунтов 12 шиллингов; в Сомерсете из 293 фунтов 18 шиллингов и 2 пенсов было собрано 11 фунтов 5 шиллингов и 2 пенса; в Дорсете из 241 фунта 3 шиллингов 9 пенсов оплачено 3 фунта 10 шиллингов 11 пенсов. За весь год в свитках приведены данные только об этих трех графствах. К Пасхе 1195 года была собрана лишь весьма незначительная сумма. Уильям Маршал заплатил 4 шиллинга за земли в Суссексе; из Беркшира поступили 3 фунта 7 пенсов; из Воллингфорда 1 фунт; из Йоркшира – 20 фунтов 15 шиллингов 7 пенсов; Уильям де Сент-Мер-Элиз заплатил за выморочные земли в Оксфордшире 1 фунт.

К Михайлову дню 1195 года шериф Камберленда обещал сумму в 20 фунтов «в счет уплаты погайдового сбора и той суммы, определяемой юстициариями и взыскиваемой со всех подданных повсеместно для выкупа короля нашего», однако так ничего и не заплатил. Люди из Кестивена и Голландии, напротив, внесли 45 фунтов из обещанных в 1194 году 100 марок.

Объяснение тому, что о выплатах налога сохранилось ничтожно мало упоминаний просто: поскольку деньги собирались для выкупа Ричарда, шерифы не вели учет привычным образом, суммы поступали непосредственно напрямую в специальную казну, созданную для этой цели.

В казначейских свитках отражено лишь несколько примеров, демонстрирующих, каким путем поступали деньги, и, разумеется, они не дают полного представления о том, как и сколько было собрано. За 1196 год в свитках нет никаких данных об этом.

Облагая налогом возделываемые земли и набирая на военную службу всех, включая главных владельцев лена, и требуя оплаты «щитового сбора» от манкировавших своими обязанностями, Ричард давал понять, что и крестьянин, и ленник обязан будут внести свой вклад. Исключение составляли лишь цистерцианцы, вероятно владевшие к тому времени наделами не меньшими, чем черные монахи. Монашеский орден был основан в первой четверти века, потому не был включен в систему, которой подчинялись аббатства черных монахов, владеющие обширными пахотными угодьями. Кроме того, цистерцианцы в основном занимались разведением скота, в частности овец, и обрабатывали мало земли. Они были освобождены как от погайдового сбора, так и от щитового.

Ричард решил этот вопрос так же, как в случае сбора денег для оплаты выкупа, – он повелел, чтобы монастыри отдали всю шерсть, полученную за год. Учитывая, что аббатства уже передали свою долю в году прошедшем (и в казначейских свитках сохранились записи о стоимости шерсти, поступившей из разных мест от Йоркшира, где было значительное количество

цистерцианских обителей, до Холма в Норфолке, а также данные о кораблях, на которых она была доставлена в Германию), можно предположить, что их силой заставили отказаться от значительной части дохода два года подряд. Когда же монахи воспротивились, заявив, что король возлагает на них слишком непосильное бремя, в отличие от остальных своих подданных, Ричард предложил им купить для себя льготы. Уильям Ньюбургский пишет, что король, «льстиво восхваляя щедрость и преданность монахов, заявил, что оставляет их шерсть в качестве залога до следующего октября, когда им предстоит выкупить ее, внеся необходимую ему сумму».

Не смогли уберечься от поборов и города. Жители Линкольна, например, заплатили 500 марок «за получение от короля привилегий, как у жителей Нортгемптона». Йоркцы передали королю 200 марок «в качестве подарка за радость видеть его свободным», а лондонцы 1500 марок «в знак благоговения и в качестве благодарности за сохранение свобод, а также в помощь в выплате выкупа».

В последний день Совета, 2 апреля Ричард коснулся темы жалоб на архиепископа Йоркского. Многие обвиняли его в том, что он незаконно требует выплат. Скорее всего, речь шла о стремлении Джеффри заставить духовенство внести вклад в освобождение короля, поскольку, в частности, каноники отказывались подчиниться требованиям. Неудивительно, что архиепископ не снизошел до споров, уверенный в поддержке короля по этому вопросу, который действительно отклонил все предъявленные брату обвинения.

Меры, предпринятые против Жерара де Камвилла, констебля Линкольна, были намного серьезнее. По подстрекательству канцлера, как говорили, Жерара обвинили в связи с грабителями, появлявшимися из замка Линкольн и нападавшими на корабли торговцев, направлявшихся на ярмарку в Стэмфорд. Более того, ему вменялось неуважение к королевской власти, поскольку он отказался явиться в суд, когда его призвали юстициарии, или на худой конец представить им тех грабителей. На все приказы Жерар отвечал, что является человеком принца Иоанна и судить его вправе только он. В результате Комвилла признали ближайшим соратником Иоанна, его партии и всех врагов короля и обвинили в помощи при захвате Тикхилла и Ноттингема.

Жерар отверг все обвинения, обе протестующих стороны громко заявили, что будут до конца отстаивать свою правоту. Сведения о результатах и вынесенных решениях этого суда, если таковой состоялся, не сохранились до наших дней, но есть данные, что к Михайлову дню текущего года Жерар передал

королю «милостивому и милосердному для возвращения своих земель» 2000 марок. Его жена Никола заплатила 300 марок «за право выдать дочь за человека по ее выбору, исключая врагов короны».

Последним обсуждаемым вопросом было ослабление власти Ричарда и ухудшение положения дел в связи с пленом и оскорблением, нанесенным императором. Возможно, в Англии уже стало известно, что Ричард готов был передать королевство Генриху VI, однако тот вернул Англию и пожелал, чтобы король принес ему оммаж и обещал выплачивать ежегодно 5000 фунтов стерлингов.

Бароны настаивали на повторной коронации Ричарда с целью развеять все сомнения в его спасении и действительной власти. Скорее всего, бароны вспомнили о короле Стефане, находившемся в плену у императрицы Матильды. После освобождения он провел вторичную торжественную коронацию в Кентербери на Рождество 1141 года. Несмотря на страстное желание вернуться на континент и начать борьбу с Филиппом за свои земли, Ричард неожиданно легко согласился провести церемонию. Он сообщил, что будет вновь коронован в Вестминстере 17 апреля, и приказал всем официальным лицам государства и тем, кто находился в осажденных им замках, явиться в Винчестер для встречи с ним на следующий день после торжества. После этого Ричард отбыл в Клипстон, где намеревался встретиться с Вильгельмом, королем Шотландии, и провести Вербное воскресенье, чтобы в полной мере насладиться празднеством.

Как сказано в некрологе о короле Ричарде, он был большим любителем церковных праздничных церемоний, следил, чтобы хор его личной часовни, который, разумеется, как и весь двор, всегда отправлялся вслед за королем, был красиво и богато одет. Аббат Рауль Коггесхолл пишет, что «король щедрыми дарами и приказами добивался от служителей чистого пения, одухотворенной манеры и сам подходил к хору и побуждал их жестами и окриками петь громче». Выражение «жестами и окриками» кажется мне несколько двусмысленным. Означает ли это, что Ричард, сам подпевая, показывал руками, что следует петь громче, или предпочитал раздавать оплеухи и таким образом управлял хором?

Два короля со своим сопровождением отбыли в Саутуэлл в понедельник, 4 апреля, а оттуда на следующий день в Мелтон-Мобрей. Ричард был в столь благожелательном расположении духа, что Вильгельм решился в очередной раз поднять вопрос о приграничных графствах Нортамберленд, Камберленд и

Уэстморленд, которыми должен был владеть «по праву преемника», поскольку так и не добился результата. Ричард, не желая обижать друга и союзника, ответил весьма уклончиво, сказав, что столь серьезное дело требует обсуждения с баронами.

Приятное путешествие королей продолжалось. В среду их развлекал Питер, главный лесничий Ратленда, в четверг они были уже в Геддингтоне, где решили задержаться, чтобы торжественно встретить Страстную пятницу. В субботу Ричард и Вильгельм прибыли в Нортгемптон. По окончании пышного празднования Пасхи Ричард в понедельник собрал членов совета для обсуждения притязаний короля Шотландии. Разумеется, ответ их был отрицательным, члены совета вынесли вердикт, что подобное невозможно, особенно в то время, когда враги короля активно действуют во Франции. С целью смягчить удар Ричард провел беседу с Вильгельмом в присутствии королевы Алиеноры, архиепископа Губерта Уолтера, епископа Гуго Дарэмского, епископа Глазго Жоселина и многих других английских и шотландских ноблей, желая также показать свое уважение к королю Вильгельму, несмотря на решение, вынесенное советом.

Во вторник 12 апреля король Ричард покинул графство и отправился на юг, где остановился в Сильверстоуне. Архиепископ Уолтер и епископ Гуго Дарэмский выехали в Бракли, где епископ последние тридцать лет держал приют. Пока слуги готовили ужин, явились приближенные короля Вильгельма и заявили, что намерены расположиться здесь, и попытались выгнать людей епископа. Шотландцы закупили продукты на рынке и разожгли очаг в другой части здания.

Когда прибыл епископ, ему доложили о произошедшем. Гуго, в чьих жилах текла королевская кровь, вскипел и воспротивился тому, чтобы в его доме хозяйничали шотландцы. Он приказал накрыть на стол и подавать ужин. Вскоре появился и архиепископ Уолтер. Понимая, что Вильгельм не в лучшем настроении после полученного от Ричарда отказа отдать ему северные графства, архиепископ посоветовал Гуго уступить и позволить Вильгельму быть гостем в его доме.

К несчастью, король Вильгельм, охотившийся в ближайшем лесу, узнал о недовольстве епископа. Разгневавшись, он повелел отдать приготовленную для него еду беднякам, а сам направился в Сильверстоун, чтобы немедленно пожаловаться Ричарду на оскорбительный поступок епископа.

Этим проявлением высокомерия епископ Гуго уничтожил расположение к себе короля, появившееся после взятия Тикхилла, а также благодаря его прочим заслугам для короны. Придя в ярость, Ричард обещал себе наказать епископа при первой

возможности.

13 апреля король добрался до Вудстока, на следующий день был уже во Фримантле, а 15 апреля прибыл в Винчестер. Его встречал с приветствиями Годфри де Люси, и король немедленно лишил его прав на замок Винчестер, а также двух поместий, купленных им в 1189-м, и большей части наследства. В исторических документах не сохранились записи о том, что Годфри совершил некий серьезный проступок, вызвавший гнев Ричарда. В конфликте между принцем Иоанном и Лоншаном в 1191 году Люси повел себя весьма благородно, сделав немало попыток примирить обе стороны, кроме того, он открыто осуждал предательские планы Иоанна и был одним из епископов, отлучивших принца от церкви в 1194 году. После потери влияния в государстве Лоншан часто обвинял Люси во многих своих проблемах, возможно, столь резкое поведение короля вызвано именно упрочением позиций канцлера.

После субботнего ужина Ричард покинул Винчестерский замок и отправился в монастырь Святого Свитина, где «после омовения остался на ночь». В Фомино воскресенье 17 апреля прошла вторая коронация Ричарда. На церемонии присутствовали два архиепископа, Губерт Уолтер Кентерберийский и Иоанн Дублинский, одиннадцать епископов из Дарэма, Линкольна, Лондона, Рочестера, Или, Чичестера, Эксетера, Херефорда, Вустера, Бангора и собора Святого Дэвида. Архиепископ Губерт и монахи монастыря Святого Свитина проводили короля в опочивальню в монастыре, где были подготовлены одеяние и регалии. Король переоделся, и архиепископ поместил в его левую руку золотой жезл с орлом, а в правую скипетр. Затем Губерт возложил на голову Ричарда корону.

Процессия из монахов, аббатов, епископов и архиепископов направилась в собор. Все пели достаточно громко, чтобы доставить удовольствие королю. За ними следовали четыре барона с подсвечниками, затем Вильгельм, король Шотландии с Гамелином, графом де Варенном по правую руку и Ванульфом, графом Честером, по левую; все трое несли мечи в золотых ножнах. Под шелковым пологом, закрепленным на четырех копьях, которые несли Роджер Биго, граф Норфолка, Гильом де Фор, граф Омальский, Вильгельм Лонгсворд, бастард Генриха II, граф Солсбери, и Уильям де Феррерс; справа от короля шел Гийом Лоншан, епископ Илийский, слева Ричард, епископ Лондонский.

Замыкали шествие бароны, рыцари и простые жители. Желающими увидеть короля собор заполнился до отказа. Ричард преклонил колено перед алтарем, и архиепископ произнес

традиционную молитву, начинающуюся словами: «Боже, храни короля». Архиепископ Кентерберийский и епископ Лондона проводили короля к трону в южной части алтаря. Затем архиепископ отслужил праздничную мессу, три дьякона пропели антифон «Христос побеждает», который обычно исполняли во время присутствия на богослужениях короля. Также Ричард сделал пожертвования и принял святое причастие.

Королева-мать Алиенора с придворными расположилась в северной части алтаря, откуда могла видеть сына. Королева Англии Беренгария на церемонии не присутствовала. Она отбыла со Святой земли приблизительно в то же время, что и Ричард, однако не вместе с ним, и отправилась в Рим, где провела полгода, затем уехала в Палестину, где, очевидно, и оставалась до этого времени. Принц Иоанн, разумеется, скрывался во Франции у своего союзника короля Филиппа. За день до коронации Ричард предупредил архиепископа Джеффри, чтобы перед ним ни в коем случае не несли крест архиепископа, поскольку они находились в Кентербери. Джеффри не мог отказать себе в удовольствии продемонстрировать свою власть, потому попросту не присутствовал на церемонии. Его примеру последовал и епископ Годфри, впавший в немилость из-за интриг Лоншана, хотя празднества прошли в его соборе.

Несмотря на то что историки называют торжество коронацией, это не была церемония, проведенная по всем правилам, как в сентябре 1189 года, когда Ричард был миропомазан архиепископом Кентерберийским и дал клятвы, что не могло быть проделано дважды, в отличие, например, от рукоположения епископа, также проходящего со строгим соблюдением деталей обряда. Произошедшее можно скорее сравнить со старым ритуалом возложения короны, что последний раз происходило в 1158 году в Вустершире с Генрихом II, однако о нем забыли, так давно это было, информация сохранилась лишь в архивах Кентербери, вместе с записями о вторичном короновании в 1141 году Стефана.

Джервейс Кентерберийский, монах и ризничий, вероятно, должен был располагать информацией и знать детали церемонии повторной коронации Стефана, проведенной с целью очистить доброе имя и честь короля, запятнанные после пленения императрицей Матильдой. Джервейс указывает на явное сходство положения Стефана и Ричарда, недавно вернувшегося из плена.

Однако наиболее важной целью коронации было продемонстрировать народу здравствующего короля и его величие, предстать перед подданными в короне в окружении епископов и баронов королевства и показать таким образом

неутраченную власть действующего монарха. Король был помазанником Божьим; коронация проходила в церкви, и обряд демонстрировал связь народа через короля с Богом, в этом просматривается идентичность, в некоторой степени, с обрядом рукоположения епископа. Король в глазах его подданных был подобен Богу, и для сохранения этого ореола и укрепления веры в короля повторная церемония коронации подходила как нельзя лучше. Народ признал существование «Божественного ореола», окружавшего короля, и это было частью привилегированного положения Ричарда, он, безусловно, ставил себе цель усилить эффект. Как отмечает Рауль Коггесхолл, на проведении повторной коронации настаивал в большей степени Королевский совет, Ричард же, стремившийся как можно скорее выступить против Филиппа, покушавшегося на его территории, дал свое согласие весьма неохотно.

После завершения традиционной церемонии в соборе король был сопровожден в свои покои, где он снял тяжелую корону и торжественные одежды и облачился в более легкое одеяние. Затем в сопровождении епископов, графов и баронов он прошел в трапезную, где был дан пир не менее пышный, чем в 1189 году. После продолжительных дискуссий между жителями Лондона и Винчестера лондонцы, вернее сказать, представители знати, выплатили 200 марок за право прислуживать на пиру, подавая провизию из кладовой, а жители Винчестера управляться на кухне. После ужина король вернулся в Винчестерский замок, конфискованный у епископа Годфри.

Как мы знаем, своим непочтительным поведением в отношении короля Шотландии епископ Гуго Дарэмский вызвал гнев Ричарда. В четверг 19 апреля епископ «по доброй воле и без малейшего принуждения» передал королю графство Нортамберленд, за которое четыре года назад обещал выплатить 2000 марок, но так этого и не сделал.

Король Шотландии узнал об этом и сразу предложил Ричарду 15 000 марок за графство и «прилегающие угодья», не преминув напомнить, что его отец, Генрих, граф Хантингтон, получил его в дар от короля Генриха II, а его брат, король Малкольм, сохранял в нем мир на протяжении пяти лет. Ричард обратился к совету с вопросом, можно ли передать Вильгельму владение графством без замка за 15 000? Однако короля Шотландии не интересовали земли без замка, не дающие права на титул, потому он отклонил обсуждение подобного предложения.

Следующий день, среду 20 апреля, Ричард посвятил разбору дел плененных в Ноттингеме, Тикхилле и других местах и привезенных в Винчестер для совершения правосудия. Король

позволил освободить тех, чья вина была минимальна, если они смогут представить поручителей, готовых выплатить 100 марок, если виновные не явятся по первому требованию судей. Богатых и знатных Ричард, разумеется, не был готов так легко отпустить. Он приказал, чтобы их держали в темнице до оплаты установленного королем выкупа, сумма которого, вне всякого сомнения, была достаточно высока, чтобы принести ему существенную прибыль. В казначейских свитках указаны расходы в 29 шиллингов 9 пенсов на кандалы и цепи для заключенных в Винчестере. Поместья, земли которых могли бы возделываться и приносить доход, были конфискованы; их было так много, что пришлось назначить двух лиц для надзора за выморочным имуществом. За южными землями следить поручалось Уильяму де Сент-Мер-Элизу, Гуго Бардолфу – за северными. Все доходы поступали напрямую в казначейство.

Король Вильгельм проявил упорство и в четверг вновь обратился к Ричарду с просьбой передать ему с графством Нортамберленд замок, но вновь получил отказ. Король Англии втайне надеялся, что после разрешения проблем в Нормандии он сможет дать Шотландии ответ, который будет встречен с радостью. «В скорби и недоумении» в связи с ответом Ричарда король Вильгельм 22 апреля отбыл в Шотландию.

Тем временем в Англию приходили все более тревожные вести о положении дел по ту сторону пролива. 22 апреля Ричард покинул Винчестер и направился в Портсмут. На следующий день на встречу с братом прибыл архиепископ Джеффри. Он появился с процессией, перед ним несли архиепископский крест, несмотря на то что он находился не в своем графстве. Архиепископ Губерт немедленно пожаловался королю, однако тот не пожелал вступить в спор на тему, касающуюся церкви, он вообще не был сторонником вмешательства в конфликты, если не попирались его права, поэтому заявил двум архиепископам, что принятие решения не в его власти, и разрешил обратиться к папе. В то время Джеффри еще не потерял расположение короля, о чем свидетельствует факт возвращения ему Ричардом Боже и Лонж в Анжу, которых лишил когда-то в приступе гнева. Разумеется, король был посвящен во все детали конфликта между братом и канцлером Гийомом Лоншаном, поскольку Джеффри не раз жаловался королю на отношение Лоншана, который, в свою очередь, не упускал случая напомнить Ричарду, каким постыдным образом был изгнан из Англии. 24 апреля, вновь услышав жалобы Джеффри, король велел им «заключить наконец мир» и заставил канцлера поклясться в присутствии сотни клириков, что «он не желал пленения архиепископа Джеффри и никогда не отдавал

подобного приказа».

Когда конфликт был улажен, король Ричард, королева Алиенора с приближенными отправились в Портсмут, где для них уже были готовы дома, на что было потрачено 100 фунтов.

В порту уже собиралось войско короля. Оно состояло в основном из трети владельцев феодальных поместий, не пожелавших откупиться от воинской повинности, преимущественно валлийцев. Людей, лошадей, провизию, оружие предстояло погрузить на корабли и отправить на континент. В ожидании завершения отбытия армии Ричард отправился на охоту в Станстед. В отсутствие короля начались раздоры среди призванных на службу солдат, и ему пришлось вернуться для наведения порядка.

Когда скандалы и стычки прекратились, поднялся шторм такой силы, что флот не мог выйти в море. Ричард терял терпение и с трудом переносил вынужденную задержку. Несмотря на то что буря не стихла, в понедельник 2 мая король приказал грузить на борт людей и лошадей. Вопреки настоятельным советам капитанов, король отошел от берега на своей ладье и направился навстречу стихии. Устав от невыносимой качки за день и ночь, король принял решение вернуться в Портсмут. Шторм закончился лишь через неделю.

Как только ветер стих, в четверг 12 мая король Ричард с матерью, сопровождавшими их рыцарями и войском отплыл со своим флотом в сто судов и сошел на берег в Барфлёре. Король Ричард больше никогда не вернется в Англию, как и его мать при жизни сына; она отойдет от государственных дел и проведет оставшиеся годы его правления в Фонтевро.

Напомню, что Гуго Дарэмский отказался от графства Нортамберленд «по доброй воле и без малейшего принуждения». Когда Ричард покинул Англию, епископ стал жалеть о содеянном и послал к королю гонца с предложением выкупить графство за 2000 марок. Неизвестно, предполагал ли он выплатить эту сумму дополнительно к тем 2000, которые был должен, или изъявил желание отдать то, что обещал.

Гуго Бардолф, один из юстициариев короля, назначенный им шерифом Нортамберленда после того, как Гуго Дарэмский отдал графство, стал требовать, чтобы Нортамберленд, а также Ньюкасл-апон-Тайн замок Бамборо были переданы ему во временное владение. Вернувшись, гонец Гуго Дарэмского доставил письмо от Ричарда, в котором тот выражал сомнение в целесообразности предложения епископа и его платежеспособности. Однако король поручил Бардолфу вернуть графство Гуго и удостовериться, что тот готов внести залог,

гарантирующий скорую оплату всей суммы.

Гуго Бардолф, не владевший ни графствами, ни ценными бумагами, обратился к епископу Дарэмскому с просьбой отдать ему Нортамберленд, как и было обещано в апреле в Винчестере. Получив право владения, обещал Бардолф, он передаст графство Гуго, как и приказал король, но лишь в случае, если епископ сможет доказать, что выплатит 2000 марок.

– Какой смысл, – восклицал Гуго Дарэмский, – отдавать тебе графство и замок, если ты сразу вернешь его мне? Они уже принадлежат мне, будет так и впредь.

Бардолф доложил об этом королю. Ричард пришел в ярость и заявил, что епископ Гуго должен немедля вернуть графство и замок и выплатить при этом обещанные 2000 марок, а также отдать поместье Садбердж, купленное им у короля в 1189 году.

Архиепископ Джеффри был под защитой короля лишь на время пребывания брата в Англии. Как только Ричард покинул страну, враги Джеффри почувствовали силу, поскольку король наделил высшей властью архиепископа Губерта Уолтера, бывшего на момент рукоположения нового архиепископа деканом Йоркского собора и возглавлявшего оппозицию, выступавшую против Джеффри. Каноники капитула Йорка вновь выдвинули обвинения в адрес архиепископа, на которые король ранее не обратил никакого внимания, но на этот раз высказали их главному юстициарию, который к ним прислушался. Губерт отправил в Йорк комиссию – Роджера Биго, графа Норфолка, Гамелина де Варенна, Уильяма де Стутевилла, Гуго Бардолфа, Уильяма Брюэра, Джеффри Гакета и Уильяма Фицричарда – с целью проверить правдивость всего, что говорили. По их приказу люди архиепископа Джеффри, конфисковавшие имущество непокорных каноников, отказавшихся вносить свою долю в выкуп короля, были арестованы и обвинены в грабеже. Несмотря на то что действовали слуги архиепископа по его приказу, ему было отказано в просьбе выступить их поручителем.

На слушание суда вызвали и самого архиепископа, находившегося на тот момент в Рипоне, однако Джеффри счел юстициариев не вправе вмешиваться в его отношения с капитулом и тем более выносить решения, поэтому не подчинился. В наказание его лишили всех владений, за исключением Рипона, и поручили Уильяму де Стутевиллу и Джеффри Гакету временно управлять графством Йорк и владениями архиепископа.

В довершение юстициарии лишили мест непокорных каноников, противившихся распоряжениям Джеффри, за то, что они отказывались проводить богослужение и внести вклад в дело

освобождения короля. Каноники совершили большую ошибку, отказавшись выполнять свои обязанности, исправить ситуацию в их пользу не могли даже юстициарии, получившие от Губерта Уолтера инструкции всеми возможными способами унизить архиепископа Джеффри. Даже отбросив рассуждения о законности действий судей, очевидно, что они не могли распоряжаться судьбой каноников капитула без согласия архиепископа, даже несмотря на то, что поступали так по велению архиепископа Уолтера, который также не знал обо всех тонкостях дела и не всегда имел возможность урегулировать конфликт вне зависимости от того, выступал ли он как верховный юстициарий или архиепископ.

Описание сложившейся ситуации Роджером Хоуденским вызывает сомнение, поскольку ему противоречат данные казначейских свитков за тот год. Как указывает леди Стентон в своем предисловии к этому документу: «Если рассказ Роджера Хоуденского правдив, то доходы с земель архиепископа Йорка должны быть значительно выше к Михайлову дню 1194 года. Очевидно, что надзорные за владениями Джеффри произвели подсчеты доходов не всех его земель, как личных, так и пребенд архиепископа». Джеффри Гакет представил цифры, отражающие доход двух владений архиепископа за половину года, а Уильям де Стутевилл произвел подсчеты в Рипоне за полгода и прибавил доход со всех земель архиепископства за год, чего, скорее всего, они не делали, если Джеффри был лишен владений в конце августа или начале сентября, те даты, в которые и разворачивались описываемые события. Более того, Джеффри сохранил должность шерифа Йоркшира, помощником его был Роджер Барвент.

Существует также вероятность, что Джеффри был лишен прав владения задним числом, когда доходы уже были учтены. Если архиепископ получил деньги из Шерберна, Отея и Рипона к Пасхе и отложил подсчет доходов с остальных земель до Михайлова дня, то Гакет и Стутевилл могли получить данные о не учтенных ранее доходах лишь к этому времени, потому и представили данные за половину года и целый год, хотя конфискация была проведена ранее. Король Ричард и его подчиненные были заинтересованы в сборе как можно больших сумм, нежели в неукоснительном соблюдении законности.

Роджер Хоуденский, вероятно, был хорошо осведомлен о событиях в Йоркшире, и его воспоминаниям можно доверять. Он весьма уверенно пишет о лишении Джеффри прав собственности, что подтверждает и Джервейс Кентерберийский: «В месяце августе архиепископ Джеффри по высочайшему королевскому

приказу (*mandato regio*; у Роджера Хоуденского *auctoritate regia*) лишился всех пребенд, полученных им как архиепископом Йорка. Король Ричард также потребовал от своего брата уплаты тысячи марок серебром, а по слухам, даже более. Джеффри отправил посланников в Рим к папе, однако не смог ни примириться с братом, ни вернуть себе владения. По этой и другим причинам юстициарии вызвали одного из разъездных судей, которые по приказу архиепископа Кентерберийского в течение месяца должны были объехать всю Англию и решить насущные проблемы в королевстве».

Через месяц после столь сокрушительного удара в августе, полученного от верховной власти, архиепископу Джеффри пришлось отражать серьезные нападки его врагов в капитуле. Гамо, регент хора Йоркского собора, Жоффрей де Мюшам, архидьякон Кливленда, и Уильям Тестард, архидьякон Ноттингема, вернулись в Йорк из Рима, куда ездили вместе с Симоном Апулийским и другими членами капитула, чтобы передать свои жалобы на Джеффри папе. Они привезли с собой несколько писем от Целестина III и предполагали разглашать его волю с интервалами, как только представится возможность использовать их с большей пользой. В одном из писем папа снимал интердикт с каноников, наложенный архиепископом Джеффри, а также с их церквей и повелевал вернуть собственность, отобранную Джеффри. Епископ Гуго де Пюйсе, которому было доверено оглашение указов, отслужил мессу в Йоркском соборе в Михайлов день и объявил прихожанам решение папы.

Джеффри немедленно отправил жалобу в Рим и сразу же отбыл в Нормандию, чтобы доложить обо всем королю лично. 3 ноября Ричард написал юстициариям, что Джеффри смог помириться с ним, заверив в преданности и предложив в качестве подтверждения 2000 марок в счет выплаты долга, в связи с чем король приказывал вернуть архиепископу все его владения.

Жоффрей де Мюшам считался одним из друзей архиепископа и обязан был ему должностью архидьякона Кливленда. Теперь же архидьякон перешел на другую сторону, в связи с чем архиепископ Джеффри с сожалением говорил брату, что когда-то, будучи канцлером, он ставил печать на грамоты о назначении Жоффрея де Мюшам архидьяконом Кливленда, Уильяма Стиганби и преподобного Эрара канониками Йоркского капитула.

Ричард, несомненно не без влияния Джеффри, немедля отдал приказ лишить трех клириков их бенефиций и велел им вернуть весь полученный от земель доход. Роджер Хоуденский приводит текст письма короля, написанного в Маме 3 ноября 1194 года,

однако в июне 1195 года Жоффрей де Мюшам все еще занимал должность архидьякона в Кливленде, а каноники по-прежнему получали деньги со своих владений. В казначейских свитках 1195 года указано, что они должны выплатить 100 фунтов «за возвращение расположения короля и прибыли», что подтверждает невыполнение указа короля.

Оставшиеся годы правления брата архиепископ Джеффри провел за пределами Англии, потому нам придется расстаться с этим героем, однако в связи с раздорами и конфликтами, которые еще вспыхнут в Йорке, его имя будет иногда встречаться на страницах этой книги.

Разногласиям архиепископа Джеффри с капитулом было уделено мной так много времени, поскольку эти события ярко демонстрируют недостатки церкви в Англии того периода, а также злодеяния, связанные с укреплением и расширением папской власти, растянувшейся почти на столетие. Централизация управления церкви была по многим причинам благом и необходимостью, однако процесс, к сожалению, сопровождался пагубными деяниями, и примером тому случай Джеффри.

Причина большинства проблем единоутробного брата короля в его характере и взрывном темпераменте. Он был нетерпелив, несдержан, к тому же много лет был рядом с отцом и находился в непосредственном подчинении ему, после же ему было сложно найти свое место в жизни, к тому же будучи лишенным приоритета официальной принадлежности к королевскому роду. Еще одну проблему представляет капитул Йорка, вероятно состоящий из людей склочных и упрямых, каких было предостаточно по всей Англии, изначально настроенных против нового архиепископа и недовольных назначением. Однако основа всех трудностей архиепископа Джеффри кроется в его неспособности исполнять возложенные на него обязанности. Однажды он отказался от епископства; ни наклонности, ни подготовка этого человека не подходили для такой должности, Джеффри согласился подчиниться воле брата лишь под давлением силы и угроз, у него не было другого выхода.

Данный пример еще раз указывает, сколь злонамеренными и вредными для общего блага были действия духовных лиц в Англии того времени. Несмотря на видимость свободных выборов епископов, они почти всегда назначались королем; это право действовало лишь в небольших, бедных епархиях, там клирики могли сами решать, кто станет их епископом. Принимая решение, король редко обращал внимание на такие важные критерии, как праведность и степень учености кандидата, однако были и

исключения, особенно в период правления Генриха II, пример тому – назначение Гуго Авалонского епископом Линкольна. Как правило, должности раздавались королем в качестве награды за преданное служение подданным, заслужившим расположение и благодарность своими способностями в управлении или на дипломатическом поприще, а также усердным трудом в казначействе или Королевском суде.

Должность была наградой от короля и давала шанс проявить себя и в дальнейшем. В большинстве случаев назначаемые люди отличались лишь рвением и желанием угодить королю, интересы же епархии были далеко не на первом месте. Как мы можем видеть, Губерт Уолтер посвящал себя в большей степени исполнению обязанностей верховного юстициария, а не архиепископа Кентерберийского, основные его действия и указы разумны скорее с точки зрения лица светского, нежели духовного. Правда состоит в том, что в исторических документах никто из хронистов не отмечает, что Губерт Уолтер пренебрегал своими обязанностями архиепископа, но недоумение вызывает то, что он находил достаточно времени для поддержания порядка в делах.

В результате действия принятой системы назначения епископов церковь получила хороших управленцев и администраторов, но, к сожалению, ничего более, и это случалось все чаще. Большую часть времени епископы старались проводить в суде или рядом с королем, чтобы по возможности услужить монарху, а не в своих епархиях, которые, надо сказать, от этого значительно теряли. Многие епископы были сведущи в законах, в том отчасти был и отрицательный аспект, поскольку знания заставляли их рьяно следить за соблюдением закона и приводили к необоснованно затяжному сутяжничеству. Видение предмета во всех деталях заставляло их действовать с максимальным упорством, добиваться цели, азартно бороться с врагом, иногда воображаемым, и тратить время и деньги на прохождение всех этапов, которые только существовали в суде того периода.

Хронисты того времени не раз писали о подобных конфликтах и ссорах, однако никогда не указывали, каковы были негативные последствия для епархии в целом и что думали простые прихожане, видя, как ведут себя их пастыри, как никогда не рассказывали нам о реакции сторонних наблюдателей за происходящим. Любопытно, что, например, думали жители Йорка, наблюдая сцены раздора и проявления жестокости, разыгрывавшиеся у них на глазах людьми, основной задачей которых была забота о душах, вверенных им свыше? Могли они после этого испытывать уважение и благоговение, видя, как клирики бездумно предают анафеме каждого неугодного, не

выполняют свои обязанности, не проводят богослужения и делают все возможное, чтобы наказать недругов?

Историки с гордостью заявляют, что в Англии того времени не было ереси, она не распространилась, как, например, «альбигойская ересь» на юге Франции и в других регионах Европы, однако безразличие и пренебрежение в церкви не менее вредно, а этого в Англии было предостаточно. Чосер, как известно, использовал более сильное выражение: «Коль пастырь вшив, а овцы стада чисты?» Возникает вопрос, как обстояли дела с религией в графстве Йоркшир или таких епархиях, как Или и Ковентри?

Впрочем, даже если бы епископы были такими, какими должны, централизация власти в руках папской курии настолько ослабила их влияние, что могла позволить себе игнорировать епископов почти безнаказанно. В определенной степени централизация была необходима церкви во избежание анархии, нельзя не согласиться с тем, что реформы, сторонником и начинателем которых бы папа Григорий VII, были очень важны в тот непростой для церкви период. Папы настаивали, чтобы их решения, проявления их воли стали законом для всех христиан, власть же епископов в связи с этим слабела по двум причинам: во-первых, в связи с участившимися обращениями в Рим, во-вторых, с увеличением случаев, считавшихся исключительными.

Обращение епископа или другого духовного лица за правосудием к папе давало гарантию, что вынесенное решение будет справедливым, и утверждало в мысли, что в церкви действует единый для всех закон. Апелляция в Рим также была способом задержать решение вопроса на неопределенный срок, лучше всего это правило действовало, если обе стороны были богаты и терпеливы. Обращение к папе было предприятием затратным, оно включало расходы на поездку в Рим, кроме того, как часто отмечают летописцы, требовало денег на богатые подарки членам курии, потому победителем чаще выходил человек, владевший большим капиталом.

Жалобы рассматривались священнослужителями, знавшими обстоятельства дела настолько, насколько пожелали их посвятить обе стороны. Но хуже всего то, что их действия ослабляли авторитет епископов, чей вердикт в любом случае можно было подвергнуть сомнению, пересмотреть, и это заставляло епископов тратить много времени и денег на свою защиту. Даже если папа принимал сторону епископа, ультимативные действия оппонентов могли способствовать затягиванию дела на годы.

Священники поняли опасность огромного количества подаваемых жалоб и пытались уменьшить их число, назначая

представителей на местах для рассмотрения дела и выноса решения, которое запретили оспаривать. Однако порой своими действиями они уничтожали то хорошее, что было в этой процедуре, принимая протесты, несмотря на запрет. Ситуация с архиепископом Джеффри также демонстрирует, как много лет нарушалась процедура подачи жалоб и апелляций.

Еще одним фактором, ослабляющим власть епископов, было предоставляемое курией освобождение от подчинения им определенных групп лиц, как правило монахов, и позволение держать ответ лишь перед папой или его легатами, минуя епископов. Это защищало монастыри от произвола в случае негативного к ним отношения, но в то же время искусственно создавало обособленную общину, неподвластную епископу. Епископов, как правило, мало интересовали внутренние дела монастырей, если только они не получали возможность устанавливать собственные церковные порядки, они активно вмешивались, когда монахи вели дела в приходской церкви по собственному усмотрению, опираясь на данное им папой право исключительности – это и становилось причиной большинства конфликтов.

Помимо разногласий Джеффри с капитулом его положение осложнялось еще и тем, что в глазах брата и верховного юстициария его поведение было лишь неуместным проявлением своенравия. Архиепископ Губерт Уолтер относился к Джеффри в высшей степени предвзято. Епископ Стаббс называет это «самым ярким примером властного, порой деспотичного отношения за все время правления Уолтера, хотя у него не было на то ни моральных, ни правовых оснований». Возможно, архиепископ Губерт действовал так не по собственной инициативе, а по велению короля. Отношение же Ричарда было основано на стремлении получить как можно больше денег от единоутробного брата, к чему в результате и приводила частая смена настроений короля, то проявлявшего милость, то наказывавшего Джеффри.

Так или иначе, но ситуация в Йорке запуталась настолько, что разрешить проблему смог бы только гений в сфере законодательства. Архиепископ Губерт, обладавший, помимо прочих достоинств, умением мыслить практично и здраво, решил спешно навести хотя бы видимость порядка или, по меньшей мере, заставить каноников вернуться к своим обязанностям, что Джеффри сделать уже не мог.

Теперь, когда Ричард отбыл в Нормандию, а управление государством легло фактически на его плечи, Губерт Уолтер принялся действовать активно и с большим энтузиазмом. Его талант управленца ярко вспыхнул летом 1194 года, когда он

отправил разъездных судей по стране, поручив навести порядок и проверить все судебные дела. Даже в смутные времена, до вступления Уолтера в должность система продолжала функционировать, однако без твердой руки уже не столь эффективно, кроме того, огромная территория королевства, находящаяся в ведении принца Иоанна, оставалась без контроля юстициариев. Принимавшие участие в бунте против евреев в 1190 году не понесли наказание должным образом; собственность убитых евреев была учтена не полностью; без надзора оставалось выморочное имущество, права на которое получил король; не был также произведен подсчет всех перешедших на сторону принца Иоанна. Стремление короля продать как можно больше должностей и протекции канцлера Лоншана в итоге позволили занять ответственные позиции в государстве людям, злоупотреблявшим властью, и такие случаи предстояло выявить и исправить.

Материалы по результатам выездных сессий суда за 1194 год можно считать наиболее важным документом за весь период правления Ричарда. Они были собраны Губертом Уолтером, лучшим экспертом того времени по вопросам права в Англии, с целью совершенствовать работу системы, созданной и отлаженной Генрихом II.

Предисловие посвящено регуляции работы присяжных, они стали предшественниками созданной позднее расширенной коллегии присяжных. Создание и регулярное привлечение присяжных стало величайшим и долгоживущим вкладом Генриха II в формирование английской законодательной системы. Приведение к клятве использовалось в Англии еще до Нормандского завоевания, однако именно при Генрихе II процедура стала общепринятой и обязательной.

В статье VI Кларендонских конституций 1164 года Генрих II несколько преждевременно пытался ввести систему присяжных и в суды церковные. Установленная им процедура была довольно простой. Шерифы собирали двенадцать полноправных граждан, давших присягу в качестве свидетелей или обвинителей. Истец имел право приводить в суд благонадежных людей с хорошей репутацией, например друзей или соседей, для подтверждения собственной невиновности. В присутствии епископа они давали клятву правдиво отвечать на все задаваемые им вопросы. Также епископ имел право требовать ответа по делам, связанным с преступлениями против морали, находившимися в компетенции суда церковного. К тому же «если истец по роду и положению находится в ситуации, когда никто не осмеливается его обвинять», он в любом случае может быть привлечен к суду

епископом, который должен представить факты, полученные от свидетелей и присяжных, не желавших раскрыть себя. Такая система защищала свободного человека от наговоров и ложных обвинений священнослужителей, запятнавших свою честь и репутацию, а также гарантировала, что правосудия не избежит и человек знатный и влиятельный. Кларендонские конституции стали причиной конфликта между Генрихом II, Томасом Бекетом и папой, что и задержало введение их в действие.

Два года спустя, в 1166-м, в статье I Кларендонской ассизы Генрих II ввел постоянное привлечение присяжных к рассмотрению дел в светском суде. Каким образом следует находить присяжных, не оговаривалось, однако, как правило, их выбирали шерифы; в статье указывалось, что необходимо представить двенадцать полноправных людей из сотни и через посредство четырех полноправных людей каждой деревни под клятвой, что они будут говорить правду. Затем судьи и шериф обращались к нему с вопросом: «Есть ли в их сотне или в их деревне какой-либо человек, которого на основании фактических данных или по слухам обвиняют в том, что он разбойник, тайный убийца или грабитель или такой, который есть укрыватель разбойников или тайных убийц или грабителей после того, как государь король стал королем?»

Нортгемптонская ассиза 1176 года в большей степени повторяет положения Кларендонской ассизы, однако в статье I есть весьма существенные дополнения. Согласно статье следовало, предположительно шерифам, выбирать двенадцать рыцарей из сотни, а если таковых не найдется, то «двенадцать свободных полноправных людей», к ним добавлялись четыре человека из каждой деревни, все шестнадцать должны были допрашиваться судьями. К перечисленным ранее разбою, убийству и грабежу добавлялись подлог, поджог и измена, эти дела также надлежало рассматривать в утвержденном порядке.

Несмотря на то что в Кларендонской ассизе указывалось, что присяжных должны допрашивать шериф и судьи, в Нортгемптонской ассизе упоминаются лишь судьи. Между датами выхода двух ассиз произошло еще одно важное событие – так называемое «Дознание шерифов» 1170 года, раскрывшее так много случаев злоупотребления властью и недобросовестности, что Генрих лишил должности почти всех шерифов и поставил новых. Шерифы были самым слабым звеном системы из-за взяточничества и растрат, и Генрих использовал разные способы изменить ситуацию, от тщательной проверки кандидатов и назначения на должность людей проверенных до существенного сокращения их полномочий.

Должности шерифов были выгодными и прибыльными, об этом можно судить по суммам, за которые их покупали. Шериф, как главный представитель короля в графстве, занимался сбором налогов с землевладельцев и штрафов, назначенных судьями, а затем отправлял деньги в казначейство. Сумма выплат с графств к тому времени четко определилась и была значительно ниже получаемого дохода. В правление Ричарда – период роста цен и производительности сельского хозяйства – разница стала еще очевиднее, и король, как мы видим, стремился ее сократить, продавая должности по высочайшей цене и требуя увеличения налога.

В ранние годы правления Генриха II на должность шерифов назначали местных баронов, феодалов с крепкими связями, но лиц заинтересованных, а следовательно, неспособных относиться к своим обязанностям беспристрастно. Радульф Дицетский рассказывает о различных приемах и уловках короля Генриха, он менял людей на должностях, назначая выходцев то из одного класса, то из другого, стараясь найти тех, на кого можно положиться, кто был бы честен при сборе налогов в графстве и беспристрастен во время рассмотрения дел в суде.

Поскольку таких людей было не только сложно найти, но и заставить не поддаться соблазну, Генрих значительно урезал полномочия шерифов и передал их функции разъездным судьям – небольшой группе людей, рассматривающей дела в разных регионах страны, подчинявшейся непосредственно королю, а также имевшей возможность относиться непредвзято.

В Нортгемптонской ассизе содержатся первые попытки ограничить полномочия шерифов; так, присяжных со стороны обвинения могут допрашивать только судьи, несмотря на то что отбором их занимались шерифы.

Великая ассиза 1179 года предусматривала рассмотрение дела феодала в случае захвата его имущества в присутствии присяжных рыцарей, а не, как было принято ранее, присяжных ответчика. Эти люди больше не выбирались шерифом, это означает, что доверие к шерифам Генриха II уменьшилось, однако им все же было доверено выбрать четырех добропорядочных и правдивых рыцарей, которые, дав клятву, по своему усмотрению выбирали двенадцать законопослушных рыцарей. Эти двенадцать и становились присяжными, после клятвы им могли задавать вопросы судьи.

Инструкции для проведения выездной сессии суда 1194 года первым делом касались выбора присяжных; очень важно, что Губерт Уолтер, автор этих инструкций, использовал принципы, заложенные Генрихом II, с которыми был хорошо знаком

благодаря работе со своим дядей, Ранульфом Гланвиллом. Губерт решил, что настало время сделать следующий шаг вперед и уйти от избрания присяжных шерифами. Он повелел, что четыре рыцаря должны быть из разных графств, после принесения клятвы им предстояло избрать двух законопослушных рыцарей из сотни или округа графства. Два рыцаря, в свою очередь, выбирали десять рыцарей из сотни или округа, свободных и достойных, им и предстояло вместе с двумя стать двенадцатью присяжными и, принеся клятву, говорить правду, дать ответы на вопросы судей по существу дела.

Смысл этого положения во многом зависит от того, что понималось под словом «выбрать» (eligere). Епископ Стаббс уверен, что «четырех рыцарей выбирал суд графства». Довольно странно, поскольку в этом случае организация процедуры судебного процесса представляется бессмысленной и слишком сложной: выбираются сначала четыре рыцаря, затем они выбирают двух, а те десять. Если руководствоваться положениями более ранней ассизы, кажется странным, что Губерт Уолтер ввел подобные новшества, впрочем, возможно, он хотел таким образом добиться больших гарантий непредвзятости участников процесса. Учитывая прежние проблемы с шерифами, можно предположить, что Уолтер хотел отдалить присяжных от влияния шерифов. С другой же стороны, этого влияния невозможно было избежать полностью, поскольку шериф контролировал все графство и лучше всех знал, кто из рыцарей способен должным образом исполнить обязанности присяжного и каковы его родственные связи и интересы.

Другими словами, если рыцари избирались непосредственно судом графства, было бы разумнее поручить судьям выбирать всех присяжных сразу.

Скорее всего, в данном случае слово «выбирать» имеет значение «отбирать», шериф же назначал четырех рыцарей по своему усмотрению. В любом случае читателю не стоит приписывать процедуре выборов XII века демократические черты выборов века XIX и XX, когда побеждал кандидат, набравший большее число голосов. Каждый голос в XII веке был взвешен, что мы видим по процедуре выборов епископа монахами, когда мнение почитаемого и мудрого члена общины, *seniores et seniores* имело большее значение, чем молодого и неопытного. В большинстве случаев принимался лишь единогласный вариант избрания, хотя с уверенностью можно сказать, что ни одна процедура выборов не обходилась без жарких споров и жульничества. Также видится сомнительным, что выборы судьями рыцарей проходили простым путем поднятия рук. Шериф и

бароны графства имели достаточно средств, чтобы продвинуть свою точку зрения и убедиться, что она будет принята во внимание.

Итак, если первые четыре рыцаря назначались шерифом или избирались под его контролем судом графства, нет ничего удивительного в том, что Губерт Уолтер пожелал избавить присяжных обвинения от возможного давления на них шерифа.

После избрания все присяжные давали клятву говорить только правду, затем им предстояло ответить на вопросы, перечень которых был приведен в основной части документа Губерта Уолтера. Характер и постановка вопросов говорили о том, что их составил человек блестящего ума и, безусловно, способный управлять государством после периода хаоса, а также желающий сделать все возможное, чтобы улучшить положение во всех сферах, но прежде всего заботящийся о благополучии короны и возвращении всех доходов, которые король терял из-за коррупции и неумелого администрирования.

Первые две статьи документа посвящены судебным искам короля, поданным давно и недавно, а также находящимся в рассмотрении. Иски были связаны с преступлениями, находящимися в юрисдикции Королевского суда или юстициариев короля: хищения, убийства и разбой, как отмечается в статье I Кларендонской ассизы, и подлог, поджог, измена, добавленные в статье I Нортгемптонской ассизы, а также укрывательство совершивших вышеуказанные деяния. Губерт Уолтер ставил перед собой задачу разобраться со случаями, накопившимися за последние годы, когда иски были поданы в Королевский суд или поступили из других судов, поскольку находились в компетенции королевских судей, а также иногда по приказу, например приказу о незаконном лишении имущества нового владельца («О смерти предшественника»), когда дело, рассматриваемое в графстве, принадлежащем лорду, передавалось в Королевский суд.

Несколько отдельных статей четко указывали, как поступать с самими преступниками и людьми их укрывавшими (статья VII), фальшивомонетчиками (статья VIII), ростовщиками в случае смерти, их имуществом, которое конфисковалось в пользу короны (статья XV), также торговцами вином и другими вещами, обманывавшими покупателей (статья XVI). Попытки получить все задолженности в выплатах по судебным решениям заставили Уолтера еще раз акцентировать внимание на Великой ассизе, а именно статье, в которой идет речь о владельцах земли стоимостью сто шиллингов и меньше (статья XVIII) и невыполнении обязательств теми, кто не смог оплатить штраф

или подал апелляцию (статья XIX).

Статьи с III по VI регулируют действия с попечительством, представлением кандидата на церковную должность, выморочным имуществом и приданым, переходящими короне, все учтено предельно четко, чтобы права короля ни в коем случае не были ущемлены и, разумеется, все доходы были получены. А это было чрезвычайно важно. Выморочными становились земли, чей хозяин бежал из Англии или предоставил их в качестве оплаты за некое злодеяние. Назначение кандидата на церковную должность было основным способом власти отблагодарить тех представителей духовенства, которые наилучшим образом справлялись с бумажной работой, если так можно выразиться, увеличение которой было следствием централизации церковной власти. Если на момент кончины владельца лена его наследник не достиг двадцати одного года, то опека над ним переходила королю и весь доход с земель, кроме суммы, необходимой на его личные нужды, также поступал в казну. Замужество дочери умершего ленника, находящейся также под опекой короны, как и замужество его вдовы, служило для короля источником дохода; часто несчастных женщин, словно лот на аукционе, отдавали желавшему заплатить более высокую цену, а тем, кто не имел склонности к супружеской жизни, приходилось заплатить еще больше, чтобы не выходить повторно замуж.

Наиболее важные положения документа касаются евреев. Мной уже упоминалось, что к бунтам, прошедшим в первый год правления, Ричард и его советники относились со всей серьезностью, так как подобные случаи были вопиющим нарушением спокойствия и мира в стране, поддерживаемого королем; кроме того, иудеи находились под особым покровительством короны. Исчезновение долговых расписок исключало выплату долга, который должен был поступить в казну, и лишало короля значительного дохода.

Губерт Уолтер, разумеется, знал, какие суммы мог получить король, наследовав покойному Аарону Линкольну, и понимал, какой убыток понесла корона, потому посвятил статьи IX и XXIV урегулированию вопросов с тем, что удалось спасти после бунта, а также гарантировал указами, что отныне имущество евреев будет под контролем специальных чиновников. Эти пункты документа дают нам ясное представление о том, в какой степени финансовые дела иудеев-ростовщиков контролировались высшей властью.

Верховный юстициарий отдал приказ, чтобы на ближайших выездных сессиях были подняты дела всех, принимавших участие в резне евреев, и те, кто еще не понес наказание и не заплатил

штраф, должны быть заключены в тюрьму и содержаться там до поры, пока не выплатят все причитающееся. В ходе расследования предписывалось также разобраться с долговыми письмами убитых, их движимым имуществом, землями, имевшимися у них долгами, суммы которых должны быть точно установлены, выяснить, каково общее состояние и кто получает с него доход. Разумеется, все владения необходимо было в кратчайшие сроки передать в ведение короны.

С целью передать финансовые дела евреев в непосредственное ведение казначейства Губерт Уолтер давал в статье XXIV четкие указания: «все долги, векселя, земли, дома, доходы и прочее имущество» евреев необходимо зарегистрировать под угрозой конфискации, если будут замечены попытки сокрытия. Специальных людей, которым предстояло заняться учетом, следовало найти в шести-семи крупных городах и во главе их поставить двух добропорядочных христиан, двух достойных евреев и двух секретарей, которые будут подчиняться Уильяму де Сент-Мер-Элизу, одному из двух главных надзорных за выморочным имуществом, а также Уильяму де Шимилю.

Каждую финансовую операцию следовало задокументировать в двух экземплярах, одна, с печатью заемщика, оставалась у еврея-кредитора, другую следовало хранить в сундуке под тремя замками, ключи от которых раздавались по одному двум христианам, двум евреям и двум Уильямам. Каждый из них также был обязан опечатать сундук лично. Последующие изменения в сумме долга и прочие важные детали необходимо было заносить в специальную грамоту, находящуюся у ответственного лица. Их следовало иметь в трех экземплярах, каждый из которых вверялся двум христианам, двум евреям и двум Уильямам.

Каждый заем, каждая выплата, как и изменения в условиях, должны были оговариваться в присутствии ответственных лиц и заноситься в документы. Плата секретарей, составляющих документы, и ответственных лиц выделялась из взимаемого налога в 3 пенса со сделки, оплачиваемого пополам обеими сторонами; по пенсу получали секретари и хранители грамот.

В тот период все еще шел сбор долгов по выплатам в счет выкупа короля и по сохранившимся данным большая часть населения не внесла деньги. С целью ускорить процесс Губерт Уолтер повелевал в статье X допрашивать присяжных о том, «кем и сколько было обещано и сколько заплачено, а также какова сумма оставшегося долга». Помимо этого, он приказывал провести расследования, дабы выяснить, каков размер имущества крестоносцев, отправившихся в поход, но погибших, не добравшись до Святой земли (статья XVII). Из вышеуказанного

можно сделать вывод, что король должен был наследовать все их имущество, и это существенно бы покрыло расходы на Крестовый поход и выкуп.

Мы уже упоминали о том, что 1 апреля 1194 года Ричард ввел налог, с каждого участка обрабатываемой земли, в 2 шиллинга. Его обязаны были выплачивать все, кто владел землей, а следовательно, им не облагались жители городов, чье влияние и благосостояние значительно увеличилось за последнее время. Губерт Уолтер решил, что и горожане должны вносить свой вклад, а потому в статье XXII приказывал всем жителям городов выплачивать таллаж – означенную сумму, определявшуюся юстициариями в зависимости от доходов города и прошлых вкладов и даров, суммы которых, как правило, были хорошо известны, поскольку люди, с которых впредь предполагалось взимать налог, находились в подневольном состоянии.

Губерт Уолтер хотел быть уверенным, что не только лишение прав владения принцем Иоанном было исполнено полностью, но и его земли и доходы были подсчитаны, а сторонники и помощники понесли должное наказание, потому в статьях XI и XIV давались указания юстициариям выяснить, кем из партии принца какие суммы были выплачены, а кто не покрыл долг, чтобы их можно было взыскать с тех, кто примирился с королем, равно как и с тех, кто этого еще не сделал; кроме вышеуказанного, предстояло установить, чье имущество, присвоенное приспешниками принца Иоанна, перешло под опеку короны и каков доход, полученный шерифами и управляющими поместьями Иоанна. Все должно быть учтено и подсчитано, все находящееся в собственности и временном владении, как и подаренное имущество, должно быть конфисковано, за исключением того, что Ричард милостиво позволил оставить брату. Все долги, выплаты, штрафы, причитающиеся принцу Иоанну, должны быть изъяты в пользу короны.

Распоряжение, имевшее наиболее долговременное действие, содержалось в статье XX: «Более того, в каждом графстве надлежит выбрать трех рыцарей и одного секретаря, поручив ему следить за исками короля», далее идет представление новой должности коронера. Их полномочия представлялись широкими и подробно описывались, однако на практике были весьма ограничены и сводились к расследованию смертей тех, кто скончался внезапно или при подозрительных обстоятельствах, опросу свидетелей, записи показаний (что чаще делали писари или секретари) и дальнейшей передаче дела судьям. Коронеру полагалось делать все для повышения ценности орудия убийства, если человека, например, забодал бык, то стоимость быка

взималась в пользу короны, как орудия убийства, подлежащего конфискации, то же происходило и с затонувшими кораблями и найденными кладами и сокровищами.

Формально часть этих обязанностей исполняли сержанты сотни. Например, в 1191 году в Линкольншире Томас из Уэйнфлита был оштрафован на половину марки за то, что «похоронил человека без осмотра тела сержантом»; и Джослин из Хамберстона был оштрафован на ту же сумму по той же причине. Теперь эти обязанности передавались коронерам, которых «почти наверняка» избрали «в присутствии странствующих судей» осенью 1194-го. Должность была обременительная, к тому же платы за нее не полагалось, следовательно, она едва ли была почетна и популярна в народе.

Рыцари – ленники, владевшие наделами земли, – представляли самый многочисленный класс и несли немало юридических и административных обязанностей, возложенных на них короной, не дававших ни дохода, ни привилегий. В XII веке главным было их обязательство служить в армии короля, а также возможность заплатить немалые суммы за отказ от воинской повинности; при этом перечень их обязанностей постоянно увеличивался.

Никто из хронистов того времени не касается этого вопроса, но все же становится любопытно, ставил ли король и сами рыцари исполнение обязанностей административных на одну ступень по важности со службой в армии? Все вассалы получали земли в дар от короля, и служба в армии была своего рода способом вернуть долг. Столетие назад король одаривал своих вассалов чаще, однако и тогда, и теперь требовал принесения клятвы верности, поскольку чести получить владение удостаивались люди, преданные королю, лишением доверия он карал своих врагов, кроме того, раздавая награды и наказывая немилостью, монарх имел возможность держать определенный класс в постоянной зависимости от короны.

Очевидно, что король считал себя вправе возлагать на подданных работы, которые не давали прибыль, а подданные не пытались оспорить это решение. Рыцари, например, не находились на государственной службе и получали ряд обязанностей лишь потому, что занимали определенное положение. Можно сказать, что это также было частью оплаты долга перед королем за полученные владения и положение в обществе, но, как бы то ни было, рыцари XII века больше остальных классов были загружены работой, не приносившей ни выгоды, ни привилегий.

Недоверие Губерта Уолтера к шерифам отчетливо видно из

записей в статье XXI, утверждавших, что ни один шериф не имеет права выступать в роли судьи в собственном графстве или любом ином графстве, где он служил шерифом с начала правления Ричарда, поскольку установившиеся связи помещают ему быть объективным. Надо заметить, что шерифы довольно редко выполняли роли судей, поскольку мало кто из них разбирался в законах, однако данный пункт важен, поскольку обеспечивает, хотя бы в некоторой степени, беспристрастность правосудия.

Вскоре после своего назначения верховным юстициарием Губерт Уолтер поручил провести расследование с целью выявления всех случаев «поборов и вымогательства, защиты денег (видимо, это связано с суровыми мерами в правление короля Стефана) со стороны управляющих владениями короля, его судей, шерифов, констеблей, лесничих и других слуг» за весь период правления Ричарда, как это было сделано во время «Дознания шерифов» в 1170 году. Однако в статье XXV он же пишет, что расследование откладывается. С одной стороны, судьи на выездных сессиях были ограничены в своих действиях установленными правилами, но, с другой, поскольку король, продавая должности по непомерно высоким ценам, на многие последующие поступки купивших их смотрел сквозь пальцы, эти люди получили возможность делать все, что пожелают, только бы получить максимальную выгоду.

Как человека, обладавшего талантом управлять, Губерта Уолтера, несомненно, шокировало существовавшее в период правления Ричарда положение во многих областях, однако, будучи человеком рационального мышления, он понимал, что тех, кто приносит государству самый большой вред, будет трудно привлечь к ответу. В своем указе он призывал делать все, чтобы пресечь случаи «поборов и вымогательства», уверенный, что только тогда в будущем каждый человек будет думать дважды, прежде чем совершить нечто подобное.

В самом длинном пункте документа, статье XXIII, Уолтер подробно рассматривает вопрос оценки земли короля и увеличение его владений за счет выморочного и конфискованного имущества. Поскольку Ричард предоставлял земли и поместья тому, кто давал самую высокую цену, новые владельцы стремились получить максимальный доход и мало заботились о модернизации, возделываемой земле и ремонте поместий, потому предпочитали не тратить даже малую часть получаемых средств на повышение стоимости владений. Самые отъявленные вредители вырубали леса на территории поместья и распродавали, нимало не заботясь о будущем.

Ни в одной из статей документа тон Губерта не был столь

резким, а распоряжения столь явно не указывали, какого большого практического ума был этот человек. Он строго и четко регламентировал поведение и отношение к собственности, дабы пресечь подобную практику и обязать владельцев должным образом относиться к имуществу. Самая большая часть этой статьи посвящена оценке и поддержанию в хорошем состоянии поместья и владений в целом, находящихся во временном пользовании, как выморочное или конфискованное имущество, с целью обеспечения благополучия и процветания в будущем. Статья составлена с умыслом поручить осуществление плана людям сведущим в этом вопросе и имевшим богатый опыт. Разъездным судьям поручалось обращаться по этому вопросу к Уильяму де Сент-Мер-Элизу и Уильяму де Шимилю, поскольку под их контролем находилось выморочное имущество, а также к трем старшим судьям Королевского суда, Джеффри Фицпетеру, Уильяму Брюэру и Гуго Бардолфу.

Шерифам же приказывалось собрать всех рыцарей графства, имена которых, как мы знаем, были записаны в грамотах, и доставить их на встречу с юстициариями в определенное время и место. С рыцарей взяли клятву, что они отреставрируют замки и наведут порядок в поместьях ради благополучия короля добровольно и без чьей-либо протекции или поддержки.

Затем рыцарям предстояло выбрать из их числа двенадцать достойных, а если количество их мало, то недостающих из числа свободных и законопослушных граждан и создать коллегию присяжных, к которым и будут обращаться юстициарии. Сделать так надлежало во всех уголках страны. Члены коллегии, дав общую клятву, должны выбрать достойных людей, живущих в этих владениях, положение которых позволяло детально знать состояние дел. С помощью этих так называемых экспертов судьи должны оценить владения, если они превышают по стоимости обычную цену в 20 шиллингов, и возделываемые земли исходя из реально получаемого дохода и плодородия почвы. Следовало также учесть и домашний скот. Коровы и лошади оценивались в 4 шиллинга за голову, овца, дающая тонкую шерсть, в 10 пенсов, грубую в 6 пенсов, хряки и свиньи по 12 пенсов. После оценки поместья выслушивалось мнение местных жителей и работников, и согласно этому полагалось провести хозяйственные изменения, которые более всего необходимы и смогут принести пользу.

Основной целью положений этой статьи было получить гарантию, что поместья и земли будут хорошо содержаться и будут возвращены короне по окончании срока аренды в состоянии лучшем, а не более плачевном, а доходы со всего конфискованного и выморочного имущества должным образом

подсчитываются и передаются королю.

Указ был доведен до сведения шерифов летом 1194 года, чтобы они смогли начать готовиться к прибытию разъездных судей. «В сентябре 1194 года судьи посетили все графства Англии, за исключением Бакингема и Бедфорда». Каждое графство было поделено на семь округов, для работы был задействован сорок один судья.

До Губерта Уолтера дошли слухи о происходившем в Восточной Англии и прилегающих графствах, но он был слишком занят, чтобы тратить на это время. Три епископа, Гилберт Рочестерский, на протяжении нескольких лет исполнявший обязанности судьи, Уильям Херефордский и Ричард Лондонский, казначей, а также три аббата: отважный Самсон из Бери-Сент-Эдмундса, Роберт из Малмсбери, аббат Хайд и Ричард Барре, архидьякон Или, служившие судьями. Три самых опытных и талантливых управленца королевства, Джеффри Фицпетер, Гуго Бардолф и Уильям Брюэр, постоянные члены Большого королевского совета, также взяли на себя эти обязанности, как и Уильям де Сент-Мер-Элиз, безусловно особенно тщательно следивший за тем, как идут дела во владениях.

Из сорока одного судьи двое исполняли обязанности шерифов в период правления Ричарда, двенадцать служили судьями, а восемь человек занимали обе должности. Ральф Арден, зять разжалованного Ранульфа Гленвилла и впавший после этого в немилость, смог вернуть расположение короля благодаря архиепископу Губерту и служил судьей в Ланкашире, Норгемптоншире и Уилтшире. За «прощение и благосклонность короля» он все еще был должен 367 фунтов 16 шиллингов 8 пенсов.

Выездная сессия прошла незадолго до Михайлова дня 1194 года и совпала с окончанием финансового года, ее результаты зафиксированы в казначейских свитках 1195 года и четко отражают повышение активности судей. Штрафы налагались за любые проступки, потому долги графств мгновенно увеличились. На землях, находящихся во владении принца Иоанна, самые крупные штрафы были назначены его сторонникам. Суммы, полученные в Линкольншире, демонстрируют, что расследования преступлений, имевших место во время еврейских погромов, велись активно и давали результаты.

Три человека из близкого окружения Иоанна предусмотрительно приготовили подношения королю, потому «с ними обошлись мягко». Ланкашир передал 20 марок, Корнуолл 20 фунтов, Девон 100 марок. Три северных графства, где к закону никогда не относились с почитанием и трепетом, последовали их

примеру, хотя и выделили меньшие суммы – Камберленд 10 марок, Уэстморленд 12 марок, Нортамберленд 30 марок.

Джервейс Кентерберийский так описывает визит судей в Кентербери:

«В месяце декабре судьи, которых называют «странствующими», отправленные архиепископом Кентерберийским по всей Англии, добрались до Кентербери. Там по велению советников короля преступников по делам, находящимся в юрисдикции Королевского суда, либо оправдали, либо подвергли испытанию водой; обвиняемых по делам, находящихся в юрисдикции архиепископа, бросили в воду в Уэстгейт, туда же отправили тех, чьи дела были в юрисдикции приора или монастыря.

Рассматривалось дело Эльфгара из Холлингборна, арестованного по Кларендонским ассизам за кражу вил и прочего; был обвинен судом сотни Аихорна и четырех близлежащих деревень, водой был не принят, спасся и оказался чист. И случай Уильяма Харта, за нападения на дома и грабеж обвинен присяжными Фелеберга и четырех окрестных деревень, впоследствии оказался чист и спасен».

Джервейс завершает рассказ, хвастливо заявляя, что их «достоинство», как он называет право монахов призывать к ответу и наказывать арендаторов, было подтверждено, как и другие привилегии монахов Кентербери, «королями времен нынешних и прошедших, передавших грамоты с личной печатью».

Результатов выездной сессии, о которой пишет Джервейс, нет в казначейских свитках до 1197 года. Рассказ, озаглавленный «Наказания, назначенные Фицожье и Джеффри Сандернессом с коллегами», так Джервейс называет судей, посетивших Кентербери в 1195 году, содержит восемнадцать или девятнадцать имен смельчаков, бежавших от правосудия. В семи случаях церковная десятина беглых в половину марки (6 шиллингов 8 пенсов) была собрана коллективно с прихода. Шериф Кента отдал приказ продать в счет долга недвижимое имущество, что принесло от 4 пенсов от писца Абсалона до 19 пенсов от лавочника Элвая. В самом конце есть следующая запись: «Общая сумма долга 11 фунтов 10 шиллингов 2 пенса не была уплачена нарушителями, поскольку архиепископ заявил, что долг будет заплачен им, раз люди эти его».

Также стоит обратить внимание еще на несколько моментов в повествовании монаха Джервейса. Три суда с тремя различными юрисдикциями собрались для того, чтобы рассмотреть дела о преступлениях против короны в целом, а также иски чиновников архиепископа, приора и монахов церкви Христовой, выслушать

обвинения против людей, судить которых было их привилегией, дарованной королем, и все это происходило одновременно в Кентербери. Приезд разъездных судей, по-видимому, стал поводом для проведения местных судов. Несмотря на то что Джервейс подчеркивает разделение суда общего права и церковного, просматривается определенная главенствующая роль разъездных судей в этом вопросе, по крайней мере, они имели право настаивать, чтобы оба процесса проходили одновременно.

Причина очевидна; возьмем для примера Эльфгара из Холлингборна, судимого по Кларендонским ассизам за воровство, по обвинению свидетелей из сотни и четырех ближайших деревень, который, вероятно, первым предстал перед судьями. Он сам или монахи монастыря могли заявить, что дело его в их юрисдикции; если этот факт был сразу установлен, суд мог незамедлительно начать рассматривать дело.

Во всех судах и, видимо, во всех случаях использовался способ доказательства вины или невиновности – ордалии, например, испытание водой, как предписано статьей II Кларендонской ассизы. Ордалии, один из видов архаического права, в широком значении имеют смысл «суд Божий», поскольку Бог определял, виновен человек или нет. Процедура проводилась только в присутствии духовного лица, освящавшего воду и призывавшего ее принять несчастного, если он чист перед законом, и отвергнуть, если виновен. Прежде чем бросить человека в воду, его крепко связывали. Если он тонул, то признавался невиновным, если же нет, то далее следовало наказание, например смертная казнь.

Какими бы странными ни казались прежние процедуры, реформы английского законодательства Генриха II касались в основном разбирательств по вопросам землевладения. Дела уголовные, такие как воровство, убийство и тому подобные, решались чаще с применением ордалий, с их помощью определяли, виновен ли обвиняемый или нет; таким же образом проверяли и правдивость заявлений присяжных.

Ордалии были скорее религиозным ритуалом, нежели юридической процедурой, что видно даже из эпитетов, используемых Джервейсом из Кентербери. Обвиняемый, доказавший свою невиновность, был «чист» (*mundatus*) или «спасен» (*salvatus*). Вся безрассудность и архаичность процедуры не могла быть непонятна прогрессивным юристам того времени, однако отказалась от нее именно церковь, а не поборники закона. На 4-м Латеранском соборе 1215 года были выработаны канонические правила, согласно канону XVIII ордалии запрещались, «как испытания водой, так и раскаленным

железом».

Чтобы закончить повествование о выездной сессии 1194 года и выделить отдельные положения, описанные ранее, будет уместно привести выдержку из отчета разъездных судей о слушании дела в Уилтшире в том же году:

«Свободный человек по имени Реджинальд едва не был убит в Лэнгфорде, и обвиняемые Уолеранд и Филипп были арестованы в Солсбери. По делу англичанина допросили его мать и отца, но… они не знали, кто напал на сына. Присяжный показывал на Уолеранда, утверждая, что и Филипп был с ним. Главный поручитель и другие пришли к Реджинальду и спросили, кто его ранил. И он показал на Уолеранда, сказав, что, если выживет, докажет это. Однако про Филиппа он ничего не сказал. Учитывая обвинения присяжного и уверенность Реджинальда, что его хотел убить Уолеранд, следует полагать, что Филипп не совершал ничего дурного. Но странно то, что, когда десятник пришел в дом к Уолеранду, чтобы арестовать его, Филипп, почуяв, что смерть подбирается к раненому, побежал за Уолерандом в монастырь и не отходил от него, хотя его и выгоняли. Позже Уолеранд и Филипп перед всеми собравшимися отрицали свою вину и готовы были принять решение судей Королевского суда.

Вердикт: Филиппу надлежит оставаться в тюрьме до той поры, пока не станет ясно, чем закончится испытание водой, назначенное Уолеранду».

* * *

Рыцарские турниры, основное развлечение рыцарей по ту сторону пролива, были запрещены в Англии почти всегда, за исключением правления короля Стефана, который был слишком слаб, чтобы добиться соблюдения запрета. Противились их проведению и Генрих I, и его внук, разумно полагавшие, что скопление в одном месте большого количества вооруженных рыцарей может перерасти в восстание, ведь такие настроения жили в обществе, и причина их была в слишком суровой политике королей. Ричард, как известно, был воспитан в традициях Аквитании, где столкновения ноблей друг с другом или выступления против герцога считались чуть ли не нормой. Ричард, в отличие от предшественников Генриха I и II, любил сражения и больше иных добродетелей – смирение и подчинение приказам – ценил храбрость и мужество.

Воинственный дух рыцарей Англии не находился на высоком уровне, что было связано с неудачами в Третьем крестовом

походе, а также нежеланием выступать с Ричардом на защиту его земель на континенте против Филиппа. Король Ричард считал французских рыцарей более опытными и способными, поэтому решил дать англичанам возможность попрактиковаться, проводя военные состязания, а заодно пополнить казну.

22 августа 1194 года Ричард подписывает указ, разрешающий проведение рыцарских турниров в Англии. Для этого были отведены пять регионов, а желающим принять участие предлагалось купить лицензию, цена которой варьировалась в зависимости от знатности: графы должны были заплатить по 20 марок, бароны 10, рыцари-феодалы 4 марки, а безземельные 2. Архиепископ Губерт назначил ответственным за сбор денег своего брата Теобальда, служившего шерифом в Ланкастере.

Ричард был невысокого мнения о будущих участниках, потому велел рыцарям по дороге на турнир и обратно платить за еду и питье, а не разорять окрестные леса, охотясь за добычей. Перед началом состязания каждому полагалось внести плату, дать клятву заботиться о мире и спокойствии ради своего короля и беречь его леса и угодья. Отказавшихся платить ждало суровое наказание. Роберт Мортимер, к примеру, лишился своих земель в Норфолке за попытку принять участие в турнире без лицензии.

Уверенные в себе рыцари могли рассматривать плату как хорошее вложение, однако цена за первый приз, удачу и ловкость могла быть значительно выше. Состязание отличалось от настоящих военных действий лишь тем, что начало и окончание турнира было определено заранее. Как и на поле боя, победитель получал экипировку и коня повергнутого противника и требовал за него выкуп.

Уильям Маршал, младший сын в семье и безземельный рыцарь, мог заслужить почести и приблизиться ко двору, продемонстрировав мастерство и героизм на турнире; когда ему было уже за сорок, король даровал ему земли и руку графини Стригуил. Биограф будущего графа писал, что в лучшие дни тот смог победить 103 рыцарей менее чем за год.

Смерть или серьезная рана свидетельствовали о недостаточном везении или неумении сражаться. Поскольку «смерть и угроза для души часто возникают именно из-за них», как утверждали церковники, в документах 2-го и 3-го Латеранского собора добропорядочным христианам запрещается учувствовать в турнирах, под угрозой быть похороненным без отпевания в церкви. Папа Целестин III в послании архиепископам и епископам Англии, датированном январем 1193 года, осудил рыцарские турниры, а тем, кто желает попробовать себя в подобных упражнениях, давал настоятельный совет «отправиться

на Святую землю, где будет возможность проявить мужество во имя спасения души, а также испытать силу тела и духа».

Церковь считала присвоение победителем трофеев и получение выкупа незаконным, и священнослужители требовали отказаться от него, сделав условием для отпущения грехов.

Несмотря на запреты, молодые рыцари с большим энтузиазмом принимали участие в турнирах. Джослин де Брейклонд пишет, что восемьдесят молодых рыцарей, нарушив запрет аббата Самсона, собрались на состязание между Тетфордом и Бери-Сент-Эдмундсом, а после приехали в Бери искать ночлег. Аббат же, в обмен на данное слово не покидать город без его дозволения, отужинал вместе с ними.

«Когда аббат удалился, мужчины принялись танцевать и петь, послали в город за вином, а потом, захмелев, громко кричали, мешая спать несчастному аббату». Веселье продолжалось до позднего вечера, затем же, нарушив обещание, рыцари «взломали городские ворота и ускакали прочь». Аббат Самсон не был человеком, готовым стерпеть подобное обращение, и по совету архиепископа Губерта Уолтер отлучил всех рыцарей от церкви.

VII
1195 год

Несмотря на то что архиепископ Джеффри покинул Англию, недруги продолжали бросать в его сторону обвинения. 15 января 1195 года епископ Гуго Линкольнский, преподобный Уайнмер, архидьякон Нортгемптона, и Гуго, приор клюнийского монастыря в Понтефракте, прибыли в Йорк по поручению папы с целью выяснить, насколько правдивы слова в адрес архиепископа. Врагами Джеффри были одиннадцать аббатов ордена Премонстратов, многим обязанные Губерту Уолтеру, они обвиняли Джеффри в страсти к охоте, особенно соколиной, а также прочим вещам, которые так любят рыцари; брату короля ставили в укор пренебрежение обязанностями священника и привычку проклинать и отлучать от церкви аббатов и клириков; нарушение церковных канонов, глумление над теми, кто жаловался в Рим, и даже заключение в темницу набравшихся храбрости пожаловаться на его решения; оскорбление чести каноников капитула Йорка и посягательство на их бенефиции; говорили, что он вламывался в церкви с оружием и выгонял оттуда всех священнослужителей; нарушений было так много, что все будет сложно перечислить.

Епископ Гуго и его коллеги назначили слушания дела в Йоркском соборе, и враги архиепископа Джеффри, среди которых были в основном высшие чины духовенства, поспешили туда, чтобы изложить свои жалобы. Друзья и сторонники Джеффри, которых было немного, защищали отсутствующего архиепископа, настаивая на незаконности процесса и заявляя, что архиепископ Йоркский уже отправил письмо в Рим, более того, вскоре и сам предстанет перед понтификом. Тогда собравшиеся указали на бумаге все свои претензии и отправили в Рим, дав при этом архиепископу Джеффри четыре с половиной месяца, чтобы лично объясниться перед папой по каждому пункту. В тот год архиепископ так и не добрался до Рима в положенное время; причиной стал «запрет короля и испорченный пороком воздух в Риме в том сезоне». Папа отложил слушание дела Джеффри до 18 ноября.

Преподобный Симон Апулийский, однако, был с почестями встречен в Риме. Папа утвердил его на кандидатуру на место декана Йоркского собора и передал ему золотой перстень. По пути в Англию аббат предусмотрительно посетил короля, чтобы подтвердить свое назначение. Ему пришлось заплатить за

должность высокую цену. В казначейских свитках этого года указывается, что сумма «дара» королю составляет 666 фунтов 13 шиллингов 4 пенса, из которых он выплатил до Михайлова дня 486 фунтов 13 шиллингов 4 пенса.

Симон прибыл в Йорк в воскресенье мясопустной недели, 12 февраля, встречать его вышло как духовенство, так и жители, торжественно проводившие аббата до собора. Среди них были и четверо верных людей архиепископа Джеффри, они заявили, что аббат не войдет в собор до той поры, пока папа не разрешит споры о том, кто имеет права назначать декана, и сообщили о намерении отправить жалобу в Рим, которая приведет наконец к завершению полемики.

Преподобный Симон, чье назначение было одобрено и папой, и королем, отказался слушать их болтовню, но сторонники Джеффри пошли дальше и попытались силой изгнать аббата из города. Тогда Симон совершил нехарактерный для него поступок и прилюдно отлучил от церкви друзей архиепископа Джеффри. Каноники встретили аббата с почестями и признали его деканом собора.

Епископ Гуго Дарэмский тем временем продолжал добиваться возвращения графства Нортамберленд. Наконец король соизволил ответить на его многочисленные послания. Ричард писал, что, если епископ прибудет в Лондон с обещанной суммой денег, то он готов не только вернуть ему графство, но и назначить заместителем юстициария при архиепископе Кентерберийском, таким образом восстанавливая положение Гуго, в котором он был недолго в самом начале правления.

Воодушевленный перспективами, Гуго Дарэмский направился в Лондон. Он провел вторник последней недели перед Великим постом в своем поместье Креик всего в пятнадцати милях от Йорка, где, по воспоминаниям Уильяма Ньюбургского, съел так много во время пира, что ему стало плохо, и даже принудительная рвота не помогала. Уильям, скорее всего, упомянул об этом для демонстрации моральной ценности победы, поскольку Роджер из Хоудена пишет, что в среду первой недели поста, 15 февраля он был вполне здоров и приехал в Йорк, где одобрил провозглашенное немногим ранее аббатом Симоном отлучение от церкви друзей архиепископа Джеффри.

Из Йорка епископ отправился в Лондон, и, только проехав пятнадцать миль на юг, около Донкастера почувствовал недомогание. Об этом повествует Роджер Хоуденский. Гуго было так плохо, что он не мог ехать верхом и велел переправить его на лодке вниз по реке Дон, потом несколько миль по Хамберу до его владений в Хоудене.

Болезнь быстро прогрессировала, и вскоре приближенным епископа стало ясно, что конец его близок. Гуго упрямо твердил о выздоровлении, но друзьям удалось убедить его составить завещание. Гуго де Пюйсе скончался 3 марта 1195 года на семидесятом году жизни, сорок три года которой занимал пост епископа Дарэма. Уильям Ньюбургский пишет: «Он был человеком больших способностей в ведении мирских дел и обладал, несмотря на нехватку образования, даром красноречия. Алчный до богатства, он знал, как его получить». Амбициозный, любящий жизненные блага и при этом, видимо, скуповатый, Гуго де Пюйсе был одной из самых значимых фигур в северной части Англии во второй половине века, блестяще и с одинаковым успехом управлял епархией и пфальцграфством. Определенно человеку, построившему в западной части собора Галилейскую капеллу, можно многое простить. Тело Гуго привезли в Дарэм и похоронили в месте собраний монашеского капитула.

Смерть епископа принесла неожиданные поступления в казну. Еще до того, как его тело перевезли в Дарэм, Гуго Бардолф, шериф Нортамберленда и Уэстморленда, а также управляющий выморочным имуществом на севере Англии, забрал ключи от собора у Уолтера Фарлингтона, рыцаря епископа, присматривающего за замком. Завещание епископа Гуго не принималось во внимание, все его владения были конфискованы. Несомненно, сделано это было по распоряжению Губерта Уолтера, действовавшего от имени короля, так же поступил Генрих II в 1181 году с Роже де Пон-л'Эвеком, архиепископом Йоркским, составившим завещание перед самой кончиной. Король Ричард был на континенте, едва ли весть о смерти епископа Гуго могла быть доставлена ему очень скоро, поскольку Бардолф действовал чрезвычайно быстро. Роджер из Хоудена также пишет, что Генри Фарлингтон, также рыцарь епископа, прибыл в замок Норхем «по приказу юстициария короля». Этот случай является еще одним ярким примером того, что Губерт Уолтер прежде всего беспокоился о выполнении обязанностей верховного юстициария, нежели архиепископа Кентербери. Церковь, несомненно, должна была настаивать на исполнении завещания епископа, пусть и составленного на смертном одре, и не допустить вероломных действий в Дарэме.

Казначейские свитки указывают, что в Лондон были привезены 3050 фунтов, и доставка обошлась в 31 фунт 16 шиллингов 1 пенс. Эта сумма, скорее всего, является всем состоянием Гуго на момент кончины и непременно была бы распределена между духовенством и бедняками, которые бы молились о душе епископа, будь учтена его последняя воля. У

епископа был также «огромных размеров корабль», отремонтированный за 12 фунтов 15 шиллингов полтора пенса, отправленный в Лондон с капитаном Робертом Стоктоном и командой из тридцати двух человек. Гуго Бардолф назначался управляющим землями епископа со второго воскресенья поста и до Пасхи, и за этот короткий период получил доход в 203 фунт 13 шиллингов 4 пенса.

Гилберт Фицренфри и Ричард Брюэр получили право распоряжаться епархией и поместьем на три четверти года. За это время им удалось заполучить сумму, которая кажется невероятной. С имения они получили 1528 фунтов 7 шиллингов 3,5 пенса. В счет долга, «числившегося за Гуго, епископом Дарэма, королю удержан 41 фунт 1 шиллинг и 8 пенсов, а также получено 173 фунта 6 шиллингов 8 пенсов от продажи шерсти за последний год, что также было передано Стокстону с известной целью. Со всех имений и церквей епископа был собран налог в 305 фунтов 8 пенсов и 52 фунта 9 шиллингов 4 пенса соответственно. Духовенство заплатило к Михайлову дню в общей сложности 897 фунтов 17 шиллингов 4 пенса, и, что самое интересное, сыну Гуго Бушару, казначею Йорка, надлежало выплатить 200 марок, из которых он внес 90. С рыцарей епископа были собраны щитовые деньги – 45 фунтов 3 шиллинга 2 пенса. С Генри де Пюйсе, старшего сына Гуго, следовало получить 2 марки, однако до Михайлова дня он так ничего и не заплатил».

Налог, самый сложный для понимания, был получен «со слуг епископа Гуго» в сумме 391 фунта 9 шиллингов. Уильям Ньюбургский делает вывод, что слуги намеревались скрыть кое-что из собственности хозяина от чиновников короля, возможно для передачи на благие дела по указу епископа, что было отмечено в завещании, или же попросту из желания присвоить себе. В результате поверенные короля взыскали с них значительно больше, что могло служить наказанием за сокрытие. Налог также пришлось заплатить «людям епископа за их земли» в сумме 316 фунтов 12 шиллингов 8 пенсов.

К концу жизни во владении епископа Гуго находились не менее десяти баронских вотчин; ранее их владельцами были Жиль Гансар, Роберт де Амундевилл, Роберт Фицмелдред, Генри Брош и другие в окрестностях Олдена, Геуорда, Тримдона, Гардуика и Сиджстона в Йоркшире и Голтона в Нортамберленде. С них новые управляющие получили 326 фунтов 18 шиллингов 10 пенсов, из которых 104 фунта 16 шиллингов 4 пенса было потрачено на текущие расходы. 30 фунтов были получены после продажи земель, 174 фунта составили прибыли с угольных шахт в Норттамберленде. Следует отметить, что здесь указаны суммы

наличных денег, поступивших в казначейство, если не упомянут иной источник. На то, чтобы собрать и пересчитать весь доход со всего имущества, потребовалось несколько лет.

На время, что архиепископ Джеффри находился за пределами Англии, а епископ Гуго отошел в мир иной, епископ Иоанн Уайтхорн остался единственным епископом в провинции Йорк. Потому он прибыл в Йорк на Страстной неделе для совершения обряда освящения мира и благословения елея в Великий четверг, однако аббат Симон с несколькими клириками не позволили ему войти в храм.

Тогда епископ отправился в Саутуэлл, где был принят с почестями и провел обряд. После завершения мессы он раздал миро и елей священникам, которые могли использовать его в своих церквах. Жоффрей де Мюшам, архидьякон Кливленда, желая выказать презрительное отношение к самому епископу и его действиям, вылил миро и елей в кучу навоза. Многие священники других приходов отказались принять масло от епископа Иоанна и обратились за ним к Гуго Линкольнскому, однако брат архиепископа Петер, архидьякон Линкольна, запретил Гуго выполнять просьбу и отправил послание папе в Рим.

Как мы помним, архиепископ Джеффри выкупил в ноябре 1194 года у короля его расположение и позволение вернуться. Весной 1195 года он опрометчиво упрекнул Ричарда, указав на его греховный образ жизни. Король обладал повышенной чувствительностью в этом вопросе, и Джеффри, никогда не отличавшийся тактичностью, всегда старался воздерживаться от высказываний на эту тему. Ричард был взбешен и вновь повелел лишить брата владений. В казначейских свитках сохранились записи о «доходах с пребенд архиепископа Йоркского за половину года», полученные преподобным Томасом из Херстборна. Роджер Хоуденский также отмечает, что Ричард лишил Джеффри поста шерифа Йоркшира, в свитках же указывается, что в течение всего финансового года «архиепископ исполнял обязанности шерифа через своего помощника Роджера Батвена».

Вероятно, почти в то же время Гуго Нонант, епископ Ковентри, вернул себе милость короля за 5000 марок. Его брат Роберт, как мы помним, отказался остаться в заложниках до выплаты выкупа за короля Ричарда, сославшись на то, что является человеком принца Иоанна, и содержался в тюрьме Денвера под пристальным наблюдением сестры Лоншана до самой кончины короля.

Принц Иоанн также смог помириться с братом. Ричард с легким презрением обвинил принца в неверности канцлеру

Лоншану, ставшему злейшим врагом Иоанна, но простил его, не вернув, однако, ни владений, ни прежнего могущественного положения. Роджер из Хоудена пишет, что Ричард вернул Иоанну графство Мортен, владения в Ай, титул графа Глостерского и все угодья, кроме замка. В казначейских свитках указывается, что владениями в Ай принц Иоанн распоряжался только с Пасхи 1196 года до Пасхи 1197 года. Все остальное время управлял владениями Роберт де Лайл, как представитель Гийома Лоншана, епископа Илийского.

В Глостершире Иоанн также получил напоминание о том, что он не только обладает привилегиями графа проводить судебные процессы, взимать штрафы и налоги, но и присваивать «треть пени» – третью части денег, собранных в графстве для короны. В случае с принцем эта сумма была фиксированная и составляла 20 фунтов в год. Ричард также определил общий доход брата в 8000 анжуйских ливров (2000 фунтов), который, несмотря на регулярные выплаты, не был отражен в отчетах казначейства.

По просьбе короля Ричарда 18 марта папа Целестин III назначил Губерта Уолтера легатом в Англии и отправил извещение об этом всем высокопоставленным духовным лицам, также велев «проявлять должное уважение к положению и сану, внимать предупреждениям и подчиняться приказам».

Весть о новом назначении достигла архиепископа, вероятно, в середине мая, и первым делом он послал двух своих людей, Петера, приора бенедиктинского аббатства Бингема в Норфолке, и преподобного Джервейса, с письмами к декану собора и капитулу Йорка, а также всем приближенным архиепископа Йоркского, в которых говорилось о намерении Уолтера посетить Йорк; архиепископ также предупреждал, что отлучит от церкви каждого, кто откажется приветствовать его подобающим его положению образом, – весьма разумное замечание, учитывая, что духовные чины Йорка признавали, видимо, только собственную власть.

В своем ответе и миряне, и клирики сообщали, что готовы принять Уолтера в качестве легата папы, но не как архиепископа Кентерберийского, который не вправе распоряжаться в Йоркшире, или примаса Англии, так как не признают за ним этот титул.

Губерт Уолтер прибыл в Йорк в воскресенье 11 июня в качестве верховного юстициария и легата папы; этих двух титулов ему было достаточно для демонстрации власти. Торжественная процессия из духовенства и прихожан проводила архиепископа в собор, выказав отношение, которого он требовал. Епископ Стаббс характеризовал визит Губерта Уолтера как акт «демонстрируемого презрения к архиепископу Джеффри», однако

леди Стентон отмечает, что «в тот момент нигде присутствие архиепископа не было так необходимо, как в Йорке». Джеффри был за пределами Англии, кроме того, его власть открыто не признавали; место епископа Дарэма оставалось вакантным; к единственному действующему епископу в графстве так же отнеслись с пренебрежением; члены капитула Йорка продолжали вести себя в высшей степени непочтительно и непокорно.

На следующий день, 12 июня, народные судьи, сопровождавшие Губерта Уолтера, рассмотрели дела, связанные с «претензиями короля, жалобами шерифов на незаконное лишение прав владения, в том числе в случае наследования», в то время как архиепископ и его помощники разбирались с преступлениями против церкви и делами, находящимися в ведении церкви.

Во вторник 13 июня архиепископ отправился в аббатство Святой Марии, где выслушал жалобы монахов на аббата, который, по их словам, был так немощен и болен, что не мог управлять монастырем. Аббат Роберт, разумеется, был решительно против, потому пожаловался папе на то, что Губерт Уолтер низложил его. Брату Гийома Лоншана Роберту, приору монастыря в Или, предстояло значительно позже, 17 марта 1197 года, стать аббатом Святой Марии. Вероятно, это был тот же брат, о котором говорили как о «монахе из Кана», которому был обещан пост аббата Вестминстера, но получить его не удалось после ослабления власти канцлера Лоншана. Возможно, Гийом предложил брату временно занять место в монастыре Или, пока он не вернет себе прежнее положение и сможет подыскать ему лучшее место.

Во время текущего года Губерт Уолтер посетил в качестве легата немало монастырей и отдал много приказов, с целью изменить то, что считал неверным. Он лишил места Роберта, аббата в Торни, обвиняемого в разграблении монастыря, и отправил его в кандалах в тюрьму Глостера на полтора года, несмотря на то что тот успел отправить жалобу в Рим. В октябре 1195 года умер епископ Генри Вустерский, и Губерт Уолтер, как верховный юстициарий, конфисковал его земли в пользу короны, а как легат папы занялся наведением порядка в монастыре, взяв на себя управление после долгих осуждений и споров. Он отстранил от управления многих настоятелей монастырей и отправил монахов из Кентербери восстановить церковную дисциплину и проверить работу всех, кто имел отношение к управлению владениями монахов.

После принятия скорых мер в аббатстве Святой Марии Губерт Уолтер собрал в Йоркском соборе легатский совет, прошедший в среду и в четверг, 14 и 15 июня, на котором присутствовали

каноники, аббаты, приоры всех монастырей, а также все духовенство Йорка. Это был один из шести советов, проводимых в XII веке в Англии, на котором были провозглашены новые каноны; последний проходил в 1151 году.

После обсуждения деталей, необходимых для должного проведения мессы и святого причастия, Уолтер отметил необходимость своевременного ремонта здания церкви и поддержания в надлежащем состоянии внутреннего убранства, росписи и отделки. Невольно возникает мысль, что многие священники позволили церквам обветшать, а возможно, и начать разрушаться, поскольку Губерт Уолтер назначил день ровно через год после получения им титула легата, когда приказ должен быть выполнен. Если же церковь останется в прежнем состоянии, весь доход епархии за год перейдет к нему, и тогда легат папы лично займется реставрацией на полученные деньги.

Наиболее интересны положения, касающиеся облачения и поведения клира, поскольку они дают ясное представление о ситуации в северной провинции в то время. Тонзура являлась обязательной, отказ карался лишением всех бенефиций, священники были обязаны носить одежды, удобные для выполнения долга, и отказаться от безвкусных мантий с множеством ненужных деталей.

Монахи, каноники-августинцы и монахини не имели право отправляться в паломничество по стране без «обоснованной и внятной на то причины». Им категорически запрещалось странствовать в одиночку, а монахиням нельзя было покидать обитель без настоятельницы. Кроме того, священникам не следовало часто бывать в тавернах и иных местах, где пьют эль.

В конце легат затронул самую острую проблему, имевшую отношение к моральному облику служителей церкви, – целибат. К тому времени церковь успешно продвигала безбрачие клира, и рукоположение в духовный сан тех, кто уже был женат, не приветствовалось, однако никому не удавалось заставить священников отказаться от наложниц.

Гиральд Камбрийский, едко критикующий духовенство Англии, утверждал, что почти все приходские священники Англии следуют «отвратительному и достойному порицания» обычаю содержать женщину, «которая могла бы сопровождать его на публике, заботиться о его доме и здоровье и ублажать его в постели». Слова эти он сопровождал карикатурой на священника, поправшего все нормы морали и презревшего добродетель, изобразив его рядом с наложницей в доме, полном орущих детей, колыбелей, повитух и нянек. Разумеется, Гиральд значительно преувеличивал, однако постоянно издававшиеся указы об

обязательном безбрачии для священников говорят о том, что утверждение вовсе не было голословным. Архиепископ Уолтер открыто заявил, что члены клира будут лишаться положения и всех доходных статей, если нарушат запрет иметь наложниц, *focarias* (кухарок) и дам сердца, и содержать их в своих домах, или, желая обойти указ, будут селить их в отдельном доме, где будут навещать их.

Пока шел совет, преподобный Петер из Динана заявил свои права на место архидьякона западного райдинга Йоркшира, на который был назначен прошедшей осенью архиепископом Джеффри перед самым отъездом последнего из Англии. Декан собора Симон Апулийский и монахи возражали, ссылаясь на то, что, согласно канону VIII 3-го Латеранского собора, Джеффри был обязан выдвинуть кандидатуру в течение шести месяцев после появления вакансии; теперь же это право принадлежит им. Ближайшие помощники Джеффри преподобный Гиральд и преподобный Гонорий, следившие за соблюдением интересов архиепископа во время его отсутствия, воспротивились, назвав подобную интерпретацию ситуации в корне неверной, так как архиепископ Йоркский произвел назначение до того, как покинуть Англию, и пообещали пожаловаться папе.

Несмотря на заявление Губерта Уолтера, что все его решения должны исполняться, и его же запрет на подачу жалоб, легат сделал исключение для Гиральда и Гонория и позволил отправить апелляцию. Споры продолжались, теперь обсуждалась дата представления архиепископом Петера на должность, которая была связана с датой смерти Ральфа, предыдущего архидьякона, скончавшегося, как утверждали, по пути в Рим. В интересах Губерта Уолтера было отложить решение вопроса до той поры, когда даты будут точно установлены, а папа даст ответ, можно ли в данном случае руководствоваться каноном VIII собора.

Помимо вышесказанного, Губерт Уолтер сделал в текущем году еще один значимый вклад в развитие законодательства Англии. Он издал указ, согласно которому все мужчины старше пятнадцати лет должны были предстать перед рыцарями, которым «надлежало собраться именно по этому поводу», и принести клятву, что «всегда будут выступать за мир и спокойствие в королевстве, не нарушат закон, став ворами или грабителями, а соучастниками преступлений». Также с мужчин брали клятву в том, что, узнав о бегстве нарушителей и подняв тревогу, они отложат все дела и бросятся в погоню, а затем передадут преступников рыцарям (предпочтительно тем, перед кем они давали клятву). Те же, в свою очередь, должны передать беглецов шерифу, который будет нести за них ответственность до

следующей выездной сессии судей. Тот же, кто откажется от преследования без разрешения сотенного бейлифа или другого ответственного лица, понесет то же наказание, что и беглые преступники.

Повелевая, чтобы клятва приносилась перед собранием рыцарей (предположительно, они назначались шерифом, поскольку именно у него был список всех рыцарей-феодалов графства), Губерт Уолтер, таким образом, положил начало созданию института мировых судей. Первые мировые судьи, будем называть их так, хотя это определение появилось позже, обязаны были принести присягу устанавливать и поддерживать мир между жителями, а также доставлять переданных им преступников к шерифу, который несет за них ответственность до суда. Надо отметить, что власть их распространялась гораздо шире, чем это указано в перечне обязанностей.

Роджер Хоуденский пишет: «Для выполнения полученных приказов по всей Англии были разосланы специально для того отобранные добропорядочные и честные люди, которые, по свидетельству людей добропорядочных и честных, схватили многих и бросили в темницы короля. Были и такие, кто был предупрежден заранее, и они бежали, бросив дома и все свое имущество».

Из этого можно сделать вывод, что мировые судьи получили некоторые полномочия разъездных судей, им позволялось выслушивать обвинения и заключать преступников в тюрьму для ожидания суда. Иными словами, им была дана власть арестовать человека по очевидным обвинениям, однако судить они не имели права, это было позволено лишь судьям Королевского суда.

Несмотря на видимую простоту новых указов, они произвели значительный эффект, о чем можно судить по увеличившемуся количеству дел, рассмотренных судьями на следующей сессии, а также количеству беглых, покинувших Англию (Шотландия была любимым укрытием для жителей северных районов, а Ирландия для западных), что отмечено в казначейских свитках текущего и следующего годов.

В Уорикшире и Лестершире, например, семнадцать человек бросили то малое, что имели (их имущество оценено в 9 фунтов 13 шиллингов и 5 пенсов), и сбежали из страны. Были еще шесть человек, у которых ничего не осталось, и десятина, к которой они принадлежали, вынуждена была коллективно заплатить штраф в половину марки за каждого.

Учитывая возросшее в то время число преступников, схваченных, осужденных и наказанных разъездными судьями, сложно определить, насколько это связано с работой присяжных

обвинителей, а насколько с активностью мировых судей. Однако очевидно, что их деятельность во многом поспособствовала наведению порядка и наказанию большего числа преступников, о чем свидетельствует факт существования этой должности с 1195 года до наших дней, а также значительное расширение полномочий и обязанностей.

В то время как Губерт Уолтер был занят поддержанием дисциплины в стране и управлением Англией, что позволяет вспомнить о лучших годах Генриха II, его король требовал от своего юстициария все больше людей и денег, необходимых ему для противостояния Филиппу. Новая битва разразилась в июле того года, о котором идет повествование. Губерт Уолтер отправил Ричарду 1300 пеших солдат, 55 всадников и 3 «главных рыцарей», которые, вероятно, командовали остальными, в казначейских свитках есть записи об отправленном вместе с ними значительном грузе.

Верховный юстициарий повелел взимать щитовой сбор для «второго войска в Нормандию» в самом конце лета, доказательств тому сохранилось немного, одно из них – рядовая запись в казначейских свитках: «Реджинальд Балун заплатил 10 марок, чтобы не быть в числе войска, отправляющегося в Нормандию, и получил право освобождения от обязательства на одного рыцаря».

Одним из основных источников дохода были таллажи (налоги с крепостных) в пользу короля, которые Губерт Уолтер и разъездные судьи назначали во время сессии 1194 года и которые были, не без трудностей, собраны в текущий и следующий годы. Графству Вустер надлежало выплатить 80 марок, что и было сделано к Михайлову дню 1195 года; возможности Йорка оценили в 300 марок, но выплачено было лишь 100, однако Скарборо и Донкастер, с которых предполагалось получить 100 и 50 марок соответственно, не заплатили ничего. Как и Нортгемптон из 300 марок, а Оксфорд из назначенных 100 марок. Глостер же выплатил полностью все 100 марок. Винчестер из 100 марок выплатил 30 фунтов. Саутгемптон из 40 марок не заплатил ничего. Карлайл также не перечислил ничего из 50 фунтов. Хорошим примером того, что внимания судей не лишились даже самые маленькие деревни, служат назначенные выплаты в Камберленде, 30 шиллингов для Скотби, 40 шиллингов для Далстона, 4 марки для Пенрита, 2 марки для Солкелда, 20 шиллингов для Лангуотби и для Станuикса 10 шиллингов. Жители Лондона не выплатили ни пенни из 1500 марок, назначенных в качестве «дара королю для сохранения милостивого отношения, а также свобод и привилегий на все время правления».

В течение года казначейство дважды получило неожиданные поступления. Роберт де Лейси, барон Понтефракт, последний представитель рода мужского пола, скончался в 1193 году. В 1195 году Роджер, констебль Честера, как старший троюродный брат Роберта и единственный наследник, заявил права на владения барона. Он предложил 2000 фунтов «за все земли и замки, находящиеся в руках короля, за исключением деревни, принадлежащей Роберту де Лейси по праву барона Понтефракта». Обещание его не осталось громким заявлением; Роджер, называвший себя «де Лейси», выплатил к Михайлову дню 1195 года 1913 фунтов, оставшиеся же 87 фунтов ему простили, списав на доходы, полученные короной за время опеки над владениями. Удерживаемые в подобных ситуациях суммы были традиционным феодальным налогом, оплачиваемым при вступлении наследником в права владения; единственное отличие в случае Роджера де Лейси – слишком крупная сумма и срочность выплаты. Однако был в истории случай еще более неординарный. Гиральд Камбрийский пишет, что Роберт Блоет, епископ Линкольна с 1094 по 1123 год, преподнес королю Генриху I мантию из роскошной ткани, подбитую соболем, цена которой была то ли 100 фунтов, то ли 100 марок, и обязал своего преемника сделать то же самое. Епископ Александр Линкольнский (1123–1148) поддержал традицию, а сменивший его на посту Роберт де Чесни (1148–1166), по воспоминаниям, дарил королю мантию «не единожды».

При Генрихе II пост епископа Линкольна оставался вакантным с 1166 по 1173 год, позже его занял незаконнорожденный сын короля Джеффри, когда ему исполнилось двадцать. Джеффри отказался от церемонии рукоположения, а в 1182 году и от должности. В мае 1183 года Готье де Кутанс был избран епископом Линкольна, а в ноябре 1184 года он переведен в Руан. Таким образом, к моменту рукоположения в епископы Гуго Авалонского в 1186 году епархия двадцать лет находилась без надлежащего присмотра.

Когда король Ричард принялся изыскивать средства на беспрецедентный и весьма затратный поход с целью защитить континентальные владения, неизвестный, но «недобрый человек» напомнил ему о традиции ежегодных подношений королю епископом Линкольна. По всей видимости, предложение это исходило от Губерта Уолтера, на которого король возложил больше всего забот о своем финансовом положении и который наверняка знал о старой традиции. Кроме того, архиепископ Кентербери недолюбливал нынешнего епископа Линкольна, позволявшего несколько раз поставить в укор Уолтеру

пренебрежение обязанностями лица духовного ради услужения королю в качестве верховного юстициария.

Ричард потребовал с епископа Гуго внушительную сумму, напомнив о задолженности за много лет. Несмотря на то что епархия приносила епископу 1500 фунтов годового дохода, Гуго тратил деньги быстрее, чем получал, причем не попусту, а на благие дела. Как человек амбициозный, он много вкладывал в упрочение собственных позиций; был щедр с окружением и слугами; кроме того, отстраивал заново наспех воздвигнутый собор, разрушенный землетрясением 1185 года. Епископ легко расставался с деньгами, когда у друзей наступали тяжелые дни, всегда раздавал милостыню столь щедро, что порой сам вынужден был брать в долг. Однако король был настойчив, и Гуго пришлось выплатить требуемую сумму с учетом долга, да еще и откупную от повинности для себя и своих преемников. Епископ видел единственный способ собрать нужную сумму – уйти с должности и удалиться в обитель в Витаме, которую с сожалением покинул, чтобы стать епископом Линкольна, где с большой радостью ежегодно проводил целый месяц. Тогда он смог бы передавать все свои доходы в казначейство и оплатить долг перед короной. Клирики, относившиеся к епископу с любовью и почитанием, воспротивились принятию решения и общими усилиями собрали деньги.

Находясь в Ле-Мане, 23 июля 1194 года Ричард подписал положение об освобождении от повинности, добавив, что сделал это ради «любви к Богу нашему и матери его Святой Деве Марии, ради спасения души Нашей, а также Наших предков и потомков». Слова эти не отражают всей правды, которая сохранилась в казначейских свитках за 1195 год и где указано, что епископ Гуго Линкольнский выплатил королю 2000 марок, чтобы быть впредь свободным от всех обязательств.

Каноники капитула Йорка тем временем продолжали жаловаться епископу Линкольна на то, что к архиепископу Джеффри не приняты никакие меры, несмотря на то что он так и не явился к папе, как ему было велено. Теперь они настаивали, чтобы Гуго низложил архиепископа. На что епископ ответил, что его вздернут на виселице прежде, чем посмеет высказать это в глаза Джеффри. В сложившейся ситуации архиепископ представал не в лучшем свете, однако сложности возникали в большей степени из-за упрямства каноников и их нежелания подчиняться его воле, нежели из-за действий самого архиепископа, что подтверждается факт перехода на его сторону епископа Гуго, человека принципиального, бесстрашного, а также осведомленного о множестве деталей по этому вопросу, нам, к

сожалению, не известных. Епископ Гуго был сторонником Джеффри и поддерживал его во время разногласий с Ланшаном, самым ценным в данной ситуации для архиепископа было то, что Гуго относился к нему как к другу.

Получив от Гуго отказ, каноники отправили в Рим жалобы не только на архиепископа, но и на Гуго Линкольнского и других его сторонников, отказавшихся действовать и подчиняться распоряжениям папы. Не появившись перед папой 18 ноября 1195 года, Джеффри косвенно признал поражение. 23 декабря папа Целестин III лишил его «права ношения паллия, выполнения обязанностей, предписываемых должностью, как церковных, так и светских, а также всех преференций и бенефиций».

Управление епархией Йорка было передано декану собора Симону Апулийскому, получившему наконец возможность наслаждаться триумфом. Помощники Джеффри, которым он поручил управление в свое отсутствие, были отстранены от дел, а собственность архиепископа вновь перешла короне. Преподобный Томас из Херстборна указывает сумму 400 фунтов 8 шиллингов 3 пенса, которая была получена со всех владений за половину года, от Пасхи до Михайлова дня 1196 года. Джеффри удалось сохранить лишь место шерифа Йоркшира, и он действовал, как и прежде, через Роджера Барвента.

Губерт Уолтер поступил довольно странно с точки зрения положения архиепископа Кентерберийского, решив провести Рождество в Йорке, к тому же он отслужил рождественскую мессу в Йоркском соборе, вероятно, чтобы продемонстрировать мятежным каноникам, что, как легат папы, он будет держать все под контролем. Кроме того, у него были поручения на севере. Вильгельм, король Шотландии, некоторое время обменивался с Ричардом посланиями по поводу брака его единственной дочери Маргарет и любимого племянника Ричарда Оттона, сына его старшей сестры Матильды и Генриха Льва, герцога Саксонии.

У Вильгельма, как известно, не было сына, потому он хотел выдать дочь замуж за Оттона и сделать его своим наследником. Шотландская знать была против его плана, и король отложил принятие решения. Ричард, привязанный к племяннику, очень похожему на него самого, был намерен довести дело до конца и в декабре поручил Уолтеру встретиться с королем Вильгельмом для обсуждения вопроса. В ходе переговоров Вильгельм согласился отдать Оттону руку дочери, а вместе с ней область Лотиан; Ричард, в свою очередь, обещал племяннику Нортамберленд и Уэстморленд. В этот момент пришла весть о том, что королева Эрменгарда беременна, и Вильгельм отказался от соглашения, надеясь на рождение наследника.

Ричард поручил архиепископу Губерту заняться проведением выборов преемника епископа Гуго Дарэмского. 29 декабря Бертрам, приор монастыря в Дарэме, встретил архиепископа в Алвертоне и «там в присутствии архиепископа Кентерберийского избрал преподобного Филиппа, друга и секретаря Ричарда, короля Англии, новым епископом Дарэма». Иными словами, он дал согласие от лица монахов Дарэма принять волю Ричарда и назначить рекомендованного им человека.

Филипп находился при Ричарде в Пуату, был рядом в Крестовом походе, а также одним из немногих, кто не оставил короля в Австрии. Ричард пытался заставить архиепископа Джеффри назначить Филиппа деканом в Йорке, однако противившиеся тому каноники помешали выполнению его воли. Ричард, как и его отец, назначал на места епископов друзей и сторонников, желая наградить их таким образом за преданность. Единственное, что порой останавливало короля, – желание получить деньги, которые были ему необходимы, потому он чаще предпочитал оставлять долгое время должности вакантными, что давало хороший доход.

VIII
1196 год

Несмотря на то что король Ричард через своего верховного юстициария обложил Англию высочайшими налогами, каких еще не знала история, получаемые суммы были удручающе малы, особенно учитывая потребности короля. Для получения прибыли были задействованы все источники, известные Уолтеру и чиновникам казанчейства. Помимо податей в счет отплаты выкупа Ричарда, подношений ему и таллажа, обязательного для городов больших и малых, а также земельных владений короны, шерифам было приказано выкупить свои должности либо путем прямых выплат, либо увеличением прибыли с обрабатываемых земель, либо отправив дары королю, чтобы не утратить его расположение. Сторонники принца Иоанна были сурово наказаны наложенными штрафами и лишением владений; в 1189–1190, 1194, 1195 и 1196 годах взимались сборы за освобождение от воинской службы; основной целью выездных сессий судей, особенно самой значимой 1194 года, было наложить как можно больше штрафов; были предприняты все меры, чтобы с выморочных владений, временно принадлежащих короне, были получены максимально высокие доходы; крупные, как никогда, суммы были востребованы с наследников знатных и богатых родов.

Шерифов всегда подозревали в казнокрадстве, следует отметить, что искушение находящихся на этой должности было велико, и основной причиной было отсутствие эффективной и простой системы контроля получаемых средств. Места шерифов всегда быстро и охотно раскупались, что говорит о возможности получить значительные доходы. Роберт, аббат монастыря Святого Стефана в Кане, человек «необразованный, однако чрезвычайно ловкий в делах мирских», сообщил Ричарду, что половина его дохода была присвоена доверенными лицами короля в Англии. Ричард отправил его в Англию в сопровождении Филиппа из Пуатье, вновь избранного епископа Дарэма, приказав проверить записи в казначействе и документы шерифов, которые были смелы настолько, что сами явились в Лондон передать их лично.

В Лондоне аббат отобедал с Губертом Уолтером в Страстное воскресенье, после чего ему стало плохо, и через пять дней, 11 апреля он отошел в мир иной. «Боявшиеся его появления не оплакивали его внезапный уход», – написал Уильям Ньюбургский.

Филипп из Пуатье остался в Англии. Несмотря на то что он

совсем не рассчитывал стать исполнителем возложенной миссии в одиночку, он в любом случае был связан с казначейством. Филипп и Гуго Бардолф должны были выплатить таллаж за Нортамберленд, Уэстморленд и Линкольншир за год. Первой ступенью к его должности епископа стало рукоположение Генри из Абергавенни в епископы Лландаффа в соборе Дарэма 15 июня.

Вероятно, тем временем Губерт Уолтер успел донести до короля свои мысли по поводу того, что честность его подданных вызывает сомнения и они должны быть допрошены в связи с открывшимися обстоятельствами. Ричард поспешил ответить, что уже принял меры и начал расследование, причем не из алчности, а из желания знать, «кто искренне помог Нам, когда было необходимо, и в какой мере». Король также заверил своего юстициария, что стало, скорее всего, новостью для Уолтера, что «с Божьей помощью денег у Нас достаточно, потому Мы не стремимся получить их недостойными Нас способами».

Громче всех выражали недовольство обременительными налогами жители Лондона. Пока они не выплатили ничего из таллажа в 1500 марок за 1194 год, предназначенного, как было сказано, «в дар королю с надеждой на дальнейшее расположение, сохранение привилегий, а также в качестве помощи для выплаты выкупа», и 20 фунтов щитового сбора за 1195 год. В 1196 году Лондону предстояло перечислить в казну 20 фунтов за освобождение от воинской повинности и 500 марок «в дар королю».

Требуемые королем суммы в форме налога были тяжелы для народа еще и по причине нескольких неурожайных лет в Англии и Нормандии. В 1193 году начался голод, а последующие годы лишь усугубили положение. К 1196 году большая часть бедного населения голодала, болезни уничтожали людей с такой скоростью, что в некоторых частях Англии жители хоронили ставших их жертвами в ямах.

Даже некоторые детали в свитках тяжб разъездных судей, которые редко отмечали в них подобные вещи, говорят о том, что в 1198 году люди во множестве умирали от голода и болезней. В Челмсфордской сотне «Роберт Фицранульф умер от голода на полях в Бадоу», в сотне Данмау, «в деревне Кенуэлл Уильям Хич умер на улице от холода». Эти примеры отражены в свитках, поскольку смерть была признана насильственной, и каждой сотне пришлось выплатить штраф за убийство 20 шиллингов. Сколько еще штрафов было выплачено в случае подобных смертей, нам остается только догадываться, однако эти факты дают понять, что деньги взимались в том числе за смерти по естественным причинам, таким как голод и холод.

Ричард Фицнайджел, епископ Лондона, имя которого уже встречалось на страницах этой книги, дает такое определение убийству: «смерть от руки неизвестного убийцы по причинам, оставшимся тайной». В следующем отрывке автор пишет о возникновении штрафа на убийство: «В период сразу после Нормандского завоевания, наследием которого стала ненависть англичан к нормандцам, участились случаи убийств последних в лесах и безлюдных местах, совершенные тайно и без свидетелей. Теперь же, когда король и его чиновники наложили на народ жесточайшие штрафы за подобные преступления, не принесшие, однако, желаемого результата, было принято решение взыскивать штраф с той сотни, где был найден мертвый нормандец, убийца которого не был пойман или скрылся от правосудия бегством… По этой причине штраф на убийство взыскивается обязательно, исключением являются лишь случаи, когда точно установлено, что убиенный не был свободным человеком».

На практике же штраф взыскивался в случае любой смерти, в том числе несчастного случая, когда невозможно было найти человека, виновного в этом, а английское подданство скончавшегося было невозможно доказать. Каждый случай смерти объявлялся судьями убийством:

«Судьи постановили, что Джон, сын Левена и Элис, дочери Сиварда, был утоплен в запруде у мельницы Эсуэлла, доказательство, что он является англичанином, не было представлено.

Присяжный сообщил, что некая женщина была найдена мертвой в поле близ Эрдела, кто она – неизвестно, и в убийстве никто не подозревается.

Тело неизвестного мужчины найдено на поле неподалеку от Клахалла, и никому не было известно, кто его убил».

Если же удавалось доказать, что погибший был англичанином, сотня освобождалась от выплаты штрафа, что видно из нижеследующего: «В Стентоне утонула девочка десяти лет, было представлено доказательство, что она англичанка».

Сэр Фрэнсис Палгрев в своих комментариях по поводу наложения штрафа в случае смерти от обморожения или голода пишет: «Поскольку сотня облагалась штрафом, даже если некто из числа ее скончался по причине нехватки необходимых для продолжения жизни вещей, разве из этого не должен следовать вывод, что жители обязаны были предоставить им это необходимое – еду и прочее; а также, как следствие, что правовая защищенность гарантировалась беднякам законом?»

Умозаключения Палгрева подтверждает факт, что в случае с Уильямом Хичем сержант сотни арестовал «четверых, возможно,

причастных к смерти, и привел еще четверых, кого не посчитал нужным арестовать». Как мы видим, штраф налагался на сотню скорее с целью наказать жителей за нежелание способствовать поимке убийц нормандцев. К концу XII века выплаты штрафа назначались все чаще в случае, если смерть нельзя было объяснить естественными причинами, когда у ложа умирающего присутствовал священник, выступивший свидетелем, или когда убийца известен и есть люди, готовые указать на него, даже в случае побега обвиняемого, а также если было доказано, что жертва является англичанином. Сложно проследить, как сотня действовала в случае возложения на нее ответственности за преступление, однако обвинения и штрафы все же предъявлялись жителям, даже когда происходил несчастный случай, например, находили утопленника, что может показаться странным, но если человек умирал от голода или холода и это представлялось очевидным, тогда правомерность штрафа ни у кого не вызывала сомнений. Разумеется, подобные меры нельзя назвать заботой о правах бедных, однако они выделяют одну из основных характерных особенностей жизни Англии того времени: ответственности большинства десятины или сотни за одного члена. Если человек совершал преступление и бежал, штрафом облагалась десятина; если некто из сотни умирал от голода, платила сотня, и поводом была не просто смерть, людей наказывали за то, что они позволили ближнему умереть от нужды.

В те годы голода и страданий возмущенные жители Лондона выступили с протестами, заявив, что богачи взвалили все заботы на их плечи, обложив непомерными налогами, не желая при этом отдавать часть своих доходов. Они нашли сторонника, готового стать их лидером, в лице Уильяма Фицосберта, известного под именем Длинная Борода. Роджер Хоуденский единственный из всех летописцев того времени проявляет некоторую симпатию к этому человеку, называя «страстным поборником справедливости и правосудия».

Уильям обвинял старшего брата Ричарда, принадлежащего к правящей клике, угнетающей бедных, в государственной измене. Один случай он описывал довольно подробно, говоря, что: «Слышал в большом каменном доме Ричарда, как он с приятелями обсуждал назначенные им выплаты в счет выкупа короля. Ричард тогда сказал, что за сорок марок, которые канцлер получил от него в Тауэре, он лучше бы купил цепи, чтобы повесить и короля, и канцлера… А Джордан Тэннер сказал: «Оставался бы наш лорд король всегда там, где сейчас находится». Был там и Роберт Брэнд, который сказал: «Что бы ни

было, у Лондона всегда будет один король – мэр города».

Согласно записям Уильяма Ньюбургского, Длинная Борода собрал около 52 000 бедняков, готовых бороться с богатыми, с основной целью – добиться сокращения слишком высоких налогов, а затем отправился на континент к Ричарду, чтобы представить требования. Король отправил Уильяма обратно к главному юстициарию, который пришел в ярость от его наглости и прямоты и запретил жителям покидать Лондон, обещав, что каждый, кто будет схвачен за городскими стенами, будет считаться «врагом государства и короля». Это было не просто заявление, в середине поста несколько лондонских торговцев были арестованы на Стэмфордской ярмарке по приказу верховного юстициария. Поскольку Уильям Длинная Борода продолжал подбивать лондонцев на борьбу с жестокостью богатых, Губерт Уолтер велел нескольким уважаемым жителям города схватить его и привести к нему. Уильям оказал сопротивление пытавшимся его арестовать и в результате убил человека по имени Жоффрей. После этого Уильям с друзьями укрылся в церкви Сент-Мери-ле-Боу и забаррикадировал двери.

Архиепископ Кентерберийский, он же верховный юстициарий королевства, приказал поджечь храм. Огонь и дым заставили Фицосберта выбежать из здания 6 апреля, в завязавшейся схватке его ранил в живот сын убитого им Жоффрея, правда не смертельно. Уильям Длинная Борода был отправлен в Тауэр и приговорен к казни. Фицосберта привязали к конскому хвосту и протащили по улицам Лондона вместе с восьмью или девятью его товарищами. Главари бунтующих бедняков были схвачены, и угроза массовых волнений миновала, однако предусмотрительный Губерт Уолтер взял с многих горожан залог, чтобы быть уверенным в их добропорядочном поведении в будущем.

К несчастью для самого Уолтера, церковь Сент-Мери-ле-Боу принадлежала монахам Кентербери, которые не преминули выказать возмущение. Архиепископ Кентерберийский, несмотря на занимаемую должность верховного юстициария, не имел права, как лицо духовное, отдавать приказ поджечь храм, в котором укрылся сын Божий; монахи сочли поступок ужасающим и вероломным, попирающим права церкви и обещали отправить жалобу папе. Надо отметить, что монахи были рады опрометчивому поступку архиепископа, он давно вызывал их недовольство тем, что, как и его предшественник, строил планы основания коллегиальной церкви в Ламбете.

Узнав о том, что сделал его верховный юстициарий для подавления беспорядков, Ричард немедленно отправил ему

письмо с одобрением и благодарностью. Король также не мог умолчать о том, что заботило его на тот момент больше всего. Несмотря на то что в январе 1196 года был заключен мирный договор в Лувье, по сути это было лишь временное затишье в противостоянии. Вскоре Филипп нарушил договор, захватив Омаль и Нонанкур, и Ричард написал Уолтеру, что «от короля Франции Нам скорее стоит ждать войны, нежели мира».

Для подготовки к неизбежному возобновлению военных действий Ричард повелел, чтобы все феодальные бароны, владеющие землями в Нормандии, незамедлительно прибыли на континент, поскольку именно им предстоит отражать нападки Филиппа. Все остальные, обязанные нести воинскую повинность, за исключением находящихся в областях на границе Англии и Уэльса, Валлийской марке, должны были также прибыть по приказу короля в Нормандию к Троицыну дню «с лошадьми и при полной экипировке, готовыми служить Нам и оставаться в числе войска долгое время». Ричард также предупреждал, что призывает своих подданных для серьезной борьбы и повелевал брать с собой только самое необходимое; одному барону дозволялось иметь при себе свиту не более чем из семи рыцарей.

На поле боя король Ричард больше полагался на рекрутов, баронам же отводилась роль кастелянов и командующих войском. Король все довольно тщательно продумал; объявив набор на воинскую службу, он имел возможность собрать многочисленное войско, а также получить деньги с тех, что желал откупиться, эти средства шли на оплату наемных солдат.

Фредерик Уильям Мейтленд писал: «Набор в армию формирует войско, хотя на самом деле обеспечивает оплату солдатам».

В казначейских свитках за это год значится, что «третья часть щитового сбора для Нормандии» была собрана путем взимания традиционного налога в 20 шиллингов с рыцарей, а также таллажа и прочих налогов с жителей городов. Джон Уик получил одну марку за то, что «разослал по всей Англии извещения о необходимости выплатить таллажи и прочие налоги», а также 12 пенсов за «воск, который он использовал для печатей на них», а Томасу, секретарю Гуго Певерелла, было заплачено 2 шиллинга 6 пенсов за «ливрею, в которой он шесть дней писал вышеуказанные извещения».

В 1195 и 1196 годах появились новшества во взимании щитового сбора, король впервые предложил главным владельцам лена Англии уплатить, помимо регулярного, разовый щитовой сбор в обмен на освобождение от военной службы в Нормандии. Мирянам, держателям лена, оплата щитового сбора давала лишь

освобождение от необходимости отправить определенное количество рыцарей в войско короля; для собственного освобождения пришлось оплатить дополнительный налог. Главных владельцев церковного лена вынудили оплатить сбор, чтобы избавить себя от необходимости быть на войне рядом со своим королем.

Особенно тяжелыми новые налоги стали для церковных ленников. Самую большую сумму пришлось собрать Гуго де Байё, ему был назначен налог в 60 марок для освобождения его лично от необходимости отправляться в Нормандию, кроме того, предстояло заплатить сбор еще за 20 рыцарей, что составило 16 фунтов и 18 шиллингов. Аббат из Питерборо, напротив, оплатив помимо регулярного сбора в 60 фунтов за 60 рыцарей, выплатил 100 фунтов дополнительно и получил возмещение суммы в 60 фунтов за то, что собрал деньги с рыцарей.

Аббат из Абингдона, Беркшир, не внес назначенный налог за 30 рыцарей, однако заплатил за личное освобождение от военной службы 100 марок и смог избежать необходимости отправляться в Нормандию. Аббат из Ившема также не заплатил за рыцарей, но за себя внес 10 фунтов. Аббату из Гайда, задолжавшему деньги за рыцарей, был назначен налог в 50 марок. Епископ Чичестера заплатил лишь 4 фунта за себя и 4 рыцарей. Епископ Херефорда заплатил в 1195 году 15 фунтов в счет второго налога, а в 1196-м оба налога в 20 фунтов. В Глостершире аббат из Уинчкомба заплатил за себя 10 фунтов, а аббаты из Тьюксбери 10 марок каждый за право остаться в Англии. Даже аббатиса Сент-Эдмундса в Шефтсбери обязана была заплатить 20 фунтов щитового сбора за 7 рыцарей и собственное «право не подвергаться набору в нормандское войско».

Тот факт, что Ричард обложил налогом даже церковные земли, говорит не только об острой нужде в средствах, но и обиде на церковь, за ее нежелание оказать безграничную помощь в борьбе с Филиппом. Это чувство зародилось в душе короля после ссоры с Готье де Кутансом, архиепископом Руанским, по поводу строительства недалеко от Лез-Андели. Для защиты долины Сены и Руана Ричард начал строить на правом берегу реки, на острове самый прекрасный и грандиозный по затраченным средствам замок в Западной Европе – Шато-Гайар. Земля эта принадлежала Руану и, следовательно, архиепископу Готье. Вместо того чтобы уступить и позволить вести работы, которые помогут защитить Руан в случае прихода Филиппа, возмущенный своеволием Ричарда архиепископ наложил интердикт на Нормандию. Король Англии расценил поведение архиепископа как неповиновение и решил выместить свое недовольство одним духовным лицом на

всех церковниках, которые, по его мнению, обязаны были разделить со своим королем все тяготы и проблемы, связанные с защитой Нормандии.

Архиепископ Уолтер понимал, что положение его усложняется. Он находился меж двух огней: с одной стороны, король Ричард, требовавший все больше денег, с другой – народ Англии, уставший от постоянных поборов. Люди отозвались на призыв собрать деньги для выкупа короля, но постоянно увеличивающееся количество налогов лишь для того, чтобы продолжить нескончаемую войну, не приносящую к тому же прямых дивидендов гражданам, давило на них тяжким бременем. Бароны, имевшие земли в Нормандии, которые им предстояло защитить, были единственными, кого интересовали разворачивающиеся там действия. Не имевшим владений в Нормандии, а также простому народу было безразлично, Ричард или Филипп получат в результате борьбы контроль над герцогством.

Несколько раз за текущий год Губерт Уолтер умолял короля принять его отставку с поста верховного юстициария, оправдывая свои действия тем, что одному человеку не под силу управлять и королевством, и церковью страны одновременно. Когда Ричард наконец прислушался к просьбе своего доверенного лица, Уолтер внезапно изменил мнение. Он «произвел анализ документов» и проверил счета и сообщил королю, что собрал в государстве и отправил ему за последние два года сто тысяч марок серебром. Сумма казалась на первый взгляд невероятной, однако деньги были действительно собраны и отправлены на кораблях на континент, это было больше, чем когда-либо переправлялось ранее. Губерт Уолтер отказался уходить в отставку, и король, разумеется, был рад его решению.

Тем временем архиепископ Джеффри все же прибыл в Рим, чтобы дать ответ на все обвинения в его адрес. Надо отметить, что он так ловко защищался, что враги «отказались принимать на себя весьма непростую в создавшихся условиях задачу доказать обратное» – банальный и неожиданный конец для грандиозного дела, которое они затевали.

Папа был так впечатлен речами Джеффри и неспособностью нападавших на него аргументированно доказать правомерность своих обвинений, что он восстановил Джеффри в должности и приказал клирикам Йорка «относиться к архиепископу с должным уважением и подчиняться во всем». Ричард, получавший внушительный доход с конфискованных у Джеффри владений, отменил распоряжение папы и приказал своим подчиненным в Йорке не допускать Джеффри и его людей до управления

кафедрой. Ричард продолжал награждать своих верных слуг, используя плоды, упавшие ему в руки, благодаря отсутствию Джеффри, который поспешил вернуться в Рим, натолкнувшись на нежелание брата вернуть ему пребенды, выделяемые архиепископу. В этом году скончался Бушар де Пюйсе, казначей Йорка, и Ричард передал его место, а также должность архидьякона Ричмонда преподобному Юстасу, его вице-канцлеру и хранителю печати, декану собора в Солсбери. Также после смерти Питера Роса, архидьякона Карлайла, король передал его место в награду племяннику Филиппа из Пуатье, епископа Дарэма, Аймерику, а Филипп, в свою очередь, сделал его еще и архидьяконом Дарэма.

Несколькими годами ранее Ричард отдал Адаму Торноверу место архидьякона Западного Райдинга Йоркшира, однако архиепископ Джеффри перед самым отъездом назначил на этот пост Питера из Динана. Декан и капитул Йорка, как мы помним, были против Питера, они заявляли, что имеют право выбрать кандидатуру самостоятельно, затем, с позволения архиепископа Уолтера, они пожаловались папе. Спор разрешил король, своевременно вмешавшись и поступив так, как было выгодно ему, – назначил Адама Торновера.

У Питера были весьма влиятельные друзья в Бретани, выразившие свою волю с помощью Артура, племянника Ричарда. Король прислушался и велел уладить двум кандидатам на должность разногласия миром. Пожалуй, это было первое разумное решение, направленное на достижение мира и покоя, с начала бурных споров и скандалов в Йорке. Соглашение было достигнуто, в результате чего декану и клирикам пришлось смириться с тем, что пост архидьякона Западного Райдинга был отдан Питеру, он также получал кафедру епископа на хоре и право участвовать в собраниях капитула. Когда права его были признаны, а самолюбие успокоено, Питер передал пост Адаму в обмен на годовую ренту в 60 марок, договорившись также, что получит пост архидьякона западного райдинга, если Адам скончается раньше его. Кроме того, поскольку оба собирались остаться в Йорке, то было решено, что участвовать в собраниях они будут по очереди.

Вскоре после того, как архиепископ Джеффри реабилитировался перед папой, один из его секретарей, Ральф Уигтофт, поверенный во всех делах Джеффри, серьезно заболел и на смертном одре признался папе и кардиналам, что в Риме им по приказу Джеффри были написаны ложные письма и они уже отправлены в Англию. Папа незамедлительно отправил весть Губерту Уолтеру с приказом перехватить все послания, так или

иначе имеющие отношение к архиепископу Йоркскому, и отнестись к ним с особым вниманием.

По распоряжению Уолтера был схвачен гонец Роджер Рипон, получивший от Уигтофта бумаги, помимо них был найден яд, предназначавшийся преподобному Симону Апулийскому, декану Йорка, и нескольким каноникам. Преподобного Симона вызвали в Лондон, где ему были передан пузырек с ядом, красивое золотое кольцо и пояс, по словам свидетеля тоже отравленные. При большом скоплении народа Симон бросил все вещи в огонь в Тотхилле, и вскоре они превратились в пепел. Враги Джеффри, как пишет в заключение этого невероятного рассказа Роджер из Хоудена, возложили вину за произошедшее на него.

Несмотря на то что перед отбытием в Крестовый поход король Ричард установил в стране мир и порядок, последние несколько лет лорд Рис, принц Южного Уэльса, как он сам себя называл, пытался пробиться на восток, в казначейских свитках сохранились данные о расходах на небольшие, как правило, по численности отряды, направляемые для сдерживания. Губерт Уолтер был слишком занят другими, более важными делами государства, чтобы обращать свое внимание еще и на Уэльс, однако в сентябре 1196 года ситуация на границе стала критической, и главному юстициарию пришлось лично возглавить войско. Основная угроза исходила не от лорда Риса, доживающего последние дни и больше озабоченного борьбой сыновей за право престолонаследия, а от Гвенвивина, лорда Поуиса, который недавно взошел на престол после окончания правления отца и незамедлительно предпринял ряд атак на английских границах. Подготовка к военной кампании была тщательной и заблаговременной. В канцелярских свитках представлены расходы к Михайлову дню 1196 года общей суммой 260 фунтов 12 шиллингов 3 пенса «на военные действия короля в Уэльсе и Валлийской марке, а также для содержания рыцарей и солдат в означенных местах для несения службы королю». Лично Губерту Уолтеру было передано 237 фунтов 18 шиллингов 8 пенсов на «укрепление замков короля и ведение его дел в Уэльсе и регионе Валлийской марки». Позднее им же было получено 213 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов на те же нужды. Размер выделенных сумм позволяет понять всю грандиозность операции.

Губерт Уолтер повел войско к замку Гвенвивина в Пуле (Траллинг) и осадил его. Будучи достойным своего короля, Губерт взорвал стены и захватил замок. После подписания договора с валлийцами он приказал войску покинуть земли мирно, вероятно надеясь, что его милость по отношению к врагу заставит его придерживаться пунктов договора.

Вернувшись в Лондон, Губерт Уолтер созвал Королевский совет 20 ноября, в День святого Эдмунда, в Вестминстере. На совете была принята ассиза о мерах, устанавливающая единые меры веса и длины по всей Англии. Попытки принять единые стандарты предпринимались давно, в казначейских свитках есть упоминания о штрафах, которым подвергались торговцы, продававшие вино или зерно, «нарушая ассизу».

Губерт Уолтер также предпринял шаги, которые помогли обеспечить соблюдение закона на практике. Он повелел изготовить на сумму 11 фунтов 16 шиллингов 6 пенсов меры веса, «галлоны, железные прутья, балки и гири» и «разослать по всей Англии. Также он назначил от четырех до шести человек в каждом городе, боро и графстве инспекторами по мерам веса и длины. Нарушивших ассизу заключали в тюрьму, имущество отбирали, получить свободу они могли только по личному распоряжению короля или верховного юстициария. Что же касается инспекторов, то халатность и мошенничество с их стороны должны были также караться конфискацией имущества. Действенность принятой ассизы предполагалось проверить на Сретенье 1196 года, в связи с нововведенным положением о размерах и качестве ткани. Вся ткань на ярмарке, проходящей в Стэмфорде в середине Великого поста, должна быть два ярда от кромки до кромки и одного качества во всем рулоне. Железные пруты, упомянутые ранее, служили своего рода измерительной линейкой.

Хорошо продуманные, рациональные и простые для понимания положения ассизы помогают нам понять характер Губерта Уолтера, человека практичного, расчетливого, справедливого, реально смотрящего на жизнь. Ассиза возымела свое действие, и длилось это до 1201 года, когда на ярмарке в монастыре Святого Ботольфа купцы предложили королю Иоанну огромную сумму денег за право торговать по собственному усмотрению и обманывать покупателей для их же удовольствия. Однако установление порядка представлялось необходимым для упорядоченного ведения торговли, и по настоянию баронов правила вновь были введены 35-й статьей Великой хартии вольностей.

IX
1197 год

Готье де Кутанс, архиепископ Руанский, как мы помним, наложил интердикт на Нормандию, поскольку был недоволен строительством Шато-Гайар в Андели на принадлежавших ему землях. Поскольку король не смог заставить или убедить архиепископа смириться со строительством и не желал лично участвовать в разбирательстве, он отправил канцлера Гийома Лоншана, епископа Илийского, Гийома де Руффье, епископа Лизьё, и Филиппа из Пуатье, избранного епископа Дарэма, в Рим, чтобы представить ситуацию на суд папы.

Когда делегация достигла Пуатье, Лоншан внезапно заболел и 13 января скончался. Уильям Ньюбургский написал: «Англия возрадовалась его кончине, поскольку страх перед ним слишком долго довлел над ней». «Нобли Англии панически его боялись и мало горевали, узнав о его смерти!»

После похорон Гийом и Филипп продолжили путь в Рим. Папа Целестин и его кардиналы хорошо осознавали, какая «опасность и разрушения грозят Нормандии, если Андели не будет укреплен», потому приняли сторону Ричарда и велели архиепископу Готье согласиться на компенсацию от короля Англии. Когда проблемы были улажены, папа утвердил рукоположение Филиппа в епископы Дарэма 20 апреля 1197 года.

Тем временем для Губерта Уолтера начинался год, когда предстояло проявить большие дипломатические способности. Смерть лорда Риса, принца Южного Уэльса, 28 апреля 1197 года потребовала принятия решения для определения, кто из его сыновей станет преемником; сумев уладить проблемы мирным путем, верховный юстициарий Англии еще раз доказал, что обладает властью и силой. Губерт Уолтер отправился к границе с Уэльсом, помирил братьев и добился, что наследником был признан Грифид.

Приблизительно в середине июня король Ричард призвал Губерта Уолтера в Нормандию для помощи ему в заключении дипломатического соглашения, целью которого было ослабить позиции короля Филиппа. Как воину Ричарду не было равных, однако тонкости дипломатии были не для него, по его же собственному признанию. Уолтер же, напротив, обладал выдающимися способностями в этом деле, и король обратился к нему, как самому опытному и влиятельному духовному лицу в государстве. Готье де Кутанс, до сих пор не смирившийся с

распоряжением папы по поводу Шато-Гайар, не мог найти в себе силы пойти на компромиссное соглашение с Ричардом и, следовательно, не мог бы в оказать помощь королю в дипломатических вопросах.

Основной целью Ричарда был договор с Болдуином IX, графом Фландрии, правившим после своего дяди Филиппа, скончавшегося в Акре. Болдуин был верным союзником короля Франции, однако это не помешало тому отобрать у него в 1191 году Артуа и Перонн. Ричард назначил графу Фландрии пенсию в знак дружбы со столь ценным возможным союзником, однако Болдуин выступил против Англии с королем Филиппом, после чего Ричард прекратил выплаты. Теперь же, чтобы заманить его на свою сторону, король выплатил пенсию за три года и добавил 5000 марок, с помощью архиепископа Уолтера ему удалось заключить с Болдуином договор против Филиппа. Болдуин, стремившийся вернуть потерянные земли, действовал с таким рвением, что едва не захватил Филиппа. Воспользовавшись подсказками мудрого Губерта Уолтера, Болдуин все же добился начала переговоров между Ричардом и Филиппом.

Король Англии тем временем пытался всеми способами добиться поддержки представителей французской знати, которые без особой теплоты относились к захватническим действиям короля в Нормандии. Бретонцы, выступавшие против Ричарда, наконец признали его своим сюзереном и объединились против Филиппа. Таким образом, на встрече со своим врагом 17 сентября недалеко от Андели король Англии был уже в большей силе, нежели ранее. Во многом благодаря посредничеству Уолтера два короля все же договорились. О заключении долгосрочного мира между ними не могло быть речи, однако они подписали перемирие до мессы в честь святого Илария 14 января 1199 года.

Триумфом дипломатических способностей Губерта Уолтера стало его соглашение с Готье де Кутансом, которого ему удалось убедить принять условия Ричарда и отдать землю. Договор был подписан 16 октября. Готье де Кутанс отдал должное таланту вести переговоры, которым обладал архиепископ Губерт, Иоанн, епископ Вустера и Юстас, вице-канцлер короля и декан собора в Солсбери, назначенный Ричардом после Гийома Лоншана епископом Илийским.

Губерт Уолтер вернулся в Англию в самом начале ноября и сразу разослал сообщения всем главным владельцам ленов о необходимости присутствовать на собрании в Оксфорде 7 декабря, целью которого было получить их согласие на дальнейшие меры для помощи королю в военной кампании. Хронисты того времени приводят весьма противоречивые

описания того, что происходило на совете, а также дают различные толкования того, что епископ Стаббс назвал «вехой в конституциональной истории Англии»; его слова, пожалуй, обобщают все современные толкования.

Роджер из Хоудена датирует встречу началом 1198 года, Джервейс из Кентербери указывает 7 декабря 1197 года. Согласно Роджеру «Ричард, король Англии, через своего главного советника Губерта, архиепископа Кентерберийского, повелел жителям Англии найти для него 300 рыцарей, готовых остаться на службе при короле на год, или предоставили ему сумму, достаточную для оплаты наемных рыцарей сроком на год, учитывая, что жалованье одного рыцаря составляет 3 шиллинга. Все участники совета готовы были согласиться с предложением, «не осмелившись противиться королевской воле». Только епископ Гуго Линкольнский заявил, что никогда не даст свое согласие, поскольку с течением времени меры могут нанести ущерб церкви, и это станет плохим примером для будущего преемника, кроме того, епископ открыто указал верховному юстициарию на постыдность его методов. Гиральд Камбрийский, находившийся в Линкольне с 1196 по 1199 год, знавший о произошедшем, предположительно, со слов епископа Гуго, отмечал, что поборы короля Ричарда показались духовенству столь тяжелыми, что они принялись думать о том, что предпринять в ответ. Клирики избрали своим лидером епископа Гуго, как человека всеми уважаемого за благочестие и искренность, вероятно, он даже выступил на заседании совета, заявив о намерении духовенства выказать протест и сохранить свободу церкви. Узнав об этом, Ричард направил свой гнев на Гуго, отдав приказ, чтобы «все его владения и то, что королевские чиновники называют «регалиями», были конфискованы, а слуги и сторонники наказаны любыми возможными способами.

Несмотря на возражения друзей, епископ Гуго отправился в Нормандию для личной встречи с королем. Ричарда он нашел слушающим мессу в часовне нового замка. При виде его король отшатнулся, но епископ настоял на приветственном поцелуе. Гуго занял свое место на кафедре, а после мессы, когда настало время для поцелуя примирения, король спустился вниз и поцеловал епископа. Этим милость Ричарда не ограничилась. Он прислал на ужин епископу Гуго, который не ел мясо, огромную щуку. Таким образом, примирение состоялось.

Адам из Эйншема, ставший незадолго до описываемых событий капелланом епископа Гуго, обстоятельно и подробно описывал этот период его жизни, считая весьма значимым. По словам Адама, архиепископ Губерт призвал на совет «самых

влиятельных людей со всей Англии» в Оксфорд за год и четыре месяца до кончины короля Ричарда, и был он назначен на декабрь 1197 года. Архиепископ объяснил, что король «хотя и уступает в ресурсах финансовых и человеческих, однако сражается против могущественного врага, использующего любой способ, дабы лишить короля Англии принадлежащего по праву наследства и причинить иной вред». Далее Губерт Уолтер спросил присутствующих, какую помощь они готовы оказать своему королю, находящемуся в стесненных обстоятельствах. Адам поясняет, что канцлер короля уже принял решение и определил, что «бароны Англии, среди которых было немало епископов», должны предоставить королю 300 рыцарей на год и оплатить все их расходы на указанный период. Вероятно, решение это было вынесено после консультаций с королем, и его сразу поддержали архиепископ Губерт и Ричард Фицнайджел, епископ Лондонский, который, как декан собора Кентербери, имел второе право голоса после архиепископа. Тогда епископ Гуго напомнил присутствующим, что, прежде всего, в Англии он иностранец и прибыл сюда много лет назад, как простой монах-картезианец. Будучи епископом тринадцать лет, он много сделал для того, чтобы впитать знание о «традициях, достоинстве, ответственности и тяжести бремени», связанных с занимаемым постом.

– Мне известно, что Линкольн обязан финансировать военные действия своего короля, однако лишь в том случае, когда они разворачиваются в границах страны, – произнес Гуго. – Если война идет за ее пределами, Англия ему ничего не должна.

Епископ также заявил, что готов скорее вернуться в родные земли и вести монашескую жизнь, нежели отказаться от существовавшей испокон веков неприкосновенности церкви и позволить возложить на нее новое бремя.

Выслушав Гуго, архиепископ Губерт, губы которого внезапно задрожали от переполнявшего его гнева, повернулся к Герберту, епископу Солсбери, сыну Ричарда Ильчестерского, епископа Винчестера, человеку сведущему в вопросах финансов и права, и спросил, какую помощь он готов оказать королю.

– Полагаю, – ответил тот, – что, не навредив моей церкви, я больше не могу ничего сделать или сказать более того, что произнес епископ Линкольна.

Натолкнувшись на несогласие двух столь уважаемых людей, архиепископ принялся бранить Гуго, используя самые острые и язвительные выражения, затем распустил совет и сообщил королю, что план его развалился благодаря вмешательству епископа Гуго. Ричард был в ярости и приказал лишить обоих епископов всех владений. Собственность Герберта была

конфискована в феврале 1198 года, и он сразу же отправился на континент, чтобы помириться с королем. «После многих обид, потерь, досады и упреков ему все же с большим трудом удалось вернуть расположение короля, что стоило ему огромной суммы».

Однако никто не посмел лишить епископа Гуго его имущества «из страха перед его проклятиями, которые могут привести к смерти». Решение вопроса тянулось от Дня святого Николая 6 декабря 1197 года до августа 1198 года, за это время король несколько раз отдавал приказы конфисковать имущество епископа Гуго, однако чиновники так и не осмелились его выполнить. Наконец они обратились к епископу, моля избавить их от невыносимого положения, в котором оказались, и Гуго вновь отправился в Нормандию. Он появился в Шато-Гайар 28 августа 1198 года, когда король слушал мессу в День святого Августина. Ричард занимал положенное место у входа, рядом были епископ Филипп Дарэмский и Юстас, рукоположенный 8 марта 1198 года епископом Или и назначенный канцлером.

Епископ Гуго приветствовал Ричарда, однако король отвернулся, давая понять, что не желает отвечать. Гуго настаивал: «Почтите меня своим поцелуем, мой король». Ричард лишь дальше отвел взгляд. Епископ подошел и потянул короля за ворот туники:

– Ты должен мне поцелуй, я ведь проделал долгий путь, чтобы увидеть моего короля.

– Ты не заслужил поцелуй, – ответил Ричард.

Гуго стал трясти короля:

– Нет, я заслужил. Поцелуй же меня.

Не выдержав и рассмеявшись, Ричард сдался под напором упрямого епископа.

После Гуго занял свое место на кафедре и продолжил слушать мессу с присущим ему религиозным рвением. По завершении король и епископ обменялись поцелуями примирения. Позже во время беседы Гуго упрекнул короля за то, что тот гневался на него, Ричард же, в свою очередь, обвинил во всем архиепископа Губерта, который не мог простить епископу яркого выступления. Король окончательно простил Гуго, щедро одарил и предоставил возможность весело провести время в Шато-Гайар. Тема о помощи, которой Ричард ждал от баронов, так ни разу и не была поднята в разговоре.

В завершение надо отметить, что описание Джослином де Брейклондом значительно расходится с остальными, хотя не возникает сомнений, что он рассматривает те же события, лишь под другим углом. Он не приводит даты, однако пишет: «Король Ричард отдал приказ всем епископам и аббатам Англии выбрать

по одному рыцарю из десятка и отправить их в Нормандию с лошадьми и при полной экипировке, чтобы те могли помочь ему достойно противостоять королю Франции».

Аббатство Сент-Эдмундс должно было предоставить 40 рыцарей, хотя держателями лена были лишь 52, и аббат Симон собрал всех рыцарей, передал им приказ короля и предложил избрать 4 из них, кого остальные сообща обеспечат необходимым снаряжением.

Рыцари ответили, что «ни их отцы, ни они не служили и не будут служить королю за пределами Англии, хотя регулярно выплачивали щитовой сбор». Аббат, испугавшись, что рыцари-ленники навлекут на себя гнев короля, а также «опасаясь потери собственных владений, если он примкнет к епископу Лондона и многим баронам Англии», поспешил в Нормандию на встречу с королем.

Ричард ответил Симону, что «не желает ни золота, ни серебра, но настаивает на предоставлении 4 рыцарей». Тогда аббат нанял 4 рыцарей и выплатил им 36 марок за 40 дней – традиционный срок службы – по 3 шиллинга за день. Приближенные короля предупреждали Симона, что на этом вряд ли все закончится, и ему еще предстоят расходы. Они утверждали, что противостояние с королем Филиппом может продлиться год и даже дольше, и Ричард непременно потребует, чтобы расходы на рыцарей оплачивались столь долго, сколько люди будут ему нужны. Аббат вернулся и королю и подписал договор, выплатив предварительно 100 фунтов, дававший ему гарантии, что он не будет нести ответственность за рыцарей по истечении срока в 40 дней. Ричард, в свою очередь, снабдил аббата грамотой, дающей право взимать деньги с его рыцарей, чтобы вернуть сумму, переданную королю.

Когда Симон, вернувшись в Англию, сообщил об этом рыцарям, те ответили, что слишком бедны и могут оплатить лишь по 2 марки каждый. Если бы все рыцари внесли посильный вклад, а не только 40, кто облагался щитовым сбором, Симон собрал бы 105 марок или 70 фунтов 6 шиллингов и 8 пенсов, в то время как потратил на наем и расходы 4 рыцарей 124 фунта.

Несмотря на различающиеся мнения, благодаря им вполне можно составить картину разворачивавшихся событий. На собрании в Оксфорде 7 декабря 1197 года Губерт Уолтер от имени короля потребовал, чтобы все владельцы ленов, как миряне, так и клирики, пополнили войско короля Ричарда на 300 рыцарей сроком на год. Роджер Хоуденский пишет, что Губерт Уолтер предложил им альтернативное решение – собрать для короля количество денег достаточное для найма 300 рыцарей и

обеспечения их всем необходимым, исходя из суммы 3 шиллинга в день на человека, что не соответствует утверждению о том, что Ричард настаивал на отправлении в Нормандию людей, а не денег.

Многие владельцы ленов уже были на службе в Нормандии, за исключением тех, кто следил за ситуацией на границе с Уэльсом и в областях Валлийской марки. Осмелюсь предположить, что 300 рыцарей вовсе не были одной десятой общего числа тех, кто обязан нести военную службу или нес ее, не имея возможности откупиться. В то же время один год можно считать сроком почти в десять раз превышающим 40 дней – общепринятый период службы.

Требования Ричарда, если судить по сообщениям его верховного юстициария, были вполне обоснованными, учитывая ситуацию в Нормандии. Король понял, что война против Филиппа, несмотря на заключенное перемирие, соблюдавшееся обеими сторонами, пока им это было выгодно, будет предприятием долгим и затратным и оно потребует укрепления замков не только в Нормандии, но и во всех континентальных владениях. В Нормандии дела обстояли лучше, чем где-либо, однако для хорошей защиты необходимо было возвести множество крепостей вдоль всей границы, обеспечив многочисленный гарнизон под командованием опытного начальника. Для выполнения этой задачи недостаточно было набора на военную службу рыцарей Англии, кроме того, их транспортировка через пролив лишь на 40 дней была также делом не из легких, почти невозможным, учитывая ситуацию с флотом. Ричард разумно рассудил, что ему выгоднее получить 300 рыцарей сроком на год, нежели 3000 на 40 дней, потому требование его, переданное черед Уолтера, было вполне обоснованным.

Против решительно выступил только епископ Гуго Линкольнский, аргументируя свой поступок тем, что не обязан обеспечивать короля людьми для операции за пределами Англии. Его примеру последовал Герберт из Солсбери, о чем Уолтер не преминул сообщить королю, который отдал приказ лишить обоих епископов всех владений.

Из записей Джослина де Брейклонда мы узнаем, что на упоминаемом собрании или на более позднем, где архиепископ опять поднял вопрос об обеспечении короля средствами, он все же добился от баронов согласия отправить в Нормандию десятую часть рыцарей сроком на год.

Отказ епископа Линкольнского предоставить людей для службы королю был связан вовсе не с конституциональными

принципами, как утверждает епископ Стаббс. Конституциональные или иные принципы здесь были совершенно ни при чем. Речь епископа основывалась на правах и привилегиях его как служителя церкви. Он был обязан платить щитовые деньги, и он признавал это (в противном случае он не смог бы выступить против), однако не желал оплачивать личную войну короля еще и за пределами Англии. Факт, что на его сторону встал епископ Солсбери, указывает на то, что в массе своей духовенство считало необходимым освободить от выплат все церковные лены. Мы, к сожалению, не можем судить, правы ли были епископы, поскольку не имеем достаточно фактов для составления мнения.

Можно утверждать, что не все духовенство поддерживало епископов, поскольку сохранились данные о значительных суммах скутагия (щитового сбора) за 1196 год. Надо отметить, что клирики оплатили не только сбор, но и, как отмечалось ранее, дополнительный налог, освобождающий от службы в Нормандии. Из этого следует, что король считал, что рыцари, владельцы церковных ленов, обязаны присоединиться к его войску, если только они не выкупили освобождение, оплатив оба налога. Так, например, в 1197 году аббат из Сент-Олбанса заплатил 50 марок за «возможность не отправляться на тот берег пролива, а также сбор за 6 рыцарей» и еще 50 марок «за 6 рыцарей»: итого 100 марок сбора, обычно составлявшего 6 фунтов.

Более того, двенадцать настоятелей крупнейших обителей, согласно свиткам, преподнесли в 1198 году «дары рыцарям» на сумму равную 5 маркам из расчета на одного человека. Как отмечает леди Стентон, «это действие всего лишь торг с королем владельцев церковных ленов с целью избавить себя от необходимости отправлять ему рыцарей».

У нас нет возможности узнать, оправданными или нет были действия Ричарда, но можно с определенностью сказать, что этот вопрос не беспокоил короля. С его точки зрения, разумеется, он действовал правильно в собственных интересах и с целью получить желаемое, а подданным следовало во всем его поддерживать. В любом случае это было ново и, возможно, с точки зрения владельцев лена, на необоснованность мер указывало выступление против двух епископов и рыцарей Сент-Эдмундса; не стоит забывать, что, помимо щитового сбора, налог на освобождение от службы в Нормандии был впервые востребован с духовных лиц в 1196 году.

С другой стороны, тот факт, что всего два епископа выступили против, позволяет предположить, что в целом

новшества были приняты. Король счел подобные меры возможными, основываясь на традициях и собственном желании, а не на законах. Ни одна община не стала упорно отстаивать то, что считала правом и привилегиями, существовавшими с давних времен. Даже те, кто вначале громогласно заявлял о несогласии, вскоре смолкли, испугавшись, что их владения могут быть конфискованы, как случилось с непокорными епископами. Весьма примечательно, что протестующих было лишь двое, один из которых был вынужден заплатить немалую сумму за помилование, второй же избежал опалы лишь благодаря силе собственной личности.

Ричард и его верховный юстициарий прибегают к дополнительному налогу с целью заставить в том числе владельцев церковных земель оказать помощь королю в Нормандии. Клирики не возражали против оплаты щитового сбора, однако не спешили внести требуемые суммы. Если проследить, как медленно проходили выплаты, нетерпение короля становится понятным.

Сбор для «выкупа короля из плена», ставший «первым сбором для армии в Нормандии», был объявлен в 1194 году. Аббат Сент-Эдмундса внес полностью назначенные 40 марок; епископ Линкольна из 60 марок внес 58; епископ Солсбери из 32 фунтов заплатил 31. Сумма налога устанавливалась из расчета 20 шиллингов на одного рыцаря.

«Второй сбор для армии в Нормандии» был объявлен в конце лета 1195-го, третий весной 1196-го. Упомянутым выше трем священникам были назначены те же суммы, из которых до Михайлова дня 1196 года в казну не поступило ничего.

К следующему Михайлову дню 1197 года, через год усиленных стараний Губерта Уолтера получить долги с духовенства, положение значительно улучшилось, однако налог все же не был собран в полной мере. Аббат Сент-Эдмундса был должен по 40 фунтов за каждый год, однако у него «была грамота с освобождением от уплаты, подписанная Губертом, архиепископом Кентербери». Вероятнее всего, на встрече с королем в Нормандии аббат Симон добился списания прежних долгов, что подтверждается выплатой им 80 фунтов вместо 100, которые он был должен ранее. Если так и было на самом деле, то Симон оказался весьма искусен в решении финансовых вопросов. Запись о списании долга была сделана в казначейских свитках уже после составления документа к Михайлову дню 1198 года.

Оба епископа выплатили почти все долги, за исключением небольшой суммы из первого сбора; епископ Линкольнский заплатил 51 фунт второго сбора и остался должен 9 фунтов, и 31

фунт третьего сбора, задолжав 29 фунтов. Епископ Солсбери выплатил 30 фунтов второго сбора, задолжав 2 фунта, а также 26 фунтов в счет третьего сбора, задолжав 6 фунтов. Несмотря на то что налог епископы оплатили с опозданием, они все же не стали упорствовать, пытаясь защитить свои привилегии настолько, чтобы решиться не платить щитовой сбор.

Таким образом, «веха в конституциональной истории Англии» не что иное, как нежелание епископов отдавать королю то, что, по их мнению, он не имел права требовать. Похожая ситуация имела место в 1166 году, когда владельцы церковных ленов и многие светские личности отказались платить щитовой сбор по требованию короля Генриха II, считавшего себя вправе сделать это согласно хартии «о дарении земельных угодий» 1164 года. Следует напомнить, что в том же году Генрих повелел владельцам земель сообщать, сколько фактически рыцарей-феодалов арендуют лены. Если число их превышало традиционно принятое, то увеличивался и щитовой сбор, и другие налоги. Впервые сбор был увеличен перед свадьбой старшей дочери Генриха II Матильды и Генриха Льва, герцога Саксонии.

Генриху не удалось столь легким способом увеличить свои доходы. Владельцы ленов попросту не внесли требуемые суммы, а священники открыто выразили протест, что отражено в казначейских свитках. Даже спустя тридцать лет долги не были забыты и по-прежнему отражались в свитках. В частности, там было указано: «Епископ Солсбери должен 13 шиллингов и 4 пенса в счет сбора для свадьбы дочери короля и выплаты за рыцарей, число которых не было представлено».

Ричард был не столь настойчив, как его отец, кроме того, полагал, что, как король-крестоносец, имеет право на помощь церкви, однако он мог последовать примеру Генриха и сохранить записи о долгах, чтобы получить деньги в будущем. Ричард этого не сделал. Он блестяще отражал все нападки Филиппа; построил самый великолепный замок во всей Западной Европе, чтобы защитить Руан и долину Сены; Ричард расположил гарнизоны во многих замках на границе Нормандии, с целью защитить свои владения; к тому же ему почти удалось создать союз против Франции, который мог уничтожить ее мощь.

Во время своего триумфального путешествия вниз по Рейну Ричард смог заключить договоры со многими представителями знати Германии и Нидерландов. Осенью 1197 года он завоевал графства Фландрия и Булонь, на его сторону перешли многие вельможи Франции. Южные границы континентальных владений Ричарда находились под защитой его шурина короля Наварры Санчо, близкого друга Ричарда, и метавшегося между Ричардом и

его врагами графом Тулузским Раймундом VI, которому король отдал в жены свою сестру Иоанну, оставшуюся вдовой после смерти в 1196-м ее мужа короля Сицилии Вильгельма.

28 сентября 1197 года скончался император Генрих VI, и Ричард озаботился вопросом, как сделать своего любимого племянника Оттона, графа Пуатье с 1196 года по его приказу, наследником императора. Король отправил делегатов, в числе которых был и Филипп, епископ Дарэмский, Юстас, будущий епископ Илийский и Болдуин де Бетюн, граф Омальский, на встречу в Кёльн. Старания посланников короля увенчались успехом; 6 июня 1198 года племянник Ричарда стал королем Германии Оттоном VI. Благодаря владению искусством дипломатии Ричарду удалось также оставить короля Филиппа почти в полной изоляции, окруженного союзниками короля Англии, переживавшего в тот момент триумф, став самым сильным, влиятельным и могущественным монархом Западной Европы.

X
1198 год

Гуго Нонант, епископ Ковентри и «главный обвинитель монахов», как мы помним, изгнал в 1190 году монахов из Ковентри и вместо них утвердил капитул, состоящий из светских каноников. Монахи лишились земель и были вынуждены искать приют в различных обителях по всему королевству. На тот момент у них не было ни возможности, ни средств обратиться с жалобой в Рим.

Им удалось сохранить некое подобие единства, и это демонстрирует факт выступления осенью 1194 года их приора, Моисея, с новыми претензиями к каноникам Ковентри в незаконном лишении монахов земельных владений. Он предложил им 600 марок, чтобы вернуть владения общины. Каноники, со своей стороны, предложили ту же сумму, чтобы сохранить права владения. Губерт Уолтер еще больше запутал ситуацию, заявив, что решение вопроса находится в компетенции суда церковного. К сожалению, мы не можем знать, чем закончилось это дело, хотя, вероятно, решение, если таковое и было принято, утверждало в правах каноников.

Когда монахи наконец изыскали возможность обратиться в Рим, папа Целестин III признал их правыми на основании того, что епископ Гуго действовал исходя из «фальсифицированного разрешения», якобы данного папой, позволявшего изгнать монахов. Папа отправил распоряжение архиепископу Губерту, епископу Линкольнскому Гуго и аббату Самсону из Сент-Эдмундса вернуть монахов в обитель и восстановить во всех правах.

Письмо папы, скорее всего, было представлено королю Ричарду, в любом случае ему было известно о том, что происходит. Когда противоборствующие стороны встретились в Оксфорде, вероятно на Большом королевском совете 7 декабря 1197 года, им вручили письмо от Ричарда с указанием не предпринимать пока никаких действий, хотя король и не мог требовать этого.

Архиепископ Уолтер и епископ Гуго были склонны выполнить указ короля, однако аббат Самсон, ревностно относившийся к сохранению чести ордена, настаивал на исполнении приказа папы. Тогда одному монаху из Ковентри было демонстративно возвращено его владение, однако в отношении остальных процедура была отложена, дабы не нарушать приказ короля.

Чтобы продемонстрировать свою поддержку монахов, аббат Самсон открыл приют для четырнадцати братьев из Ковентри, присутствующих на собрании в Оксфорде. Он также устроил большой пир, на котором почетными гостями были многие «пастыри своего стада». Биограф аббата пишет: «Кажется, никогда в жизни он не был счастлив так, как в тот день».

Вскоре после Дня святого Илария 14 января 1198 года Самсон отправился в Ковентри, встретиться с двумя братьями во Христе. Архиепископ Губерт тем временем отпраздновал Рождество в областях Валлийской марки. Целью его визита было усиление английского влияния, поскольку после смерти лорда Риса региону грозили серьезные беспорядки, что было связано с разногласиями двух его сыновей за право наследования. Архиепископ лишил должностей кастелянов замков Херефорд, Бриджнорт и Ладлоу, видимо начав сомневаться в их верности, и назначил на их места новых.

За те пять дней, что аббат ждал в Ковентри прибытия архиепископа, он развлекал всю общину, так и не вернувшую себе дом, а также слуг приюта. Три прелата официально восстановили права монахов 18 января и вернули им все владения.

Епископ Гуго был в то время в Нормандии, но, по всей видимости, ему не удалось получить расположение короля. Осенью 1197 года епископ заболел и находился в тяжелом положении всю зиму. Гиральд Камбрийский рисует душераздирающую картину одинокого и больного епископа в Ле-Бек-Елуэн, посвятившего последние дни жизни молитве и покаянию, раздающего щедрую милостыню и тратившего все состояние на благотворительность и помощь бедным. «Рьяно боровшийся с монахами», он сам обладал их привычками, Роджер Уэндовер пишет: «Заступниками его предстояло стать тем, кого он притеснял в этом мире».

Епископ скончался в Страстную пятницу, 27 марта 1198 года, под звуки повествования о Страстях Господних и был похоронен на монастырском кладбище в Беке. Летописец Винчестера, которым был, вероятно, тот же Ричард Девайс, составивший записи о борьбе Гуго с монахами, с удовлетворением констатирует: «После продолжительной болезни и тяжких страданий завершилась его жалкая жизнь достойной кончиной».

Ричард передал ставшую вакантной должность Жоффрею де Мюшаму, архидьякону Кливленда, одному из злостных врагов архиепископа Джеффри. Архиепископ Уолтер провел обряд посвящения в епископы в Кентербери 21 июня.

Бремя налогов последних лет тяжелее всего давило на владельцев ленов, обязанных нести военную службу, которым

предстояло либо вступить в войско, либо трижды платить щитовой сбор и нововведенный налог, чтобы этого избежать, а также на жителей городов, боро и деревень, расположенных в королевских землях, обязанных выплачивать таллаж, что они делали, надо признать, на удивление бессистемно. Налоги с возделываемых земель в 1194 году не принесли в казну почти ничего, впрочем, для их сбора не предпринимались сколь-либо действенные меры. Губерт Уолтер под давлением короля вознамерился вернуть короне этот источник дохода, справедливо распределив между всеми владельцами земли.

Роджер Хоуденский пишет, что весной 1198 года король Ричард «получил пять шиллингов налога с каждой гайды земли по всей Англии», а также отмечает, что взимался он по новым правилам, не только с недвижимого, но и движимого имущества, прилагая подробное описание.

Казначейство отправляло в каждое графство рыцаря и секретаря. Вместе с шерифом и избранными рыцарями (опять же сложно сказать, были рыцари избраны или отобраны), давшими клятву «честно выполнять возложенные обязанности», они собирали всех управляющих поместьями графства; присутствовал лорд или представитель короля в управлении – главный судья – и еще четыре законопослушных человека, свободных или вилланов, с каждого поселения; также два достойных рыцаря от сотни.

Эти люди должны были объявить «честно и без обмана, какой урожай был получен с земли в каждой деревне, в поместье лорда, сколько с возделываемой вилланами, а сколько церковникам». С каждого такого надела – гайды – казна получала пять шиллингов; исключения составляли случаи, когда землями владели приходы или сержанты, освобождавшиеся от выплат в обмен на обязательную службу королю.

Списки составлялись комиссией в четырех экземплярах, из которых один передавался секретарям, второй рыцарям казначейства, третий оставался у шерифа, четвертый у управляющего лорда, владельца земли. Налог собирали два рыцаря и главный судья сотни или сержант. Они передавали деньги шерифу, а тот, в свою очередь, в казначейство. Процедура была завершена к 31 мая 1198 года, к этому же времени всем сержантам, чьи угодья были учтены и представлены в отчетах, предписывалось явиться в Лондон, чтобы «лично узнать, каков будет им приказ короля».

На первый взгляд может показаться, что налог определялся весьма просто путем пересчета рогатого скота, как правило, за единицу принималось восемь голов, используемых для пахоты на каждом наделе или в поместье, а также учета движимого

имущества и количества гайд обрабатываемой земли. Однако Роджер Хоуденский вносит неясность, вскользь добавив в самом конце, что по оценке четырех законопослушных граждан сто акров должны были считаться единицей возделываемой земли.

Большое значение имело присутствие избранных рыцарей. Епископ Стаббс пишет: «…представленный способ оценки был признан применимым к земельным наделам, присутствие избранных рыцарей, контролирующих процесс в каждом графстве, указывает на быстрый темп приближения времен, когда идеи представительства и выборности сошлись воедино». «Принцип представительства достиг полноценного воплощения в области финансового управления в графствах», – пишет мисс Норгейт. Сэр Джеймс Рамсей отмечает: «Присутствие избранных рыцарей для контроля проведения учета выплат является наиболее любопытной процедурой процесса».

Следует напомнить, что миссия инспекторов, которыми были секретари и рыцари казначейства, шерифы и избранные рыцари, была лишь в том, чтобы выяснить и задокументировать, какое количество гайд пахотной земли возделывается и кто ее обрабатывает. Как и в случае сбора данных для «Книги Страшного суда», значимость которой в данном случае явно собирались превзойти, источником информации становились только местные жители. Свидетельствование этих людей необходимо было подкрепить двум добропорядочным и законопослушным рыцарям из сотни. Представительная функция рыцарей заключалась лишь в необходимости следить за тем, насколько честно проводится процедура; основной их задачей было обеспечение присутствия всех представителей и слушание заявлений.

Во второй половине XII века государственный механизм все более и более усложнялся, однако профессиональный государственный аппарат, если можно так выразиться, не стал больше с увеличением выполняемых функций. Судебная система в значительной степени изменилась во времена Генриха II, а при Ричарде I и Губерте Уолтере стала сложнее, значительнее и расширила полномочия. Финансовая система при Ричарде I включала в себя новые налоги: щитовой сбор, дополнительный налог на военную службу, нововведенный плужный сбор, таллаж, погайдовый сбор, а также обязательные дары королю.

Государственный аппарат было решено не увеличивать, вводя новые должности профессиональных чиновников, большая часть которых служила в казначействе или суде, а возложить обязанности на рыцарей-феодалов в графствах с целью расширить границы власти на местах, а также сеть, которая способствовала бы продуктивному сбору налогов. Из всех членов комиссии,

которая занималась подсчетом налогов, только трое считались официальными представителями государственного органа власти – секретарь, рыцарь казначейства и шериф. Может показаться, что единственной работой инспекторов было избрание рыцарей из графства и сотни, но их более тяжелой миссией был сбор налогов, возложенный на избранных рыцарей и главного судью коллегии каждой сотни.

У нас нет сведений о том, как точно взимался так называемый «плужный сбор» и составлял ли он пять шиллингов, а также что учет был выполнен, как приказывал Губерт Уолтер. Однако в казначейских свитках есть данные о том, что во время выездных сессий осени и зимы 1198 и 1199 годов судьи делали попытки получить плужный сбор в посещаемых ими областях. В казначейских свитках 1194 года налог фигурирует как «погайдовый сбор», в текущем же году как «плужный сбор». Документы того времени не дают ясности, можно ли рассматривать плужный сбор попыткой собрать погайдовый сбор, недополученный в 1194 году, или новым налогом.

Ричард, архидьякон собора в Или, Гамелин де Варенн и Осберт Фицгерви посетили несколько восточных графств. В Нортгемптоншире шериф предложил им 100 фунтов от всего графства за возможность «отложить взимание плужного сбора», а Ратленд 20 марок «в счет плужного налога с графства». В Кембриджшире и Хантингдоншире, а также в Норфолке и Саффолке судьи определили единую сумму сбора в 40 шиллингов с сотни.

Джеффри Фицпетер, избравший со сторонниками Лондон местом своего пребывания, наложил штраф 40 марок на Хартфордшир и 100 марок на Эссекс «за неуплату плужного сбора», так же оштрафовали Букингемшир и Бедфордшир на 80 и 140 марок соответственно «за плужный сбор». Суррей внес 40 марок, а Беркшир 70 марок «за освобождение от плужного сбора».

Два человека из окружения Джеффри Симон Патишэлл и Джон Гестлинг вместе с Ричардом Флемингом и с помощью Алана, аббата из Тьюксбери, собрали деньги с западных графств. Глостершир был обложен налогом в 100 марок за «освобождение от плужного сбора», из которых 4 фунта 5 шиллингов 2 пенса были внесены сотней Тьюксбери и 7 фунтов 3 шиллинга 6 пенсов сотней Торнбери «за освобождение от плужного сбора на время правления короля Ричарда». С Шропшира было получено 20 фунтов, с Вустершира 3,5 марки, с Херефордшира 20 фунтов, с Оксфордшира 80 марок «за освобождение», Стаффордшир заплатил 20 фунтов «плужного налога на время правления короля Ричарда».

К сожалению, до наших дней не сохранились данные об общей сумме, цифры, собранные с земель сержантов, представлены лишь в девятнадцати графствах. Отчет инспектора из графства Йоркшир говорит о том, что полученные им инструкции Роджер Хоуденский описывает достаточно точно:

«Высокопреосвященный лорд Губерт, божьей милостью архиепископ Кентербери, примас всей Англии, твои преданные Р(оальд), приор из Гисборо, Р(еджинальд) из Арундела, регент хора собора в Йорке, Роджер Бэтвент, шериф Йоркшира, Уильям Перси и Ральф де Болебек, Жоффрей Баард, Джеффри Уэльс и Роберт Мэйтон приветствуют тебя и выражают готовность служить тебе во всех делах.

Мы сообщаем Его светлости, что во время объезда по твоему приказу северного райдинга Йоркшира с целью получить налог с движимого имущества нас задержали некоторые непредвиденные события в Ричмондшире и Кливленде, потому добраться до сотни Пикеринг смогли мы только к пятнице следующей недели после праздника Святой Троицы. Сержанты лорда короля, держащие земли в сержантерии, не смогут явиться к тебе в Лондон в назначенный срок к окончанию октавы Пятидесятницы. Мы не смогли произвести учет всей земли, а также участков пахотной земли, за исключением тех, что были нам показаны, мы определили для них день, когда им следует явиться в Лондон – в следующее воскресенье перед празднованием в честь святого апостола Варнавы (11 июня)».

* * *

В Херефордшире налог был подсчитан и собран «шерифом Херефордшира и его помощниками, которым было велено учесть весь таллаж с пахотных земель».

В составленном отчете были представлены имена, перечень имущества, его стоимость, в некоторых случаях указывалась форма владения землей и вид службы, а в еще более редких случаях приводились суммы, которые владельцы ленов передавали королю. Например, Ричард Энгейн держал землю в Гиддинге, Хантингдоншир «в сержантерии и обязан был охотиться на волков, что и исполнял ежедневно». Роджер Лиддингтон имел один надел пахотной земли в Бэмптоне, Оксфордшир, «что стоило ему 1 марки в год, поскольку земля была неплодородной; служба – соколиная охота (ему был доверен один из соколов короля). Передал королю 1 марку».

Отчеты по налогам, уплаченным сержантами, оставались

неполными, возможно, они не были закончены изначально, а возможно, часть попросту потеряна. В отчете из Уилтшира представлены сорок два имени владельцев земель в сержантерии, а в Оксфордшире всего семь.

Роджер Хоуденский отмечает, что клирики отказывались платить плужный сбор, «как делали иные жители королевства», и Ричард отомстил им, лишив защиты, предоставляемой законом. Никто из духовенства не имел права подавать в суд на мирянина и требовать от него возмещения убытка любого рода, мирянин же, напротив, имел право обратиться в суд с жалобой на духовное лицо и добиться сатисфакции и компенсации. Такие меры ставили церковь в зависимое положение и отдавали на милость хищным соседям. Недовольные явным ущемлением прав клирики вскоре смирились и согласились выплатить налог.

Изучая разрозненные свидетельства, связанные с определением суммы плужного налога, можно предположить, что Губерт Уолтер, желая сделать новый налог справедливым, предпринял слишком решительные меры, оказавшиеся сложными в понимании и выполнении. В его распоряжении было столько же людей, сколько во время составления «Книги Страшного суда» в период правления Вильгельма Завоевателя, однако разъездные судьи, шерифы и чиновники казначейства уже были в большой степени заняты исполнением имевшихся у них обязанностей. В таких условиях верховному юстициарию едва ли удалось бы завершить столь грандиозный проект по введению повсеместно налога на каждый участок земли.

Плужный сбор, как щитовой сбор и таллаж, о которых есть данные в казначейских свитках, был законным и традиционным налогом. Новым в системе налогообложения в период правления Ричарда было не введение налогов, хотя король и потребовал оплаты дополнительного к щитовому сбора, а частота их выплат, чиновники использовали любое удобное для них время для получения денег.

Остро нуждавшийся в средствах Ричард придумал новую уловку, которая была воспринята с еще большим возмущением. В период между 7 января и 16 мая 1198 года король поменял печать и распорядился, чтобы все старые документы были переоформлены и на них стояла новая печать, лишь в этом случае они считались действительными. Очевидно, что Ричард планировал это уже несколько лет, поскольку в казначейских свитках 1193 года есть запись о выплате 2 марок «Уильяму Голдсмиту, изготовившему печать для короля, на покупку одежды и выплату жалованья», а в следующем году в отчете упоминалась «пластина весом в 5 марок для изготовления королевской

печати». Вероятно, в обоих случаях упоминается одна и та же печать, та, о которой написано в казначейских свитках 1196 года, как относящейся к периоду «со дня Святой Троицы шестого года (1194) до начала октавы праздников апостолов Петра и Павла восьмого года (6 июля 1196 года)».

Прежде чем предпринять столь беспрецедентные меры, король объяснил причину, заявив, что Большая печать дважды некоторое время находилась не при нем, вследствие чего подлинность документов того периода может вызывать сомнения. Первый случай произошел в 1191 году, когда 24 апреля Роджер Мальчиэль, хранитель печати, утонул недалеко от Лимассола по пути на Святую землю. Когда тело вынесло волной на берег, его нашел один из крестьян, печать находилась рядом; позже король выкупил ее. Второй случай имел место во время плена Ричарда в Германии.

Король Англии приказал, чтобы все документы, на которых стояла прежняя печать, были оформлены заново, вне зависимости от даты. Например, документы, заверенные печатью короля 7 января 1198 года, были переписаны 22 августа того же года. Истинной же причиной столь неординарного приказа, разумеется, был высокий налог, взимавшийся при переоформлении. Филипп из Пуатье, епископ Дарэма и один из лучших друзей Ричарда, выплатил 100 марок за два документа.

Все же Ричард был не так суров с епископом Филиппом, как с его предшественником Гуго де Пюйсе. Как упоминалось выше, епископ Гуго приобрел поместье в Садбердже, обещав 600 марок, которые так и не заплатил. Епископ Филипп купил то же самое поместье, находящееся в собственности короны, но уже за 400 марок; решающим фактором, вероятно, стало то, что он выплатил всю сумму сразу, а не ограничился обещаниями, это и позволило значительно снизить цену.

Епископу Годофри Винчестерскому пришлось намного тяжелее. Он уже заплатил 3000 фунтов за поместья Меон, Уоргрейв и за поместье, полученное в наследство, но с него потребовали еще 1000 фунтов за то же самое.

Монахи Кентербери, помимо затянувшейся ссоры со своим архиепископом по поводу основания коллегиальной церкви в Ламбете, затаили обиду на Губерта Уолтера за приказ поджечь церковь Сент-Мери-ле-Боу, когда там скрывался Уильям Длинная Борода. Они отправили жалобу папе, однако Целестин III не придал событию значения.

Новый папа, Иннокентий III, сменивший Целестина III в январе 1198 года, повел себя иначе. Согласно записям Роджера Хоуденского, он внимательно выслушал делегатов монахов

Кентербери, возмущенных тем, что «вопреки приказу папы он считал возможным судить подданных короля (подвергая наказаниям и отправляя на смерть) и был настолько вовлечен в дела мирские, что не имел возможности исполнять обязанности архиепископа».

Папа, один из лучших знатоков канонического права Средневековья, счел подобное положение недопустимым. До этого времени церковь Англии была почти в полной власти короля Ричарда. Он лично назначил каждого епископа, рукоположенного в период его правления, исключая Саварика Батского, получившего приказ короля принять любую должность, на которую его изберут. На легатов папы Ричард смотрел с таким высокомерием, что удивил бы даже венценосного отца, кроме того, никогда ранее архиепископ Кентерберийский не был так предан королю, как Губерт Уолтер. До вступления в должность Иннокентия III Ричарду доводилось иметь дело со слабыми папами, не смевшими противиться воли короля-крестоносца и снизить его влияние на церковь Англии. Иннокентий III не мог принять, чтобы архиепископ Кентерберийский настолько пренебрег своими обязанностями духовного лица, насколько это сделал Губерт Уолтер, потому незамедлительно отправил послание Ричарду I, призвав думать больше о спасении души, а также не позволять примасу Англии вести себя как верховный юстициарий. Как пишет Роджер Хоуденский, именно по этой причине Ричард I отстранил Губерта Уолтера от светской должности.

В письме короля, извещавшем об отставке верховного юстициария, датированном 11 июля 1198 года, не содержится упоминание о приказе папы. Этим жестом король пожелал отдать должное человеку, служившему ему с бесконечной преданностью, он помнил о многочисленных просьбах Губерта отстранить его от должности верховного юстициария, ссылаясь на «слабость тела и многочисленные недуги, а также другие важные причины», однако король не принимал отставки «для Нашей пользы и твоей выгоды, а также для сохранения спокойствия в королевстве». Теперь же, «учитывая слабость его здоровья и тяжесть бремени, Мы выполняем его просьбу и освобождаем от должности, которую даровали».

Соглашаясь занять место верховного юстициария, будучи уже архиепископом Кентерберийским, Губерт Уолтер принял на себя тяжелый груз, и только человек неординарных способностей мог четыре года совмещать деятельность фактически регента короля, учитывая его постоянное отсутствие, и примаса всей Англии. Не стоит забывать, что Уолтер был еще и легатом папы, и при всем

этом ему удавалось работать чрезвычайно продуктивно; нет ни одного доказательства того, что он управлял провинцией Кентербери хуже, чем кто-либо из его предшественников.

Что же касается должности верховного юстициария, то успехи Губерта Уолтера в столь непростой для страны период были значительнее, чем у многих, находившихся ранее на этом посту. Именно при нем уважение к должности стало наивысшим. Уже давно, со времен Генриха I, эта должность была самой важной в государстве, поскольку во время отсутствия короля управление переходило именно к верховному юстициарию, его доверенному лицу, действовавшему от имени монарха и в его интересах.

Генрих II находился за пределами Англии в течение периода, почти равного второму отсутствию Ричарда. Генрих оставался на континенте с августа 1158 до января 1163 года и с марта 1166 по март 1170 года. Все это время он контролировал происходящее в стране, как и действия своего верховного юстициария, Ричард же, напротив, полностью передал управление в руки Губерта Уолтера и вмешивался лишь для того, чтобы потребовать больше солдат, денег и запасов для армии. Все меры для повышения эффективности работы институтов власти в эпоху правления Ричарда были предприняты и принесли пользу лишь благодаря таланту Уолтера, как государственного деятеля; король Ричард не принимал в их разработке никакого участия.

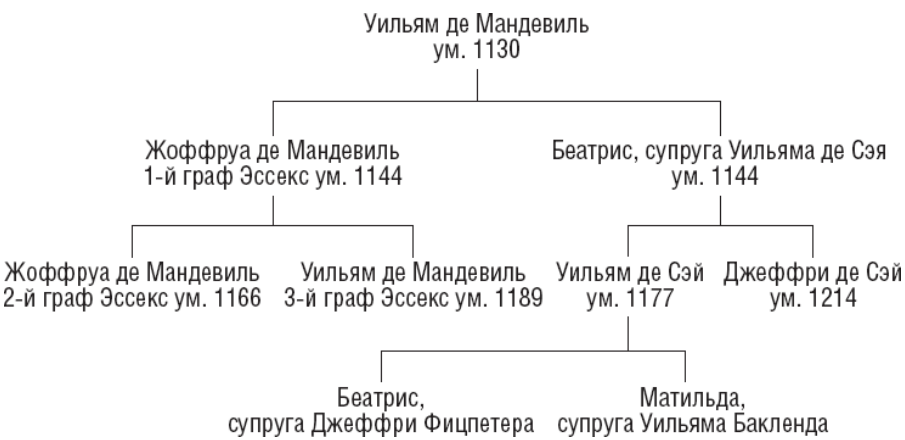
Уолтер разумно и со знанием дела управлял Англией; он внес незначительные изменения в работу механизма, функционировавшего ровно и отлаженно в сфере правосудия, вне зависимости от того, был ли король в стране или за ее пределами. Губерт Уолтер сделал больше, чем смог бы любой другой на его месте, для усиления власти государственного аппарата в деле сохранения спокойствия, порядка и законности, а также организации сбора средств и привлечения подданных к службе на благо короля. Помимо прочего, ему удалось, не допустив крайне нежелательных для того периода волнений и протестов, поднять налоги на уровень, невиданный до того времени.

Несмотря на то что верховный юстициарий фактически единолично правил Англией, он всегда действовал от имени короля; какой бы властью он ни обладал, ей наделил его монарх. Ричард позволял Уолтеру все вопросы решать самостоятельно, однако последнее слово оставалось за ним. Когда возникала необходимость, король Англии действовал стремительно и агрессивно, как и его венценосные предки; он мог одним словом обезоружить человека, независимо от его положения, богатства и силы, заставить предстать перед врагами почти беззащитным.

Губерт Уолтер обладал огромной силой именно потому, что осознавал, что у его власти и полномочий, согласно должности, существуют строгие границы. В этом он отличался от Гийома Лоншана, отдававшего приказы от собственного имени и всякий раз демонстрирующего, что управляет страной он; в результате Лоншан поплатился за свою же самонадеянность. Приказы Уолтера были строже и значимее, однако сделаны они были от лица короля, поэтому принимались подданными, несмотря на недовольство.

На должность верховного юстициария Ричард назначил Джеффри Фицпетера, второго человека в королевстве, обладавшего богатым опытом и блестящим умом. Он был скромного происхождения, служил некогда Генриху II и занимал место шерифа Нортгемптоншира последние пять лет его правления. Выше упоминалось, что, взойдя на трон, Ричард освободил Джеффри от исполнения долга крестоносца и назначил юстициарием, которому полагалось вместе с верховным юстициарием управлять государством в его отсутствие. Фицпетер вновь занимал должность шерифа Нортгемптоншира с Михайлова дня 1191 года до Пасхи 1194 года, а также Эссекса и Хартфордшира с 1190 по 1193 год, был разъездным судьей в этих графствах и хранителем и управляющим королевским лесом во время правления обоих монархов. Удачный брак помог ему значительно увеличить состояние и упрочить положение.

Когда Уильям де Мандевиль, 3-й граф Эссекс, граф Омальский, один из двух юстициариев, назначенных Ричардом перед отъездом из Англии, умер бездетным в конце 1189 года, король отдал его вдову Гевизу Омальскую, а также графство и титул Гильому де Фору. Гевиза не унаследовала владения Уильяма в Англии, которые должны были перейти ближайшим наследникам по линии Мандевилей. О праве на богатое наследство заявили двое потомков одной из теток Уильяма Беатрис: Беатрис де Сэй, старшая дочь старшего сына тети Беатрис, состоявшей в браке с Джеффри Фицпетером; и Джеффри де Сэй, младший сын тети Беатрис. Родственные отношения этих людей представлены ниже:



Джеффри де Сэй готов был заплатить 7000 марок «за земли графа Уильяма»; Джеффри Фицпетер смог предложить только 3000 «за земли графа Уильяма, которые унаследует его супруга Беатрис де Сэй, обязуясь всегда быть на службе у короля, если на то будет его воля, даже если предложение не будет принято». Джеффри де Сэй не выплатил ни пенса, в то время как Фицпетер к Михайлову дню внес 900 марок. Стоит ли говорить, что именно ему были переданы права на землю. Грамота с печатью Ричарда от 23 января 1191 года, написанная в Мессине, подтверждает, что Джеффри Фицпетер и его супруга Беатрис, «законная и ближайшая наследница графа», получают во владения все земли, несмотря на претензии младшей сестры Матильды, имеющей право на половину. В 1191 году Джеффри Фицпетер выплатил в счет обещанных 3000 еще 1460 марок, в 1192 году 140 марок, а в 1193 году выплатил долг полностью; такая щепетильность и точность были весьма необычны для того времени. Джеффри получил только земли, хотя и собирал «треть пенни», выплачиваемые графу, с Пасхи 1190 года, официально он стал графом Эссексом только после коронации Иоанна Безземельного.

Смена главного юстициария не повлияла на управление государством. Два главных человека, находящиеся у власти, много лет работали вместе, потому переходный период прошел почти незаметно и безболезненно, со стороны даже могло показаться, что Губерт Уолтер по-прежнему не утратил своих позиций.

Вскоре после вступления в должность Фицпетер подписал документ с инструкциями для разъездных судей, во многом перекликающийся со статьями 1194 года. Однако некоторые положения хотелось бы отметить. Статья IX велит судьям «разобраться, каково положение женщины, мужчины и девушки, чьи владения были переданы в управление, какова стоимость их

земли, состоят ли они в браке, с кем, как долго и прочее». Следующая статья согласуется по смыслу: «Следует выяснить, какие из вдов не заплатили причитающийся налог в пользу лорда короля».

Таким образом, выездная сессия, проводимая согласно указам нового главного юстициария, позволила судьям увеличить источник дохода, каким-то образом забытый в последние годы. В казначейских свитках этого года непривычно часто встречается упоминание о получении денег с вдов, желающих либо выйти замуж по собственному выбору, либо получить право не выходить замуж, а также от опекунов несовершеннолетних, которые хотели получить выгоду от брака их подопечных. Например, в Линкольншире Никола, жена Жерара де Камвилла, заплатила 100 марок за право «дочери Матильды самой выбрать в женихи любого, кроме врагов короля».

Жерар де Камвилл в полной мере испытал на себе гнев короля за то, что посмел когда-то встать на сторону принца Иоанна. В 1194 году его заставили выплатить 2000 марок за участие в мятеже, и в 1197 году ему удалось погасить долг, есть запись о том, что в счет последних 8 фунтов он передал королю две лошади. Едва выплаты были произведены, Жерару назначили новый налог 100 марок «за возвращение права собственности на землю, которого он был лишен из-за отказа его рыцарей от воинской службы» в Нормандии. Его супруга, помимо налога, упомянутого выше, выплачивала такой же в 300 марок за свою старшую дочь, сестру Матильды.

В том же Линкольншире Сесилия де Кревекёр заплатила 13 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов «налога на замужество». В Норфолке и Саффолке Гелевиза де Уеррес выплатила 20 марок за право не выходить замуж, поскольку она «предпочла целомудренную жизнь»; Матильда Фелмингхэм предложила 5 марок за «возможность выйти замуж за человека по своему выбору». Осберт Фицгерви заплатил 20 фунтов за право вступить в брак с Маргарет Рай «по милостивому позволению лорда короля», а графиня Гандреда, вдова старого графа Гуго из Норфолка, скончавшегося более двадцати лет назад, передала в казну 100 марок, чтобы «избежать необходимости выходить замуж, поскольку она того не желает, однако, если воля ее изменится, она непременно воспользуется советом короля».

Статья XIX документа нового главного юстициария указывает на необходимость провести расследование о соблюдении ассизы о мерах и весе, что демонстрирует намерение Фицпетера приложить все силы для установления порядка.

Статья XX гласит: «Учет гайд и наделов под запашку должен

быть произведен в каждом графстве; необходимо проверить, что все разъездные судьи хорошо выполнили свою работу и ничего не скрыли». Это подтверждает, что межевание по приказу, полученному весной прошлого года, было выполнено, по крайней мере в большей степени, хотя до настоящего времени результаты его не сохранились.

У судей было также немало забот с взиманием таллажа с городов и боро и дальнейшей переправкой денег «для поддержания сержантов короля за морем». Шерифы и судьи прикладывали все усилия, чтобы собрать как можно большие суммы; они заставляли выплатить старые долги, не покрытые много лет; надо признать, что огромное их количество в текущем году было выплачено полностью. Джеффри оказался более суровым и менее щепетильным человеком в выборе способов получения денег для короля, чем Губерт Уолтер. Доход по подсчетам казначейства вырос с 17 500 фунтов до чуть более 22 000 фунтов в 1198 году.

«То и дело происходившие досадные новшества, справедливые или нет, постепенно повергали всю Англию от моря до моря в нищету. Когда одни заканчивались, начинались новые мучения, будоражившие жителей королевства, придуманные хранителем королевских лесов». Джеффри Фицпетер служил главным лесным юстициарием и написал от имени короля «Новую лесную ассизу», являвшуюся расширенной версией «Лесной ассизы», принятой в период правления Генриха II.

Целью закона о лесе было ограничить «вырубку деревьев и охоту на животных», защитить растения и зверей, соблюдение указа требовалось строго и повсеместно, это являлось для короля хорошим источником дохода и позволяло защитить угодья, в которых он так любил охотиться. У его сына Ричарда почти не было возможности охотиться в лесах Англии, к тому же он испытывал к этому занятию мало интереса, выездные сессии суда по вопросам леса в его правление не проходили. Джеффри Фицпетер и Гуго де Невилл, исполнявший обязанности лесного юстициария, организовали сессию по вопросам леса, надеясь собрать немалые суммы в качестве штрафов и налоговых выплат. До Михайлова дня они посетили семнадцать графств, находящихся в одном регионе от Линкольна на севере до Суссекса на юге и от Эссекса на востоке до Уорикшира на западе, а также ненадолго заехали в Корнуолл, Дорсет и Сомерсет.

Несмотря на то что новый закон во многом повторял «Лесную ассизу», в нем не было столь свирепого наказания за несоблюдение, как лишение зрения и оскопление. В казначейских свитках отмечены многочисленные штрафы за содержание гончих

в лесу, что было, видимо, распространено в Корнуолле, где 49 человек были оштрафованы на суммы от половины марки до 20 марок. Тринадцать населенных пунктов в Уилтшире заплатили половину марки каждый за сломанные деревья и загрязнение леса; мужчин оштрафовали на половину марки за охоту. Выкорчевывание деревьев или вырубка леса под запашку были неминуемы и связаны с ростом населения. Например, в Нортгемптоншире Роджер Торпел заплатил 8 фунтов за освоение 12 акров и «право передавать землю по наследству», а несколько мужчин в том же графстве вынуждены были оплатить разрешение на вырубку принадлежавшего им леса, который по воле случая оказался в пределах границы королевского лесного массива.

В первое же лето своего правления Джеффри Фицпетер был вынужден отправиться в регион Валлийской марки, что было связано с новыми военными действиями Гвенвивина, лорда Поуиса. В июле валлийцы осадили Пайнскасл, или Модскасл, как называли его англичане, на территории современного Рэднорширa, завоеванного Уильямом де Браозом. Верховный юстициарий собрал большое войско и отправился на подмогу Уильяму. Во время тщательно подготовленного сражения у замка 13 августа ему удалось сокрушить валлийцев, многие были убиты, оставшиеся в живых в панике бежали. Радульф Дицетский указывает, что убитых валлийцев было более 3000; Джервейс Кентерберийский приводит цифру более 5000, а Роджер Хоуденский указывает, что 3070 человек были убиты, многие смертельно ранены, но бежали с поля боя. Он добавляет, что среди англичан погиб лишь один воин, причем от стрелы своего же товарища, которую тот по неловкости пустил не в ту сторону.

Разумеется, Губерт Уолтер, имевший богатый опыт в борьбе с валлийцами, был ближайшим советником Джеффри Фицпетера. Джервейс Кентерберийский пишет, что архиепископ находился рядом и вернулся в Лондон, только увидев поражение врага. Там он собрал Большой королевский совет, на котором сообщил об уходе со светской должности, и с августа месяца его место занял Джеффри Фицпетер. Однако приказ об отставке Уолтера Ричард подписал 11 июля, также Радульф Дицетский сообщает, что валлийцы были разбиты «в День святого мученика Ипполита Римского», отмечавшийся 13 августа. Роджер Хоуденский приписывает победу Джеффри Фицпетеру, уже вступившему в должность верховного юстициария.

Гиральд Камбрийский, лучше других осведомленный о происходящем в Уэльсе, пишет, что Губерт Уолтер, еще «будучи верховным юстициарием королевства», собрал армию, «дабы показать валлийцам свою силу и ненависть к врагу», и повел ее к

замку, скорее всего, речь идет о Пайнскасле, построенном англичанами, «не в пределах Англии, а скорее в Уэльсе, чтобы отобрать у них земли», а также указывает, что враг был разгромлен.

Губерт Уолтер не стоял во главе войска, но был очень доволен изгнанием валлийцев. Он получил весть о победе англичан и 3000 убитых, находясь в Бриджнорте, Шропшир, на следующий день, и немедленно повелел звонить во все колокола в городе и петь в церквах гимн «Тебя, Бога, хвалим», «воздавая хвалу, как добрый Божий пастырь». Гиральд язвительно добавляет, что «всего за один день души столь многих его прихожан были отправлены в ад».

Путаница с тем, был ли Губерт Уолтер верховным юстициарием в середине августа, говорит о том, что и после ухода с должности его роль в делах государства оставалась не менее активной, чем прежде.

Ричард тем временем добился не менее впечатляющих успехов в борьбе с французами. 28 сентября, имея в своем распоряжении небольшое войско, он разгромил врага близ Жизора в провинции Вексен. Король Филипп вскочил на десятилетнего коня по кличке Морель и бросился через реку Эпт. Мост не выдержал тяжести его рыцарей и рухнул, Филипп «нахлебался воды», как с восторгом писал Ричард своему другу Филиппу Дарэмскому; короля вытащили на берег за ноги, двадцать его рыцарей утонули. Ричард лично спешился и взял в плен троих из оставшихся в живых. Трофеи англичан составили 130 рыцарей, 200 лошадей и множество простых солдат, которых во времена короля Ричарда никто не считал.

XI
1199 год

Победа Ричарда над французами около Жизора в сентябре 1198 года, несмотря на полное поражение Филиппа, не была окончательной, это было лишь очередное сражение, не закончившееся окончательным крахом армии короля Франции, и, разумеется, успехи Ричарда могли остановить его от притязаний на континентальные владения английского короля. Впрочем, это стало серьезным препятствием для Филиппа и, несомненно, вынудило пересмотреть свое положение. Помимо твердого намерения Ричарда защищать свои земли со всей решительностью и использованием всех возможных средств, что и прославило его как мужественного воина, Филиппу необходимо было учитывать и силу созданной врагом коалиции, и взгляды нового папы Иннокентия III, настроенного любым способом примирить двух королей, чтобы весь христианский мир вновь мог объединиться и начать следующий Крестовый поход, который папа серьезно планировал.

Такое положение дел заставило Филиппа прислушаться к призывам кардинала Пьетро Капуано, которого папа отправил с целью помирить двух королей. Встреча Филиппа и Ричарда состоялась между Верноном и Андели 13 января 1199 года, результатом ее стало заключение перемирия сроком на пять лет. Затем Ричард отправился в Пуатье, чтобы справиться с предательством Адемара, виконта Лиможа, перешедшего на сторону Филиппа. Согласование деталей перемирия Ричард оставил своим советникам; основным пунктом его было заключение брака между племянницей Ричарда Бланкой Кастильской и сыном и наследником Филиппа Людовиком, а также возвращение королю Англии всех территорий, отобранных у него за время противостояния.

Ричард обвинял виконта Лиможа в том, что он предал его, как своего сюзерена, не пожелав передать клад огромной ценности, найденный в Шалю. Ричард осадил замок Шалю и 26 марта был ранен болтом, выпущенным из арбалета и попавшим ему в левое плечо, в место у самого основания шеи, и вошедшим очень глубоко. Король вернулся в лагерь, где болт попытались извлечь, однако он сломался, и в ране остался железный наконечник, длиной в ладонь взрослого мужчины. Старания хирургов лишь ухудшили положение, это привело к инфекции.

Ричард вел себя мужественно перед лицом приближающейся

смерти. Он вызвал из аббатства Фонтевро королеву-мать, однако Алиенора приехала уже после кончины сына. Также Ричард провозгласил брата Иоанна наследником «королевства Англии и всех Наших земель» и велел своим сторонникам дать клятву верности Иоанну. Все свои драгоценности и три четверти богатств он оставил любимому племяннику императору Оттону, приказав оставшуюся четвертую часть раздать слугам и бедным. Ричард исповедался и принял святое причастие, а также последнее помазание. В четверг 6 апреля 1199 года «с закатом окончилась и его жизнь».

Единственными претендентами на трон Англии были принц Иоанн и Артур, герцог Бретани, двенадцатилетний сын старшего брата Иоанна Джеффри Бретонского, скончавшегося в 1186 году. Артур вырос при дворе короля Франции Филиппа II вместе с его родным сыном Людовиком. Разумеется, Ричард не считал Артура возможным наследником трона, поскольку тот был безраздельно предан Филиппу.

В сентябре 1197 года по совету брата принц Иоанн заключил соглашение с графами Фландрии и Намюра, поскольку в случае смерти Ричарда ему не удалось бы добиться мира с королем Франции без согласия двух этих графов. Была зачитана грамота, извещавшая об этом соглашении, косвенно подтверждавшая принятие Иоанна наследником Ричарда, также в ней выражалась уверенность, что Иоанн преумножит заслуги прежнего короля; надо отметить, что при этом присутствовали многие знатные люди Англии и Нормандии, в том числе Губерт Уолтер и Уильям Маршал.

Биограф Уильяма Маршала пишет о серьезных дебатах между ним и Уолтером; едва узнав о кончине Ричарда, они задались вопросом, кого из наследников им стоит поддержать, поскольку архиепископ предлагал Артура, а Маршал выступал за принца Иоанна. Помимо этого свидетельства нет никаких данных о том, что кто-либо в Англии всерьез считал Артура претендентом на трон после короля Ричарда.

Кроме того, перед самой кончиной, на смертном одре Ричард объявил Иоанна своим преемником, и это было изъявление его воли. Иоанн был хорошо известен в Англии, хотя и нелюбим, однако имел немало сторонников. Артура же, напротив, никто не знал, к тому же он был слишком юн и находился под покровительством короля Франции.

Иоанн, не сомневавшийся в поддержке архиепископа Губерта и Уильяма Маршала, отправил этих влиятельнейших мужей в Англию, чтобы с их помощью заручиться поддержкой баронов, предотвратить возможные волнения и обеспечить в стране мир и

порядок перед коронацией. Сам принц незамедлительно выехал в Шинон, где хранилась казна.

Роберт Тернхемский, сенешаль Анжу, выполняя последние приказы Ричарда, передал Иоанну казну и замки Шинон и Сомюр. Графства Мэн и Анжу отошли Артуру, и с целью отомстить Иоанн разгромил Ле-Ман.

Вести о смерти Ричарда достигли Англии в субботу, 17 апреля. Король умер, с ним эти земли покинул мир. «Все, кто владел замками, епископы наравне с баронами и графами, пополняли запасы провизии, оружия, собирали людей», чтобы быть готовыми к гражданской войне, которая могла разразиться из-за споров за право наследования. В стране начались беспорядки, грабежи и разбои. Джеффри Фицпетер предусмотрительно принял меры; в казначейских свитках сохранились данные о суммах, потраченных на укрепление королевских замков, и количестве призванных на службу рыцарей и сержантов, однако числом не слишком большим, они были разосланы по всей стране для сдерживания бандитов.

Действуя твердо, Губерт Уолтер, Джеффри Фицпетер и Уильям Маршал скоро смогли навести порядок. По всей стране были разосланы приказы дать клятву верности Иоанну. На Совете в Нортгэмптоне они гарантировали каждому, кто мог представлять опасность для мира в королевстве, что «Иоанн предоставит всем то, что им принадлежит по праву, если они поклянутся ему в преданности и соблюдении мира». Подобные заявления, подкрепленные со стороны архиепископа угрозой отлучить от церкви любого, кто посмеет посягнуть на спокойствие в стране, возымели действие – «бароны дали клятву верности Иоанну от лица всех noблей Англии».

Иоанн тем временем 25 апреля в Руане был коронован герцогом Нормандии архиепископом Готье де Кутансом. Через месяц он высадился в Шорхэме, а на следующий день направился в Лондон, где был коронован архиепископом Губертом Уолтером в Вестминстерском аббатстве в праздник Вознесения 27 мая 1199 года.

* * *

Бессмысленно утверждать, что Ричард I был плохим монархом; фактически он был королем Англии лишь номинально. Он никогда не правил Англией так, как его отец в прошлом и брат в будущем, в том смысле, что он не руководил правительственными чиновниками, не совершал шагов для

развития страны, ее судебной системы и прочих институтов, не действовал с целью развития и улучшения административной системы Англии, для повышения эффективности которой так много сделал Генрих II и его помощники, что выделило Англию среди остальных стран Западной Европы.

За десять лет своего правления король Ричард мало интересовался внутренними делами Англии; за это время он провел в королевстве лишь шесть месяцев; кроме того, не показал себя человеком сведущим в управлении и знатоком устройства институтов страны и не продемонстрировал желания что-либо узнать об этом. Англия возложила на его голову корону и позволила занять место среди монархов; Ричард отблагодарил Англию, сделав источником средств для Крестового похода, выплаты выкупа и, наконец, для защиты Нормандии.

Такой видится нам личность Ричарда I из XX века. Для своего же времени он был почти идеальным монархом, бесстрашным рыцарем, героем, храбрецом, дерзким, смелым воином, прирожденным полководцем и примером на поле боя, скорым на месть и щедрым на награды друзьям, порой безрассудным в своей щедрости, ярким, иногда сумасбродным и готовым решительно защищать то, что принадлежит ему. Он покрыл себя славой на Святой земле, позволил каждому англичанину гордиться принадлежностью к нации, во главе которой стоит такой король. Ричард всегда был там, где опасность; завершив поход, он остался на континенте, где возникла угроза, защищал свои земли, как ему и следовало поступить во время агрессивных нападок короля Филиппа.

Пренебрежение Ричарда к государственным делам было удачей для Англии. Страна была брошена на произвол сначала, когда король находился на другом конце света, затем вынуждена была разделить с ним заботы о его землях; баронам пришлось сплотиться и совместными усилиями действовать во благо государства, не имея надежды, что их король будет с ними и станет сильной рукой управлять страной.

В период свержения Гийома Лоншана в начале правления Ричарда, а также последующего развития законодательной, судебной и административной системы, предпринятой Губертом Уолтером, бароны проявили неожиданную сдержанность и здравый смысл, которые бы очень удивили отца Ричарда. Несложно заметить разницу в поведении и поступках мятежных, непокорных, эгоистичных баронов времен правления короля Стефана и разумных, почитающих закон и готовых к ответственности баронов, окружавших короля Ричарда, а также понять, какие шаги сделала Англия на пути к упорядоченному и

законному управлению.

Показавший себя тираном Гийом Лоншан был свергнут баронами, проявлявшими, однако, до того времени определенную покорность, склоняясь перед приказами короля, и все же позволившими себе ослушаться его воли и сделать попытку поставить на место канцлера. Они восстали против доверенного лица короля, когда его действия показались им недопустимыми; лишь один шаг отделял их от противостояния лично королю, если бы он действовал вразрез с их интересами.

Собрание недовольных баронов за городскими стенами Лондона в 1191 году стало репетицией событий в Раннимиде в 1215 году; то, что созрело в первом случае, получило воплощение во втором. Однако, если бы не пренебрежительное отношение к управлению короля Ричарда, они могли бы еще долго усваивать урок.

notes

Примечания

1

Среди тех немногих, кто остался с Генрихом до конца, был Уильям Маршал, безземельный рыцарь из знатного, но обедневшего рода. Будучи превосходным воином, Маршал едва не сразил Ричарда в битве под Ле-Маном. «Можно было не сомневаться, что Ричард отомстит, лишит Маршала всего имущества и отправит в ссылку. Или прикажет казнить. Уильяму предстояло […] узнать цену верности». Однако молодой король простил прославленного воина, вознаградил, выдав за него богатую наследницу, и приблизил к трону. Также были вознаграждены верные отцу рыцари: Балдуин де Бетюн получил лордство в Нормандии, Уильям де Рош был принят в свиту, Губерт Уолтер – назначен епископом Солсбери. См. подробнее: *Эсбридж Т.* Рыцарь пяти королей. История Уильяма Маршала, прославленного героя Средневековья. Центрполиграф, 2016. (*Примеч. ред.*)